

+

Вестник НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ Московского университета

Основан в ноябре 1946г.

Серия 13

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

№ 2 · 2014 · АПРЕЛЬ–ИЮНЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Филология

- Наний Л.О.* Прилагательные со значением ‘толстый/тонкий’: русский vs. китайский 3
- Семенюк М.В.* Мираж и реальность в романах Ван Аньи о Шанхае 16
- Холкина Л.С.* Семантическое поле ‘гладкий’ в китайском языке: лексико-типологический обзор 26

История

- Абак Т.* Курдская школа в Хое (к истории курдско-русских связей в начале XX в.) 43
- Леонтьева А.А.* «Новые мусульмане» в болгарских провинциях Османской империи (по данным кадийских регистров г. Софии конца XVII в. – XVIII в.) 51
- Пальников А.М.* Политика кемалистов в отношении религиозного образования в Турции (1923–1938) 63

Критика и библиография

- Фурсов К.А.* Карачо в А. Е. Ю. Диалоги с прошлым: этноистория раджпутского княжества. М.: Совпадение, 2013 76

Из истории Московского университета

- Арапов Д.Ю., Васильев А.Д.* Профессор Х.З. Габидуллин – первый руководитель московского университетского исторического востоковедения 79

Научная жизнь

- Барaboшкин К.Е., Семенюк М.В.* Литературоведческий семинар на кафедре китайской филологии 93

Памяти...

- Владимир Сергеевич Гривнин (1923–2014) 96

CONTENTS

Philology

- Naniy L.O.* Adjectives with the meaning ‘thick’ and ‘thin’: evidence from Russian & Mandarin Chinese. 3
- Semenyuk M.V.* Mirage and reality in Wang Anyi’s novels about Shanghai. 16
- Kholkina L.S.* Adjectives Denoting Smooth Surface Texture in Chinese from a Typological Perspective 26

History

- Abak T.* Kurdish School in Hoy (On the history of Kurdish-Russian relations at the beginning of the XXth century) 43
- Leontyeva A.A.* “New Muslims” in the Bulgarian provinces of Ottoman Empire (according to sharia courts registers of Sofya the end of XVII–XVIII cent.) 51
- Palnikov A.M.* Kemalist Policy Towards Islamic Education in Turkey during Ataturk Era (1923–1938) 63

Critique and Bibliography

- Fursov K.A.* K a r a c h k o v a E. Yu. Dialogues with the Past: Ethnohistory of a Rajput Princely State. Moscow: Sovpadenie, 2013. 76

From the history of the Moscow University

- Arapov D.Yu., Vasiliev A.D.* Professor H.Z. Gabidullin – the first head of the Moscow State University’s historical oriental studies 79

Scholarly Life

- Semenyuk M.V., Baraboshkin K.E.* Seminar on Chinese literature at the Department of Chinese Philology 93

In Memoriam...

- Vladimir Sergeyeovich Grivnin (1923–2014) 96

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2014

ФИЛОЛОГИЯ

Л.О. Наний

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘ТОЛСТЫЙ’/ ‘ТОНКИЙ’: РУССКИЙ VS. КИТАЙСКИЙ

L.O. Naniy

ADJECTIVES WITH THE MEANING ‘THICK’ AND ‘THIN’: EVIDENCE FROM RUSSIAN & MANDARIN CHINESE

В статье исследуется разбиение на лексемы семантического поля толщины в русском и китайском языках и определяются признаки, которые могут описать разницу между этими лексемами. Работа выполнена в рамках лексической типологии. Методы включают контекстный анализ словарных статей и примеров из корпусов, опрос носителей языка. Целью исследования является анализ семантики китайских прилагательных с исходным значением ‘толстый’ и ‘тонкий’, а также сравнение систем значений китайских и русских прилагательных из семантического поля толщины.

Ключевые слова: семантическое поле, лексическая типология, китайский язык, система значений, ‘толстый’ и ‘тонкий’.

The problem of our research is how the semantic field of thickness is divided by the lexemes in Russian and Chinese languages and what features can describe the difference between these lexemes. This study is performed within the framework of lexical typology. Methods used include context analysis of dictionary articles and corpora examples; questioning of native speakers informants. The goal of this study is to give a detailed analysis of the semantics of Chinese adjectives with initial meaning ‘thick’ and ‘thin’ and to give a comparison of systems of meanings between Chinese and Russian adjectives from the semantic field of thickness.

Key words: semantic field, lexical typology, Chinese, adjectives, system of meanings, ‘thick’ and ‘thin’.

Настоящая статья посвящена прилагательным со значением ‘толстый’ и ‘тонкий’ в русском и китайском языках. Данное исследование проводилось на основе методики лексико-типологического исследования, которую разработала и использует Московская лексико-типологическая группа под руководством Е.В. Рахилиной, в рамках проекта по прилагательным в языках мира¹.

¹ Ср. некоторые работы Московской лексико-типологической группы (MLexT): [Архангельский и др., 2011] про ‘чистый-грязный’ [Кашкин, 2013], про категориза-

Одна из гипотез лексической типологии заключается в том, что пути развития переносных значений лексем зависят от некоторых признаков/идей, заключенных в исходных значениях этих лексем. Иными словами, если в некотором семантическом поле понятие выражается несколькими квазисинонимами, то различия в их переносных значениях будут определяться разницей в исходных значениях. А если в некотором языке в данном семантическом поле всего одна лексема, то вполне вероятно, что пути развития ее переносных значений будут более разнообразными (точнее, они будут нечувствительны к этому противопоставлению).

В данном исследовании мы проверяем эту гипотезу на материале китайских и русских прилагательных со значением 'толстый' и 'тонкий', поскольку в китайском языке в этом семантическом поле основных лексем² больше, чем в русском. Кроме того, в китайском языке основные прилагательные, описывающие толщину объектов, являются однослогами, у которых обычно больше переносных значений, чем у двуслогов, что тоже послужило в пользу выбора этого семантического поля.

Работа с материалом состояла из нескольких этапов. Первой нашей задачей было определение лексем китайского языка по двуязычным словарям. В результате нами были выделены следующие лексемы: в русском языке *толстый*, *тонкий* и *худой*, в китайском – *ràng* 'толстый', *hòu* 'толстый', *cū* 'толстый', *shòu* 'худой', *báo* 'тонкий' и *xì* 'тонкий'.

Следующим этапом стал сбор информации и примеров из толковых и двуязычных словарей. Данные словарей были дополнены примерами из корпусов. Наконец, последний, но не менее важный этап – проверка собранной информации у носителей языка. На этом этапе нас интересовали тонкие семантические различия и отрицательные примеры.

Посмотрим на прямые значения отобранных нами лексем и выясним, какие признаки различают лексемы поля толщины в китайском языке.

Наиболее очевиден признак, связанный с антропоцентричностью языка. Для описания многих характеристик людей используются отдельные лексемы. По слову часто можно понять, к живому

цию фактуры поверхностей [Кюсева, Рыжова 2010], про 'острый-тупой' [Кюсева и др., 2012], про 'тяжелый-легкий' [Тагабилева, Холкина, 2010], про признаки 'пустой-полный' [Кюсева, Рыжова, Холкина, 2013], о проблеме определения границ семантического поля на примере признаков 'толстый' и 'тонкий' и др.

² Под «основными» мы понимаем наиболее нейтральные лексемы, характеризующие объекты с точки зрения их толщины, т. е. в русском языке мы рассматриваем лексему *толстый*, но не *пухлый*, *полный*, *пышный* и т. п. У подобных лексем чаще всего нет переносных значений либо они сами употребляются в переносном значении в контексте характеристики людей.

или не живому оно относится: существуют лексемы, описывающие только предметы: *густой, вязкий*, но существуют и лексемы, описывающие только людей: *ловкий, хитрый, грустный*. Но даже когда мы описываем человека как физический объект, для этого часто употребляются специальные слова, отличные от тех, какими мы описываем те же характеристики у неживого объекта: ср. tall ('высокий' о людях) vs. high ('высокий' о предметах).

Другой признак чуть менее очевидный, но тоже вполне предсказуемый, если опираться на исследования последних лет в зоне характеристики пространства и размеров – это топологический тип объектов. Типологам давно стало ясно, что далеко не любой материальный объект можно охарактеризовать с точки зрения его размеров, или, если говорить научным языком, концепты размеров вовсе не являются прототипически-свободными (prototype-free). С этой точки зрения Е. Трибушина [Tribushinina, 2008: 353–392] критикует утверждение о том, что единственное существенное различие между обозначениями цвета и прилагательными размера – это прототипичность первых и непрототипичность последних [Kamp, Partee, 1995]. Например, она замечает, что прототипическими объектами для прилагательного *высокий* во многих языках являются башни и деревья. Это подтверждается многочисленными наблюдениями за усвоением языка детьми: сначала они употребляют прилагательные размера только с несколькими объектами (например, словом *большой* обозначаются только очень большие объекты, такие как *слон*, и только очень маленькие объекты вроде *мышь* обозначаются словом *маленький*), а становясь старше, постепенно расширяют их сочетаемость.

Об этом же пишет Е.В. Рахилина [Рахилина, 2000]: «... на вопрос, в действительности ли всякий материальный объект в русском языке можно охарактеризовать с точки зрения его размеров или хотя бы величины, можно с уверенностью ответить “нет”. Повторим, что при этом с денотативной точки зрения соответствующие объекты могут быть глубокими, высокими, большими, но это совершенно не меняет дела: в язык «встроена» своя система измерения величины объектов, отличная от той, которую человек тщательно отработал в занятиях физикой и геометрией и... зафиксировал в лучших толковых словарях».

При попытке определить сочетаемость прилагательных размера стала очевидной связь формы и размера предметов. М. Бирвиш и его ученики в рамках структурного описания описывают подобную зависимость сложной системой признаков (например, [Bierwisch, Lang, 1989; Lang, 1995] и др.), при этом предлагая учитывать не только форму объекта, но и его ориентацию в пространстве. Большим шагом вперед в области исследования языковой системы стало понятие

топологического типа, введенное в употребление О.Н. Ляшевской и Е.В. Рахилиной [Ляшевская, Рахилина, 2007; Ляшевская, 2008]³. Оно предполагает концепцию языковой картины мира, согласно которой мы воспринимаем объекты мира как представителей нескольких эталонных форм – топологических типов. Каждый тип обладает определенным набором признаков, которые и определяют сочетаемость принадлежащих к нему объектов.

Например, незафиксированные в пространстве объекты нельзя охарактеризовать прилагательным *высокий*: **высокий гвоздь, палка, стрелка, веревка*. Зато прилагательное *длинный* используется как раз для обозначения таких объектов: *длинный гвоздь, палка, стрелка, веревка*, но не может сочетаться с некоторыми другими типами объектов: **длинное море, *длинная тетрадь*.

Уже на этапе работы со словарями стало понятно, что наши гипотезы в целом верны, и корпусный анализ это подтвердил:

1) Для разных топологических типов объектов в китайском языке используются разные пары лексем со значениями ‘толстый’ и ‘тонкий’. Для описания диаметра вытянутых объектов (shùzhī ‘ветка’, shéngzi ‘веревка’, tiěsī ‘провода’) используются лексемы cū ‘толстый’ и xì ‘тонкий’:

(1) Zhànshìmen	yòng	cū	shùzhī	zhāle	
солдат.PL	использовать	толстый	ветка	завязывать.MOD	
yī fù	dānjiǎ,	yào	tái	tā	zǒu.
один.CL	носилки	хотеть	нести	он	идти

Солдаты связали носилки из толстых веток, чтобы нести его.
(CCL)

(2) Yī gè	xùliyǎrén	shǒulǐ	wòzhe	yī gēn
один.CL	сириец	рука.LOC	держать.PRG	один.CL
lúwěi	shì de	xì	gùnbàng.	
тростник	походить.ATR	тонкий	шест	

Один сириец держал в руке похожий на тростник тонкий шест. (CCL)

Для описания же толщины плоских объектов (shū ‘книга’, qiáng ‘стена’, mùbǎn ‘доска’, yǎnjìng ‘очки’ и т. п.) употребляются лексемы hòu ‘толстый’ и báo ‘тонкий’:

³ Термин **топология** впервые появился в работах Л. Талми (см., например, [Talmy, 1983, 2000 и 2006]) в связи со способом восприятия и описания окружающего мира.

(3) Sīhū   bù   xiě chū   yī bù   hòu   shū,
 будто   NEG   писать.DIR   один.CL   толстый   книга
 jiù   xiǎnde   méi   xuéwèn.
 сразу   казаться   NEG   образованность

Как будто если не написать толстую книгу, то будешь выглядеть необразованным. (CCL)

(4) Fēngé   tā   liǎ   fángjiān de   báo   qiáng   yě
 разделять   он   двое   комната.ATR   тонкий   стена   тоже
 huì   xiāoshī,   tā   liǎ   huì   zùchéng   xìngfú de   jiāting.
 мочь   исчезнуть   он   двое   мочь   создавать   счастливы.ATR   семья

Возможно, тонкая стена, отделяющая их комнаты, исчезнет, они сформируют счастливую семью. (CCL)

2) Для описания людей в китайском языке используется отдельная пара лексем – pàng ‘толстый’ и shòu ‘худой’:

(5) Jiǎnxiūyuán   shì gè   ǎi   pàng   nánrén.
 тех.работник   быть.CL   низкий   толстый   мужчина

Тех. работником был низкий толстый мужчина. (CCL)

(6) Shòu nǚhái   bǎ shǒuzhōng de   shū   shuāi   zài   zhuōshàng.
 худой   девочка   ВА   рука.LOC.ATR   книга   бросать   LOC   стол.LOC

Худая девочка бросила книгу, которую держала в руках, на стол. (CCL)

Также pàng ‘толстый’ распространяется на обозначения некоторых частей тела человека (tuǐ ‘ноги’, dǔzi ‘живот’, shǒuzhǐ ‘пальцы’), что является стандартной метонимией. Интересная ситуация наблюдается в зоне вытянутых частей тела (shǒuzhǐ ‘пальцы’, tuǐ ‘ноги’), которые встречаются также и с cū ‘толстый’, хотя и значительно реже. Другие лексемы с исходным значением ‘толстый’ и ‘тонкий’ не могут использоваться для описания людей.

Впрочем, использование специальных лексем для описания размера человека не является чем-то необычным, ср. русские *худой, тощий, стройный, жирный, тучный, полный*. Однако, в отличие от китайского языка, эти лексемы не являются нейтральными (кроме *худой*). В английском языке для описания полных людей тоже используется отдельная лексема (ср. *thick vs. fat*), а вот для описания худых людей может использоваться стандартное для предметов прилагательное *thin* (наряду с другими более специфическими лексемами).

Что касается зависимости направлений развития значений от исходного значения, то мы видим следующую картину. У пары китайских лексем cū и xì, которые описывают диаметр «палок» и «веревки» развиваются в основном абстрактные переносные значения:

- (7) Zhè ge shǒugōnghuó tài cū le.
этот.CL ручной.работа очень толстый MOD

Эта ручная работа очень грубая (букв. толстая). (XD)

- (8) Xuēbái de xì cí sháo miàn shàng
Сюэ Бай.ATR тонкий фарфор ложка поверхность.LOC
huìzhe qiǎn fěnsè de xiǎohuā.
рисовать.PRG мелкий розовый ATR маленький.цветок

На ложке Сюэ Бая из тонкого фарфора были нарисованы бледно-розовые цветочки. (leeds)

- (9) Wǒ shì gè cū rén, yòu bù dòng gējù.
я быть.CL толстый.человек еще NEG.понимать опера

Я – неотесанный (букв. толстый) человек, к тому же не разбираюсь в опере. (CCL)

- (10) Zhè rén xīn hěn xì.
этот человек сердце очень тонкий

У этого человека сердце очень внимательное (букв. тонкое). (XD)

Кроме того, лексемы cū и xì имеют значение, связанное со звуком (голосом):

- (11) “Zěnmé bù zǒu” tā cū shēng wèn.
почему NEG.идти он толстый.звук спросить

“Как не идешь?” Спросил он хриплым (букв. толстым) голосом. (CCL)

- (12) Tā zǒngshì hěn xì shēng de jiǎnghuà.
она всегда очень тихий.звук.ATR говорить

Она всегда говорит очень тихим/тонким голосом. (leeds)

Мы назвали заложенную в исходных значениях этих лексем идею «идеи нити».

У пары китайских лексем hòu и báo, которые описывают толщину плоских объектов развиваются переносные значения, связанные с концентрацией и количеством:

(13) jiǔ wèi hěn hòu
 вино вкус-запах очень толстый

вкус-запах вина очень сильный. (XD)

(14) Gōngsī huòdé hòu lì de fāngfǎ dàzhi
 фирма получить толстый.прибыль ATR способ в общем
 yǒu yíxià jǐ zhǒng.
 иметь нижеперечисленный несколько вид

Методы компании по обретению большой прибыли в основном существуют следующие:… (leads)

(15) Zhè'er dì báo, chǎnliàng bù gāo.
 здесь земля тонкий урожайность NEG высокий

Здесь земля неплодородная, урожайность небольшая. (XD)

В сочетании со словами, обозначающими чувства, hòu и báo выражают степень их интенсивности, что тоже можно считать в некотором смысле концентрацией:

(16) Jìzhě hé zhāng dān de jiāoqing kěwèi bù báo.
 журналист и Чжан Дань ATR дружба можно.сказать NEG.тонкий

Дружеские отношения журналиста и Чжан Дая можно назвать теплыми (букв. не тонкими). (CCL)

(17) Wǒ kàn dào le rénmíng duì yīngxióng de
 я видеть.RES.MOD народ к герой ATR

shēnqíng hòuyì.

глубокий.чувства.толстый.дружба

Я видел глубокую привязанность народа к герою. (CCL)

Мы назвали идею, заложенную в исходных значениях этих лексем, «идеей слоя».

У пары ràng и shòu, очевидно, присутствует идея наличия (отсутствия) жира (или только у shòu, так как она противопоставляется также и лексеме féi, которая как раз значит ‘жирный, мясистый, плодородный’), отсюда такие примеры метафорических употреблений, как *постное мясо* и *неплодородная почва*.

(18) shòu dì
 худой земля

тощая (неплодородная) земля. (XD)

(19) Ròu yě bù néng tài shòu, yóu duō
 мясо тоже NEG.мочь слишком худой масло побольше
 yīdiǎn cái hǎochī.
 немного только вкусно

Мясо тоже не должно быть слишком постным, только с достаточным количеством жира будет вкусно. (CCL)

Кроме того, есть еще и метонимический перенос на одежду:

(20) Kùzi zuò de tài shòu le, kěyǐ wǎng
 брюки делать.EV слишком худой MOD мочь LOC
 fēi lǐ fàng yīxiǎ.
 толстый LOC отпускать немного

Брюки слишком узкие, можно сделать немного пошире. (XD)

В русском языке у лексемы *тонкий* очевидно присутствуют и идея «нити» (у лексемы *толстый* только одно переносное значение, поэтому насчет нее трудно что-либо утверждать). От «нити» образуются абстрактные переносные значения (*тонкий голос; намек, нюанс; ум; критик; тонкая резьба; тонкая работа*). С идеей «слоя» несколько хуже, с натяжкой можно считать, что она тоже присутствует и от нее образуется перенос на концентрацию в примерах типа *тонкий аромат, тонкий вкус*, хотя здесь скорее подразумевается изысканность и трудноуловимость, чем недостаточная концентрация.

В отличие от китайского языка у русской лексемы *худой* идеи наличия жира не наблюдается, так как нет соответствующих переносных значений. Однако присутствует негативная окраска (устаревающее значение ‘плохой, дурной’):

Но ничего, ничего, пруд выкопаем, карпов или карасей, на худой конец, разведём. (Виктор Астафьев. Обертон (1995–1996))

– И подписи подменяют, и всё. И худого слова не скажут. Концов потом не найдешь. (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001)

Итак, самым ярким отличием китайского языка от русского в данном семантическом поле является то, что в китайском идеи «нити» и «слоя» реализуются в разных парах лексем, а в русском – в одной. Также отдельная пара лексем в китайском языке отвечает за описание людей, тогда как в русском для описания людей могут использоваться те же лексемы, что и для описания толщины объектов.

Хотя полностью совпадающих метафорических значений в русском и китайском языках нет, есть достаточно близкие. Наличие идей «нити» и «слоя», которые проявляются в прямых значениях лексем, обуславливают появление близких метафорических значе-

ний у соответствующих лексем в русском и китайском языках. Различия же вызваны наличием других идей, которые при ближайшем рассмотрении тоже проявляются в сочетаемости лексем в прямом значении.

Таким образом, гипотеза лексической типологии о том, что пути развития переносных значений лексем зависят от признаков/идей, заключенных в исходных значениях этих лексем, подтверждается материалом китайского и русского языков.

В таблице приведены все производные значения от лексем с исходным значением ‘толстый’ и ‘тонкий’ в русском и китайском языках. В каждой строке расположены близкие значения (кроме последних трех).

Таблица

Русский язык	Китайский язык
<p><u>ТОНКИЙ-ТОЛСТЫЙ</u> (о звуке): высокий <i>тонкий голос, тенор, тонкий плач;</i> <i>толстый голос</i> чуткий, быстро и правильно воспринимающий что-л. <i>тонкий слух, зрение, обоняние, ум</i></p>	<p>粗 cū и 細 xì голос низкий и громкий / тихий голос <i>粗声 cū shēng грубый голос</i> <i>细声 xì shēng тихий, тонкий голос</i></p>
<p>трудноуловимый <i>тонкий намек, нюанс; тонкие различия;</i> <i>тонкая абстракция, аллюзия;</i> <i>тонкое замечание</i></p>	<p>мелкий, мельчайший (細 xì) <i>细节 xì jié подробности</i> <i>事无巨细 shì wú jù xì в делах не различать огромное и тонкое</i></p>
<p>сложный, подробный <i>тонкий вопрос, анализ, баланс, расчет;</i> <i>тонкая работа</i> изысканный, деликатный <i>тонкий подход, механизм; тонкая резьба</i></p>	<p>низкое качество / высокое качество <i>粗瓷碗 cū cí wǎn толстая фарфоровая миска (грубого фарфора)</i> <i>这个手工活太粗了。 Zhè ge shǒu-gōnghuó tài cūle Эта ручная работа очень грубая</i></p>
<p>проницательный, умный (о людях) <i>тонкий критик, дипломат, психолог, ценитель</i></p>	<p>небрежный, невнимательный / внимательно, подробно, тщательно <i>我天生粗神经 Wǒ tiānshēng cū shénjīng У меня от природы толстые нервы.</i> <i>他是个粗人 Tā shì gè cū rén Он толстый (неотесанный, грубый) человек</i></p>
<p>деликатный, тактичный (о людях) <i>тонкий человек; тонкая женщина</i></p>	<p>дикий, невежественный (粗 cū) <i>粗话 cū huà грубые слова</i></p>

Русский язык	Китайский язык
	厚 <u>hòu</u> и 薄 <u>báo</u> (чувства) глубокие / холодные, не- глубокие 深情厚谊 shēn qíng hòu yì глубокая привязанность и крепкая дружба
изысканный, не резкий, не гу- стой <i>тонкий аромат, вкус</i>	(вкус, запах) сильный, густой / не густой, слабый 酒味很厚 jiǔ wèi hěn hòu вкус-запах вина очень сильный
	(прибыль, состояние) большая / маленькая 厚利 hòu lì большая (толстая) при- быль 家庭厚 jiā tíng hòu богатая семья
ХУДОЙ (устар.) плохой, дурной <i>худой отец, худой обед, худой мате- риал, худой поступок, худые дела. Дело приняло худой оборот</i>	胖 <u>pàng</u> и 瘦 <u>shòu</u> нежирный; постный (瘦 shòu) 瘦肉 shòu ròu нежирное (постное) мясо
(устар.) дырявый, ветхий <i>худое ведро, худые рукавицы, са- поги</i>	тощий; неплодородный (瘦 shòu) 瘦地 shòu dì тощая (неплодородная) земля
	узкий (об одежде) (瘦 shòu) 袖子太瘦 xiù zi tài shòu рукава узки

Список литературы

- Архангельский Т.А., Тагабилева М.Г., Холкина Л.С. Качественные признаки 'чистый', 'грязный', 'прозрачный', 'мутный': к построению семантической типологии // Материалы Восьмой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб., 2011 (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Д.В. Герасимов. Т. VII. Ч. 3).
- Баранова З. И., Котов А. В. Большой русско-китайский словарь. М., 1990.
- Кашкин Е.В. Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013. 329 с.
- Кюсева М.В., Рыжова Д.А. Признаковая лексика: прилагательные 'острый' и 'тупой' в типологической перспективе // Материалы Седьмой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб., 2010 (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. VI. Ч. 3).

- Кюсева М.В., Рыжова Д.А., Холкина Л.С. Лексическая типология: к проблеме определения границ семантического поля (на примере признаков ‘толстый’ и ‘тонкий’) // Guzmán Tirado R., Votyakova I. (eds.) *Tipologia lexica*. Granada, 2013.
- Кюсева М.В., Рыжова Д.А., Холкина Л.С. Прилагательные легкий и тяжелый в типологической перспективе // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции Диалог 2012 (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012)*. Вып. 11 (18): В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М., 2012. С. 247–255.
- Ляшевская О.Н. Топологические классы имен в семантической разметке Национального корпуса русского языка // *Корпусная лингвистика – 2008. Труды международной конференции*. СПб., 2008.
- Ляшевская О.Н., Рахилина Е.В. Топология в классификации русских предметных имен // *Труды III Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность»*. М., 2007. С. 469–470.
- Ошанин И.М. Большой китайско-русский словарь. М., 1983.
- Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Тагабилева М.Г., Холкина Л.С. Качественные признаки ‘пустой’ и ‘полный’ в типологическом освещении // *Материалы Седьмой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей*. СПб., 2010 (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. VI. Ч. 3).
- Bierwisch M., Lang E. (eds.) *Dimensional adjectives: grammatical structure and conceptual interpretation*. Berlin: Springer, 1989.
- Kamp H., Partee B. Prototype theory and compositionality // *Kamp H., Partee B. Cognition* 57: 129–191, 1995.
- Lang E. Basic dimension terms: a first look at universal features and typological variation // E. Lang (ed.) *FAS papers in linguistics*. B., 1995.
- Talmy L. How language structures space // *Pick H.L., Jr., Acredolo L.P. (eds.) Spatial orientation: Theory, research and application*. N. Y.: Plenum Press, 1983.
- Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. Cambridge, MA: MIT-press, 2000.
- Talmy L. The fundamental system of spatial schemas in language // *Hamp B. (ed.), From perception to meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*. Mouton de Gruyter, 2006.
- Tribushinina E. Cognitive reference points: Semantics beyond the prototypes in adjectives of space and colour. LOT, Utrecht, 2008.
- Xiandai Nanyu Cidian. *Словарь современного китайского языка*. Пекин, 2012.
- Xinhua Zidian. *Словарь иероглифов Синьхуа*. Пекин, 2007.

Корпуса

Корпус «китайский интернет» из коллекции Leeds. URL:
<http://corpus.leeds.ac.uk/query-zh.html>
 Корпус Пекинского Университета (CCL). URL:
http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp?dir=xiandai
 Национальный корпус русского языка. URL:
<http://www.ruscorpora.ru>

Глоссы

LOC – пространственные предлоги и послелогои; DIR – направительные морфемы; MOD – модальная частица 了; PRG – показатели прогрессива; CL – счетное слово – классификатор; NEG – показатель отрицания; BA – маркер вынесения объекта в позицию перед глаголом; ATR – маркер определения к существительному или глаголу; RES – результативные морфемы; EV – показатель оценки действия или возможности его совершить.

References

- Arkhangel'skii T.A., Tagabileva M.G., Kholkina L.S. *Kachestvennye priznaki 'chisty', 'gryaznyi', 'prozrachnyi', 'mutnyi': k postroeniyu semanticheskoi tipologii* (The Concepts 'Clean', 'Dirty', 'Transparent' and 'Opaque' in Typological Perspective) // *Materialy Vos'moi konferentsii po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei*. St. Petersburg: Nauka, 2011 (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN / Otv. red. D.V. Gerasimov. T. VII. Ch. 3).
- Baranova Z.I., Kotov A.V. *Bol'shoj russko-kitajskij slovar'* (Russian-Chinese dictionary). Moskva: Russkij jazyk, 1990.
- Bierwisch M., Lang E. (eds.) *Dimensional adjectives: grammatical structure and conceptual interpretation*. Berlin: Springer, 1989.
- Kamp H., Partee B. *Prototype theory and compositionality* // Kamp H., Partee B. *Cognition* 57: 129–191, 1995.
- Kashkin E.V. *Yazykovaya kategorizatsiya faktury poverkhnosti (tipologicheskoe issledovanie naimenovaniy kachestvennykh priznakov v ural'skikh yazykakh)* (Cross-linguistic categorization of surface texture (a typological study of qualitative concepts in Uralic)): Diss. ... PhD. Moscow: MSU, 2013.
- Kyuseva M.V., Ryzhova D.A. *Priznakovaya leksika: prilagatel'nye 'ostryi' i 'tupoj' v tipologicheskoi perspektive* (Qualitative Lexicon: Adjectives 'sharp' and 'blunt' in a Typological Perspective) // *Materialy Sed'moi Konferentsii po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei*. St. Petersburg: Nauka, 2010 (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN / Otv. red. N.N. Kazanskii. T. VI. Ch. 3).
- Kyuseva M.V., Ryzhova D.A., Holkina L.S. *Leksicheskaja tipologija: k probleme opredeleniya granic semanticheskogo polja (na primere priznakov 'tolstij' i 'tonkij')* (Lexical typology: the problem of determining the boundaries of the semantic field (on the example of features 'thick' and 'thin')) // Guzmán Tirado R., Votyakova I. (eds.) *Tipología léxica – Granada*, 2013.
- Kyuseva M.V., Ryzhova D.A., Kholkina L.S. *Prilagatel'nye legkii i tyazhelyi v tipologicheskoi perspektive* (Adjectives 'light' and 'heavy' in a Typological Perspective) // *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoi konferentsii Dialog 2012*. Moscow: RGGU, 2012. P. 247–255.
- Lang E. *Basic dimension terms: a first look at universal features and typological variation* // E. Lang (ed.). *FAS papers in linguistics*. B., 1995.
- Ljashevskaja O.N. *Topologicheskije klassy imen v semanticheskoy razmetke Nacional'nogo korpusa russkogo jazyka* (Topological classes in semantic annotation of the Russian National Corpus) // *Korpusnaya lingvistika – 2008*. Trudy mezhdunarodnoj konferentsii. SPb. : Izdatel'skij dom SPbGU, 2008.
- Ljashevskaja O.N., Rakhilina E.V. *Topologija v klassifikacii russkikh predmetnyh imen* (Topology in classification of Russian nouns) // *Trudy III Mezhdunarodnogo kongressa issledovatelej russkogo jazyka "Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'"*. M., 2007.

- Oshanin I.M. *Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' (Chinese-Russian dictionary)*. Moskva: Nauka, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1983.
- Rakhilina E.V. *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost' (Cognitive analysis of concrete nouns: semantics and combinability)*. Moscow, Russkie slovari, 2008 (1-st edition 2000).
- Tagabileva M.G., Kholkina L.S. *Kachestvennye priznaki 'pustoi' i 'polnyi' v tipologicheskom osveshchenii (The Concepts 'Full' and 'Empty' in Typological Perspective) // Materialy Sed'moi Konferentsii po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei. St. Petersburg: Nauka, 2010 (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN / Otv. Red. N.N. Kazanskii. T. VI. Ch. 3).*
- Talmy L. *How language structures space // Pick H.L., Jr., Acredolo L.P. (eds.) Spatial orientation: Theory, research and application. N. Y.: Plenum Press, 1983.*
- Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. Cambridge, MA: MIT-press, 2000.
- Talmy L. *The fundamental system of spatial schemas in language // Hamp B. (ed.) From perception to meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Mouton de Gruyter, 2006.*
- Tribushinina E. *Cognitive reference points: Semantics beyond the prototypes in adjectives of space and colour*. LOT, Utrecht, 2008.
- Xiandai Hanyu Cidian. Dictionary of Contemporary Chinese*. Beijing: Commercial Press, 2012.
- Xinhua Zidian. Dictionary of Chinese Characters*. Beijing: Commercial Press, 2007.

Corpora

- Beijing University Corpus (CCL). URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp?dir=xiandai
- Chinese Internet Corpus from University of Leeds. URL: <http://corpus.leeds.ac.uk/query-zh.html>
- Russian National Corpus. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Сведения об авторе: *Наний Людмила Олеговна*, аспирант направления «Фундаментальная и прикладная лингвистика» филол. ф-та Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: naniilu@yandex.ru

About the author: *Naniy Liudmila Olegovna*, PhD student, Higher School of Economics, Faculty of Philology. E-mail: naniilu@yandex.ru

М.В. Семенюк

**МИРАЖ И РЕАЛЬНОСТЬ В РОМАНАХ ВАН АНЬИ
О ШАНХАЕ**

M.V. Semenyuk

**MIRAGE AND REALITY IN WANG ANYI'S NOVELS
ABOUT SHANGHAI**

В статье рассматриваются художественные принципы изображения Шанхая в романах Ван Аньи. Несмотря на внешний акцент на бытописание и документальную детализацию, анализ художественных особенностей и «точек зрения» внутри произведений позволяет выделить в зрелых романах писательницы двуплановую структуру повествования, в которой параллельно с планом реальности сосуществует изображение «жизни-иллюзии». Таким образом, делаются выводы о трансформации художественного изображения города в сторону внереалистического и субъективного. На материале «шанхайских» романов иллюстрируется значимая образная и конструктивная роль мотива сна в художественном мире произведений Ван.

Ключевые слова: Ван Аньи, китайская литература, литература «хайпай».

This article discusses the development of artistic principles Wang Anyi's novels about Shanghai. Despite the emphasis on depicting everyday city life in accurate and historically authentic detail, analysis of the art features and "points of view" within the novels reveals a double-layered narrative structure in which describing real life coexists with depicting an illusory existence. Therefore we can make certain conclusions that artistic representation of Shanghai in late novels is leaning more towards non-realistic and subjective approach. The article also emphasizes constructive significance of the concept of dream in artistic world of Wang Anyi's novels.

Key words: Wang Anyi, Chinese literature, "haipai" literature, mirage, dream.

Шанхайская писательница Ван Аньи – одна из наиболее значимых фигур на литературной арене современного Китая. Она совмещает крайне насыщенную литературную работу с должностью председателя Шанхайского отделения Союза писателей Китая и профессора Фуданьского университета, а также с широкой общественной деятельностью и активным участием в литературных конференциях в Китае и за рубежом. По мнению некоторых критиков,

например, Лю Чжи, Ван Аньи «является самым значимым писателем континентального Китая за последние 20 лет»¹. Ряд ее произведений удостоен престижных литературных премий, в частности, повести и романы «Исчезновение» (1982), «Деревня Сяобаочжуан» (1985), «История Дядюшки» (1990), «Отчаянные головы» (2005), «Эпоха Просвещения» (2007), «Пленительный аромат» (2011), а ее роман «Песня о бесконечной тоске» (1996) получил в 2001 г. самую престижную литературную награду страны – премию Мао Дуня.

В творчестве Ван одной из центральных тем является изображение Шанхая. Еще в раннем детстве, переехав с семьей в Шанхай, родной город ее матери, известной писательницы Жу Чжицзюань, Ван Аньи связывает с ним свою дальнейшую жизнь и творчество. Большая часть произведений Ван посвящены Шанхаю, который становится в них не столько местом действия, сколько полноправным героем повествования. Это позволяет большинству китайских исследователей рассматривать творчество Ван, в первую очередь, в контексте такого художественного явления, как «шанхайская литература» («хайпай вэньсюэ»). Так, видный ученый современной китайской литературы Ван Дэвэй свое исследование творчества Ван озаглавил таким образом: «У литературы “хайпай” появился продолжатель». В нем он, в частности, сопоставляет творчество Ван с творчеством центральной фигуры течения «хайпай» Чжан Айлин и приходит к выводу, что хоть «Ван не присуща “аристократическая насмешка” Чжан, но вольно или невольно она создает в своих романах стиль, присущий жизни “хайпай”»². В рамках такой трактовки произведения Ван предстают как произведения «местной» литературы, посвященной специфике жизни в конкретном городе, а также как произведения бытописательные, исторически и документально достоверные. Действительно, частью художественного мира «шанхайских» произведений Ван является воссоздание жизни и истории города в мельчайших деталях, именно эта их особенность во многом и вызвала всплеск популярности произведений Ван у массового читателя в 1990-е годы на волне ностальгии по «старому Шанхаю». Так об этом времени пишет профессор Фуданьского университета Чэнь Сыхэ: «В начале 90-ых культура стала достаточно хаотической и разрозненной, популярность “светской” культуры постепенно оказывает все большее влияние на общество, и особенно это касается

¹ Цит. по: *Movius L. Rewriting Old Shanghai* (Переписывая историю Старого Шанхая) // *Asian Wall Street Journal*. May 16–18. 2003. URL: <http://www.movius.us/articles/awsj-changhenge.html> 1.12.2013. *Здесь и далее цитаты даны в переводе автора статьи.*

² Ван Дэвэй. Хайпай вэньсюэ юцзянь чуаньжэнь. Дандай сяошо эршицзя (У традиций литературы «хайпай» появился продолжатель. 20 писателей новейшей литературы). Пекин: Шэнхуо–душу–синчжи саньянь шудянь, 2006. С. 21.

моды на “ностальгию”, связанную с Шанхаем – она, словно пожар охватывает все общество»³.

Однако трактовка «городских» романов Ван исключительно как романов бытописательно-документальных кажется нам не совсем верной. Если сопоставить более ранние и более поздние романы писательницы, посвященные Шанхаю, то в последних становится очевидным значительное изменение творческой манеры, формирование принципиально иного ракурса изображения. Для ранних романов Ван, таких как «Исчезновение» 1982 г. и «Поколение школьников 1969 года» 1984 г., было действительно характерно подробное воссоздание жизни Шанхая той эпохи, активное использование документальных и архивных материалов, подробные описания работы в архивах и библиотеках можно найти в «Записках о чтении книг» Ван того времени⁴. Однако на рубеже 1990-х, во время новой волны популярности «хайпай», писательница отдалается от этой темы, обращаясь к совершенно другой модели иллюзорного художественного мира, отрицающего принципы документальности и достоверности (таковы романы «История Дядюшки» (1990) и «Достоверность и вымысел» (1993)). Лишь в 1995 г. Ван Аньи вновь возвращается к «шанхайской» теме, публикуя роман «Песня о бесконечной тоске», в котором действие происходит в «старом Шанхае» 1940–1980-х годов. За ним следует целый ряд романов «городского цикла»: «Я люблю Билла» (1995) «Мэйтоу» (1999), «Мини» (2000), «Фупин» (2005). Эти романы сохранили столь привлекательную для читателя того времени детализацию шанхайского быта и нравов, а также в них появился линейный и занимательный сюжет, основанный на любовных перипетиях, в связи с чем ряд исследователей даже стали рассматривать их в качестве своего рода популярной литературы⁵. Однако с такой оценкой «шанхайских» романов Ван трудно согласиться, так как при анализе их художественного мира мы обнаруживаем, что, хотя в этих произведениях по-прежнему присутствует развитый бытописательный компонент, повествование в них организовано сложно, выполняя совершенно новые для автора художественные задачи. Для этих романов характерно «двоемирие» художественного пространства, благодаря чему изображение города перестает быть однородным, реалистически-документальным, в нем формируются и сосуществуют равноправно план «реальности» города и план

³ Чэнь Сыхэ. Чжунго сяньдандай вэньсюэ минпянь шиуцзян (Пятнадцать лекций о знаменитых произведениях новой и новейшей литературы). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2003. С. 379.

⁴ Подробнее об этом см.: Ван Аньи. Душу бицзи (Записки о чтении книг). Пекин: Синсин чубаньшэ, 2007. С. 18–21.

⁵ Такую точку зрения мы находим, к примеру, у Тан Чжэшэна, см.: Тан Чжэшэн. Чжунго дандай тунсу сяошо шилунь (Историческое исследование новейшей популярной литературы). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2007. С. 53–77.

«иллюзии». Параллельное существование этих планов выявляется, в частности, при анализе произведений с целью определения точек зрения, существующих внутри них. Яркой особенностью этой группы романов Ван является драматическое противопоставление «точек зрения в плане оценки»⁶, т. е. выраженных в тексте идеологических позиций автора, с одной стороны, и героев – с другой.

С точкой зрения героев связан план ностальгического изображения «Старого Шанхая». Центральные персонажи поздних «городских» романов Ван – юные девушки, каждая из которых в начале своего жизненного пути оказывается в Шанхае. В их представлении этот город является удивительным и бесконечно прекрасным миром, наполненным роскошью, искусством и гедонистическим наслаждением жизнью. Именно с этим образом жизни связаны все мечты и чаяния главных героинь. Такова героиня «Я люблю Билла» А Сань – художница, которую влечет богемный мир Шанхая, такова и героиня романа «Мини» – девушка, которая стремится удачно выйти замуж и стать частью красивой жизни города. Героиня романа «Мэйтоу» надеется, что в этом буквально пропитанном западной культурой городе ей удастся найти иностранного покровителя и уехать в Сан-Франциско, героиня романа «Фупин» мечтает превратиться в «шанхайскую красотку» с обложки, а Ван Цяю, главная героиня романа «Песнь о бесконечной тоске», хочет стать безупречной «шанхайской красоткой» с киноафиши или с рекламного плаката. Эти истории обретают реальность в сюжетах популярных песенок, на картинах и голубом экране, на конкурсах красоты, в сплетнях и байках о различных «историях успеха», которые передаются из уст в уста в шанхайских переулках-лунтанах. Этот Шанхай в произведениях Ван живописуется настолько подробно и привлекательно, что буквально оживает. Так, в ее романах мы встречаем подробные описания утонченных салонов и изысканных вечеринок, воспоминания о шанхайском кинематографе и костюмах знаменитых актрис, беседы о живописи, о европейском и китайском искусстве, рассуждения о нарядах, прическах, тканях и изысканных манерах. Город наполнен звуками джаза, яркими вывесками дорогих магазинов, описаниями старых фотографий и картин и рассуждениями об удивительной красоте, практически чувственной осязаемости и привлекательности этого города. Яркое воплощение этого образа мы находим в романе «Песня о бесконечной тоске»: «Шанхай... живет вечеринками. Неоновые огни, танцевальные залы – плоть этого города, который никогда не спит... Воздух города переполнен душевными излияниями, романтическими историями и роскошью, его воздух дразнит, а вода подобна прозрачным румянам»⁷.

⁶ Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб., 2000. С. 16.

⁷ Ван Аньи. Чанхэнгэ (Песня о бесконечной тоске). Хайкоу: Наньхай чубань гунсы, 2003. С. 43.

Однако параллельно с чарующими картинами эlegantной шанхайской жизни в романах обнаруживается принципиально иной ракурс изображения реальности, которой связан уже не с точкой зрения героев, а с точкой зрения автора. В этом плане изображения Шанхай также красив, но красота его скрывается в мелочах повседневности, она бесконечно далека от мишурного блеска «старого Шанхая». Так, в романе «Песнь о бесконечной тоске» мы находим: «То, что трогает душу в шанхайских переулках-лунтанах – это повседневные картины. Это вовсе не восторг созерцания волнующихся просторов волн и облаков, от которого захватывает дух, совсем не то – это ощущение медленно копится по капле, и от него пахнет дымом, копотью и людьми»⁸. Таким образом, позиции героев и автора оказываются в отношениях антитезы, ведь герои, погруженные в свои мечты об успехе, стремятся не замечать другой, повседневный ракурс жизни Шанхая. Эта антитеза наглядно предстает в двух описаниях внешности главной героини «Песни о бесконечной тоске» Ван Цяю. Одно из них привлекательно с точки зрения самой героини: «Ван Цяю с плаката в витрине фотостудии была милой и трогательной, но при этом очень сдержанной, как будто она была немного выше, чем обычные люди. Ее лицо было внешне холодным и бесстрастным ... такое всем нравится. Эта Ван Цяю нравилась самой Ван Цяю больше всего, она полностью отвечала ее вкусам».⁹ Прямо противоположное, но по-своему привлекательное изображение мы находим, перемещаясь на точку зрения автора: «В ее красоте было что-то повседневное... ей недоставало поэтичности, но от нее веяло честностью и искренностью»¹⁰.

Противопоставление двух ракурсов изображения Шанхая и его жителей становится все более явственным по мере развития сюжетов произведений, и к их развязке приобретает драматический характер. Каждый из этих романов заканчивается развенчанием волшебного образа роскошного и чарующего Шанхая, и каждая героиня сталкивается с реальностью, изображенной с точки зрения автора, и тогда она приобретает уже не приятный в своей простоте, а, скорее, отталкивающий вид. Обращает на себя внимание резкое противопоставление между лиричным и изящным повествованием начала романа, и нарочито грубо описанной, гротескной развязкой, которая усиливает ощущение пагубной силы, сокрытой за столь прелестным образом «старого Шанхая». Так, возвышенные мечты художницы А Сань об искусстве и живописи оборачиваются поиском иностранных покровителей, а в итоге – обыкновенной проституцией и отправлением в колонию, героиня романа «Мини», мечтавшая о

⁸ Ван Аньи. Чанхэнгэ (Песня о бесконечной тоске). С. 6.

⁹ Там же. С. 37.

¹⁰ Там же. С. 30.

роскошном доме-салоне, оказывается в конце романа любовницей главаря банды мошенников, а героиня «Песни о бесконечной тоске» Ван Цяю, чувствуя приближение старости, так отчаянно стремится вернуть себе статус «шанхайской красотки», что находит себе юного возлюбленного, увлеченного как раз «старым Шанхаем» и проводящего время за прослушиванием старых джазовых пластинок, так в ее доме оказывается не только молодой мечтатель, но и его друзья-проходимцы, один из которых и убивает героиню, чтобы украсть ее украшения, полученные от бывших возлюбленных.

В конце романа «Я люблю Билла» мы видим лишенную всякого богемного лоска картину существования художницы А Сань, мечтавшей о признании и роскошной заграничной жизни: «Все это: пришивание ярлычков, вязальные машины, латание одежды, упаковка, погрузка, затем снова разгрузка, гимнастика, занятия, еда из железной миски, обрезанные волосы, коротко подстриженные ногти... тяжелый труд и постоянное соперничество... все это, как же это было невыносимо, уж лучше умереть!»¹¹

Еще меньше соответствует мечтам об элегантном салоне последнее пристанище героини романа «Мини» – воровской притон, в котором она ведет фактически полуживотное существование, предаваясь плотским утехам: «Они словно вернулись к изначальному, к существованию человечества в первобытных зарослях. Этот домик с деревянными перегородками не мог выдержать их масштабной, грандиозной физической активности, он сотрясался до основания и, казалось, вот-вот рухнет»¹².

Этот контраст между мечтой и реальностью в судьбе героев раскрывает одну из главных идей «шанхайских» романов: жизнь, которую читатель вслед за героями воспринимает как некую реальность, оборачивается иллюзией, «своего рода городским мифом» как только повествование переходит на точку зрения автора. Мир «старого Шанхая», подробно и детализированно описанный, казавшийся столь настоящим, существует лишь в воображении героев, которые проживают жизнь ведомые не реальной жизнью, а мечтой. Тема иллюзорности существования, ранее не характерная для творчества Ван, в этом цикле «шанхайских» романов становится одной из важнейших. Одно из наиболее ярких воплощений мотива иллюзии мы находим в романе «Песня о бесконечной тоске», в котором перед нами предстает целая череда миражных картин: от сцены смерти некой девушки, которую юной Ван Цяю предлагают сыграть на пробах, до конкурса на звание «шанхайской красотки», похожего на сон наяву. Иллюзорность, эфемерность – лейтмотивы

¹¹ Ван Аньи. Во ай Бизр (Я люблю Билла). Хайкоу: Наньхай чубань гунсы, 2000. С. 142.

¹² Ван Аньи. Мини (Мини). Хайкоу: Наньхай чубань гунсы, 2000. С. 168.

в описании образа главной героини: она часто появляется в романе во множественном числе, как будто растворяясь в тысяче лиц, в описаниях ее внешности присутствует мотив зыбкости и прозрачности. Даже сама героиня не может понять живет ли она или всего лишь находится в плену странных видений, в этом плане показателен эпизод визита Ван Цяо к больной: «Служанка проводила ее в гостиную, на кровати лежала молодая девушка ... Ей [Ван Цяо] вдруг показалось, что эта девушка – она сама ... Иногда в синих всполохах пламени от спиртовки ей виделись красочные картины, целые маленькие вселенные, в которых вечно звучит музыка и все танцуют»¹³. Герои, взаимодействующие с ней, в свою очередь видят не реального человека, а лишь зыбкую иллюзию: «Кан Минсюнь знал, что даже будь Ван Цяо еще прекраснее, она, будящая в нем ностальгию и возвращающая ему его потерянное сердце, в конце концов – всего лишь мираж»¹⁴.

Тема миража создает особую тональность художественного мира романов, тональность безграничной печали, тоски по несбыточному и недостижимому. Особенное настроение этого цикла романов Ван профессор Ван Дэвэй назвал «эстетикой тоски и печали»¹⁵. Это чувство тоски, пронизывающее романы, рождается из трагического несоответствия мира иллюзорной мечты и мира реального, из невозможности их соприкосновения. Однако некое взаимодействие между ними все же существует, именно в связи с этим в художественной ткани романов активно присутствует мотив сна. Использование мотива сна как способа создания своеобразного «двоемирия» в произведении отсылает нас к традициям классической китайской литературы. Так, Д.Н. Воскресенский отмечает, что «в литературе сон стал важной темой и вошел во многие сюжеты произведений разных жанровых форм»¹⁶. Сон в художественном тексте часто воспринимается не только как психическое состояние человека, но «как особая сфера жизни ... инобытие...своеобразный антимир»¹⁷. В такое инобытие, с точки зрения Ван, и погружены шанхайцы. Писательница неоднократно подчеркивает важнейшую роль сна в жизни шанхайцев, например, в эссе «Сравнивая Пекин и Шанхай» можно встретить подобные рассуждения:

---

¹³ Ван Аньи. Чанхэнгэ (Песня о бесконечной тоске). Хайкоу: Наньхай чубань гунсы, 2003. С. 133.

¹⁴ Там же. С. 171.

¹⁵ Ван Дэвэй. Хайпай вэньсюэ юцзянь чуаньжэнь. Дандай сяошо эршиця (У традиций литературы «хайпай» появился продолжатель. 20 писателей новейшей литературы). Пекин: Шэнхуо–душу–синчжи саньянь шудянь, 2006. С. 34.

¹⁶ Воскресенский Д.Н. Литературный мир средневекового Китая: китайская классическая проза на байхуа: Собрание трудов. М., 2006. С. 194.

¹⁷ Там же. С. 194.

«В... сердцах [шанхайцев] не найти никакого прошлого, в них – всего лишь старый сон о двадцати годах роскоши, и даже этот сон досмотрен не до конца, они до сих пор пьяны им. Они не очень привыкли к такой мыслительной деятельности как воспоминания, но зато они умеют мечтать... такова их жизнь: наполовину настоящая, а наполовину – вымышленная»¹⁸.

Таковы и героини «шанхайских» романов: так, в романе «Я люблю Билла» даются подробные описания болезненных снов-видений главной героини, а также подробное описание ее картин, в которых ее мечты о славе и признании как будто оживают.

«Она нашла свой старый рисунок, на котором были изображены человечки на перекрестке рядом с универмагом, и решила прямо поверх изобразить свой новый замысел. Она взяла другие цвета, такие яркие и живые... и эти человечки стали уже не простыми смертными. Те, что были на переднем плане, получили важные роли: они превратились в политических деятелей, кинозвезд, значимых персон, религиозных лидеров прошлого и настоящего, в известных китайцев и иностранцев, стали персонажами, знакомыми каждому»¹⁹.

Жизнь героев романа «Фупин» тоже наполнена снами, ведь только в них сбываются их мечты о счастливой жизни:

«Жена рассказывала ему, что произошло за день, но до него ее слова доносились будто сквозь сон... наконец, он опустил голову на подушку и уснул. На этот раз ему привиделась родина, вот плещется вода, вот нарядные домики из красного кирпича... как же давно он там не был!»²⁰

Героиня романа «Мини», приехавшая в Шанхай, чтобы встретиться со своим новым возлюбленным, придя к нему в дом, неожиданно оказывается во сне:

«Она отворила заднюю калитку и вошла ... и вдруг оказалась как будто во сне. Она подумала: где же это я?»²¹

Сон фактически становится единственным способом «реализации» иллюзии, ведь только в снах мечты героев о счастье как будто становятся реальностью. Характерно, что в рамках сна не существует антитезы точек зрения автор – герой, в описаниях сна эти две точки зрения совпадают, из чего можно заключить, что мотив сна в романах несет конструктивное значение, обеспечивая взаимодействие всех планов изображения и цельность художественного мира.

¹⁸ Ван Аньи. Бицзяо Бэйцзин хэ Шанхай (Сравнивая Пекин и Шанхай). URL: <http://www.cmzhengda.com/Article/Print.asp?ArticleID=2582>, 1.12.2013

¹⁹ Ван Аньи. Во ай Биэр (Я люблю Билла). Хайкоу: Наньхай чубань гунсы, 2000. С. 59.

²⁰ Ван Аньи. Фупин (Фупин). URL: <http://www.eywedu.com/Cpxsxc/cpxs2006/cpxs20060703-16.html>, 1.12.2013

²¹ Ван Аньи. Мини (Мини). Хайкоу: Наньхай чубань гунсы, 2000. С. 28.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в «шанхайских» романах Ван Аньи, написанных после 1995 г., появляются значимые изменения в самих художественных принципах и приемах изображения города. Шанхай в произведениях Ван из своеобразной исторической реконструкции, из попытки восстановить утраченную историю становится неким эстетическим явлением, которое более чем реально, и одновременно – это прекрасный мираж. В этих произведениях повествование из-за несовпадения точек зрения автора и героев становится двуплановым, в нем параллельно с планом реальной жизни существует план иллюзии, «своего рода городского мифа», и эти два плана связаны через мотив сна. Такое художественное изображение несет в первую очередь критическую функцию, наглядно показывая трагическую сущность внешне столь привлекательной картины «старого Шанхая». Так, Чэнь Сыхэ отмечает, что «Песня о бесконечной тоске» – это «лучшее по сей день произведение, в котором в эстетической форме выражены иллюзорность и ложность в жизни городского населения»²². В то же время данное изображение, выходя за рамки документальной реконструкции, основанной на автобиографическом опыте, формирует принципиально иной характер художественной действительности, в котором на первый план выходят не столько объективные реалии, сколько чувства, эмоции и субъективное восприятие. Таким образом, Шанхай в романах Ван из места действия, из своего рода ожившего воспоминания становится, скорее, отражением внутреннего мировосприятия писательницы, в котором стирается грань между идеей и реальностью, жизнью и сном о жизни.

Список литературы

- Воскресенский Д.Н.* Литературный мир средневекового Китая: китайская классическая проза на байхуа: Собрание трудов. М., 2006. 622 с.
- Успенский Б.А.* Поэтика композиции. СПб., 2000. 348 с.
- Movius L.* Rewriting Old Shanghai. *Asian Wall Street Journal*, May 16–18, 2003. URL: <http://www.movius.us/articles/awsj-changhenge.html> 1.12.2013
- Ван Аньи.* Бицзяо Бэйцзин хэ Шанхай (Сравнивая Пекин и Шанхай). URL: <http://www.cmzhengda.com/Article/Print.asp?ArticleID=2582>, 1.12.2013
- Ван Аньи.* Во ай Бизэр (Я люблю Билла). Хайкоу: Наньхай чубань гунсы, 2000. 206 с.
- Ван Аньи.* Душу бицзи (Записки о чтении книг). Пекин: Синсин чубаншэ, 2007. 278 с.
- Ван Аньи.* Мини (Мини). Хайкоу: Наньхай чубань гунсы, 2000. 189 с.
- Ван Аньи.* Фупин (Фупин). URL: <http://www.eyuwedu.com/Cpxsxxk/cpxs2006/cpxs20060703-16.html>, 1.12.2013

²² Чэнь Сыхэ. Чжунго сяньдандай вэньсюэ минпянь шиуцзян (Пятнадцать лекций о знаменитых произведениях новой и новейшей литературы). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2003. С. 395.

- Ван Аньи.* Чанхэнгэ (Песня о бесконечной тоске). Хайкоу: Наньхай чубань гунсы, 2003. 339 с.
- Ван Аньи.* Мэйтоу (Мэйтоу). Хайкоу: Наньхай чубань гунсы, 2000. 189 с.
- Ван Дэвэй* Хайпай вэньсюэ юэцзянь чуаньжэнь. Дандай сяошо эршицзя (У традиций литературы «хайпай» появился продолжатель. 20 писателей новейшей литературы). Пекин: Шэнхо–душү–синчжи саньянь шудянь, 2006. 424 с.
- Тан Чжэшэн.* Чжунго дандай тунсу сяошо шилунь (Историческое исследование новейшей популярной литературы). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2007. 413 с.
- Чэнь Сыхэ.* Чжунго сяньдандай вэньсюэ минпянь шиуцзян (Пятнадцать лекций о знаменитых произведениях новой и новейшей литературы). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2003. 413 с.

References

- Voskresenskij D.N.* Literaturnyj mir srednevekovogo Kitaja : kitajskaja klassicheskaja proza na bajhua: sobranie trudov (Literary world of medieval China: Chinese classical prose in Baihua: Collected Works). Moscow, 2006.
- Uspenskij B.A.* Pojetika kompozicii (Poetics of composition). Saint-Petersburg, 2000.
- Movius L.* Rewriting Old Shanghai // Asian Wall Street Journal. May 16–18, 2003. URL: <http://www.movius.us/articles/awsj-changhenge.html> 1.12.2013
- Chen Sihe.* Zhongguo xiandangdai wenyxue mingpian shiwujiang (Fifteen lectures about famous modern and contemporary literature works). Beijing: Beijing daxue chubanshe, 2003.
- Tang Zhesheng.* Zhongguo dangdai tongsu xiaoshuo shilun (Historical research on contemporary popular literature). Beijing: Beijing daxue chubanshe, 2007.
- Wang Anyi.* Dushu biji (Notes on bookreading). Beijing: Xinxing chubanshe, 2007.
- Wang Anyi.* Chang hen ge (Song of Everlasting Sorrow). Haikou: Nanhai chuban gongsi, 2003.
- Wang Anyi.* Wo ai Bier (I love Bill). Haikou: Nanhai chuban gongsi, 2000.
- Wang Anyi.* Mini (Mini). Haikou: Nanhai chuban gongsi, 2000.
- Wang Anyi.* Meitou (Meitou). Haikou: Nanhai chuban gongsi, 2000.
- Wang Anyi.* Fuping (Fuping). URL: <http://www.eywedu.com/Cpxsxx/cpxs2006/cpxs20060703-16.html> 1.12.2013
- Wang Anyi.* Bijiao Beijing he Shanghai (Comparing Beijing and Shanghai). URL: <http://www.cmzhengda.com/Article/Print.asp?ArticleID=2582>, 1.12.2013
- Wang Dewei.* Haipai zuojia you jian chuanren. Dangdai xiaoshuo ershijia (Haipai literature has another successor. Twenty contemporary literature novelists). Beijing: SDX Joint Publishing Company, 2006.

Сведения об авторе: *Семенюк Мария Владимировна*, аспирант кафедры китайской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: novembertune@yandex.ru

About the author: *Semenyuk Maria Vladimirova*, PhD student, Chinese Philology Department Institute of Asian and African Countries, Moscow State University. E-mail: novembertune@yandex.ru

Л.С. Холкина

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ‘ГЛАДКИЙ’
В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ЛЕКСИКО-
ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР¹**

L.S. Kholkina

**ADJECTIVES DENOTING SMOOTH SURFACE
TEXTURE IN CHINESE FROM A TYPOLOGICAL
PERSPECTIVE**

Статья посвящена анализу прилагательных, описывающих отсутствие неровностей на некоторой поверхности (скользкий, ровный, гладкий), в китайском языке. Описание выполнено в рамках лексической типологии на базе диссертационного исследования Е.В. Кашкина, посвященного категоризации фактуры поверхностей в языках мира², что позволяет уточнить имеющиеся словарные толкования соответствующих китайских лексем. По результатам описания предлагается семантическая карта данной зоны для китайского языка и делаются предложения по ее дополнению с учетом китайских данных.

Ключевые слова: семантика, лексическая типология, китайский язык, качественные признаки, фактура поверхностей.

This paper deals with adjectives describing slippery, smooth, and even surfaces in Chinese within the framework of lexical typology. The analysis is based on a typological research on language categorization of surface textures³. After the discussion of semantic oppositions between the direct uses of the adjectives in question, the semantic map for Chinese is constructed and some suggestions for the further elaboration of the map based on Chinese data are made.

Key words: semantics, lexical typology, Chinese, adjectives, qualitative concepts, surface texture.

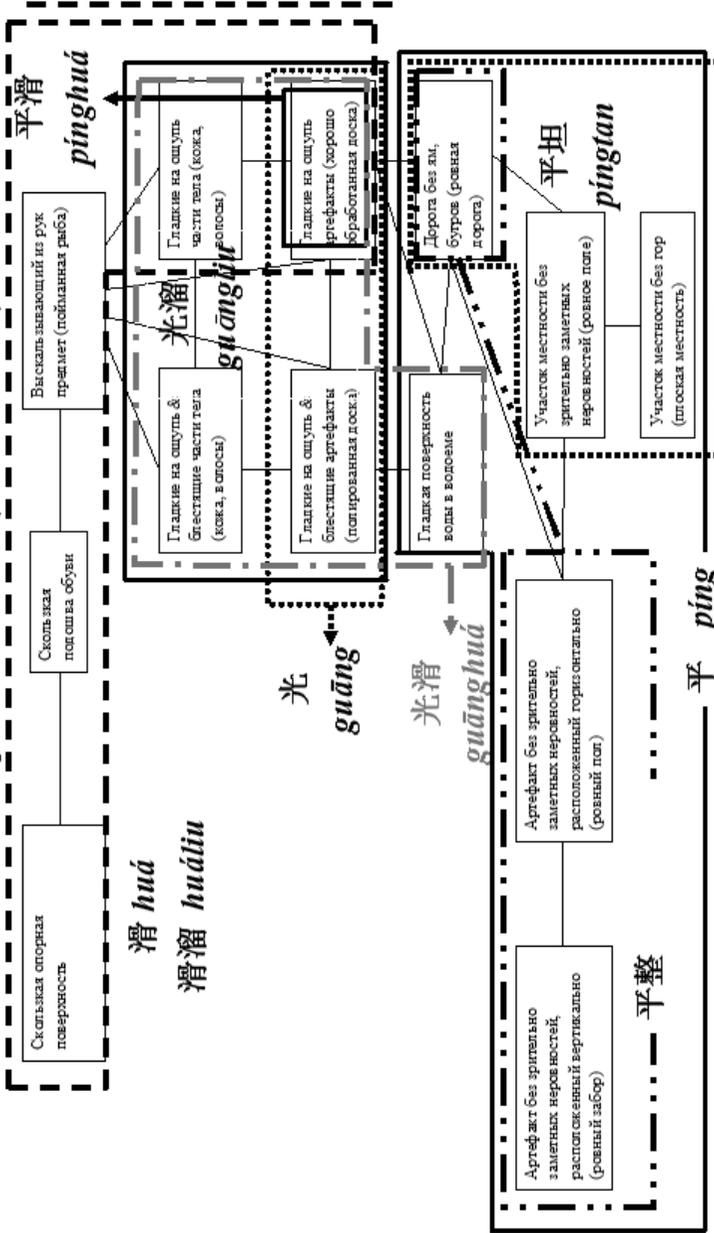
В последние годы активное развитие получила лексическая типология, направление лингвистики, находящееся на стыке типологии и лексикографии. По определению Адриана Лерера, лексическая ти-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №14-06-00343.

² *Кашкин Е.В.* Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.

³ *Kashkin E. V.* Cross-linguistic categorization of surface texture (a typological study of qualitative concepts in Uralic): Diss. ... PhD. Moscow, 2013.

Семантическая карта поля 'гладкий' (китайский язык)

— тонкие линии соединяют фреймы, которые типологически могут описываться одной лексемой

— толстыми линиями разных видов обведены фреймы, обслуживающиеся одной лексемой в китайском

пология изучает, «каким образом язык упаковывает семантический материал в слова»⁴, т. е. занимается изучением системных отношений между значениями лексем в разных языках. Таким образом, основная ее задача состоит в поиске параметров вариативности языков в различных лексических зонах. Сама возможность выделения таких параметров для неродственных и неконтактирующих языков позволяет говорить об их обусловленности общими особенностями человеческого когнитивного аппарата.

С постепенной разработкой методов систематичного сопоставления лексических групп в разных языках⁵ и расширением материала, попадающего в фокус внимания исследователей⁶, стало возможно практическое применение полученных теоретических результатов.

Наиболее богатые перспективы такого применения, как представляется, лежат в области лексикографии. Данные, полученные в результате работ по лексической типологии, позволяют отойти от привычного толкования через синонимы, часто приводящего к замкнутому кругу.

Методы толкования, разработанные в рамках лексической типологии, основаны на том, что каждой лексеме ставятся в соответствие минимальные ситуации, «которые чаще всего противопоставляются лексическими средствами в языках мира»⁷, или фреймы. Это позволяет эффективно различить значения синонимичных лексем, поскольку даже для близких синонимов набор ситуаций, в которых они могут употребляться, обычно не совпадает. Возможность представить материал каждого языка в сопоставлении с другими позволяет сделать описание более четким и системным, уменьшив субъективность анализа материала, которая почти неизбежна при работе с материалом одного языка.

⁴ *Lehrer A. A theory of vocabulary structure: Retrospectives and prospectives // Puetz, Manfred (ed.). Thirty years of linguistic evolution. Amsterdam: Benjamins, 1992.*

⁵ *Кашкин Е.В. Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.*

⁶ Типологическим описанием признаковой лексики занимается Московская лексико-типологическая группа под руководством Е.В. Рахилиной (MLexT), в этом направлении уже тоже имеются некоторые наработки, ср.: *Тагабилева М.Г., Холкина Л.С. Качественные признаки 'пустой' и 'полный' в типологическом освещении (2010); Кюсева М.В., Рыжова Д.А. Признаковая лексика: прилагательные 'острый' и 'тупой' в типологической перспективе (2010); Архангельский Т.А., Тагабилева М.Г., Холкина Л.С. Качественные признаки 'чистый', 'грязный', 'прозрачный', 'мутный': к построению семантической типологии (2011); Кюсева М.В., Рыжова Д.А., Холкина Л.С. Прилагательные 'легкий' и 'тяжелый' в типологической перспективе (2012) и мн. др.*

⁷ *Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 12.*

В данной статье мы попытаемся применить лексико-типологический подход для системного описания семантического поля 'гладкий' в китайском языке. При обзоре типологически релевантных противопоставлений для этих зон мы будем опираться на недавно защищенную диссертацию Е.В. Кашкина⁸, в которой языковая категоризация фактуры поверхностей рассматривается на материале 15 языков. Нашей целью будет определить, насколько данные китайского языка соответствуют типологическим прогнозам, с одной стороны, и уточнить словарные описания соответствующих китайских лексем – с другой.

Под условным названием «гладкий» мы понимаем общую ситуацию отсутствия неровностей на некоторой поверхности. Основное противопоставление, значимое для лексем данного поля – это противопоставление **тактильного** и **зрительного** способов восприятия⁹. В первом случае свойства поверхности оцениваются при контакте с ней, на ощупь, а во втором – дается общая зрительная оценка (например, для обширных участков местности – *ровных полей, лугов*).

Фреймы тактильного восприятия подразделяются на **гладкие** (например, *выбритые щеки, гладкая обложка книги*) и **скользящие** (*обледенелая дорога, выскользывающая из рук рыба*). Эти два фрейма объединяются идеей маленького трения при контакте – в случае «скользящего» оно оказывается недостаточным, чтобы удержать предмет в руках или удержаться на соответствующей поверхности.

Типологически зоны 'скользящий', 'гладкий' и 'ровный' могут описываться тремя отдельными лексемами, возможно также совмещение значений 'гладкий' и 'ровный' или 'гладкий' и 'скользящий' в одной лексеме. Для семантического поля «отсутствия неровностей» выделяются следующие фреймы¹⁰:

⁸Lehrer A. A theory of vocabulary structure: Retrospectives and prospectives // Puetz, Manfred (ed.), Thirty years of linguistic evolution. Amsterdam: Benjamins, 1992.

⁹Из самых последних работ см.: Evans C.N. Semantic typology // Song J.J. The Oxford handbook of linguistic typology. Oxford; N. Y., 2011; Коптjeвская-Тамм М. New directions in lexical typology // Linguistics 50. 3 (2012); Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2.

¹⁰Типологическим описанием признаковой лексики занимается Московская лексико-типологическая группа под руководством Е.В. Рахилиной (MLexT), в этом направлении уже тоже имеются некоторые наработки, ср.: Тагабилева М.Г., Холкина Л.С. Качественные признаки 'пустой' и 'полный' в типологическом освещении (2010), Кюсева М.В., Рыжова Д.А. Признаковая лексика: прилагательные 'острый' и 'тупой' в типологической перспективе (2010), Архангельский Т.А., Тагабилева М.Г., Холкина Л.С. Качественные признаки 'чистый', 'грязный', 'прозрачный', 'мутный': к построению семантической типологии (2011), Кюсева М.В., Рыжова Д.А., Холкина Л.С. Прилагательные 'легкий' и 'тяжелый' в типологической перспективе про 'тяжелый-легкий' (2012) и мн. др.

‘Скользкий’

- **скользкие опорные поверхности:** дорога после заморозков, вымытый пол, каменные ступеньки.

- **выскальзывающие из рук предметы:** рыба, кусок мыла, черенок лопаты.

Эти два фрейма могут описываться одной лексемой (*скользкий* в русском языке), а могут противопоставляться, ср. *resbaladizo* (для выскальзывающих предметов) и *escurridizo* (для опорной поверхности) в испанском¹¹.

‘Гладкий’

- **наличие или отсутствие дополнительного признака блеска:** по этому признаку противопоставлены, например, прилагательные английского языка *smooth* ‘гладкий на ощупь’ и *sleek* ‘гладкий на ощупь и блестящий’.

‘Ровный’

- **ровная дорога:** ровность дороги естественно воспринимается зрительно, однако при перемещении по ней происходит также восприятие неровностей или их отсутствия через тактильные ощущения.

- **местность без гор:** участок местности без гор и других значимых перепадов по высоте может выделяться в языках мира, описываясь лексемой со значением ‘имеющий приплюснутую форму’, ср. русск. *плоский*¹².

- **вода в водоеме:** этот фрейм может противопоставляться остальным, описываясь при помощи прилагательных из группы фреймов «тактильного восприятия», ср. употребление русского *гладкий* или ненецкого *салмуй* ‘ровный, гладкий’ для описания поверхности воды во время штиля, а может и вовсе описываться особым прилагательным.

- **артефакты vs. природные объекты:** в языках мира для описания артефактов часто используются другие слова, чем для описания природных объектов¹³; противопоставление артефактов и природных объектов в зоне гладких поверхностей релевантно для коми (ижемский диалект) и венгерского¹⁴.

горизонтально (пол) или вертикально (забор) ориентированные артефакты: противопоставление вертикальной и горизон-

¹¹ *Спесивцева А.А.* Семантика прилагательных, описывающих качества поверхности, и прилагательных со значением «пустой» и «полный» (на материале испанского языка). Дипломная работа. М., 2012. С. 39–42.

¹² *Стиридонова Н.Ф.* Плоский, прямой и ровный, или как трудно описать форму предмета // *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура.* М., 2004.

¹³ *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2008.

¹⁴ *Кашкин Е.В.* Указ. соч. С. 69.

тальной ориентации артефактов значимо, например, для тегинского говора хантыйского языка¹⁵.

Поскольку нам было важно сопоставить данные современного китайского языка с данными, полученными в типологическом проекте для других языков, при отборе лексем для исследования мы опирались на материал, полученный при работе с информантами над анкетой типологически релевантных ситуаций отсутствия неровностей¹⁶. Этот материал был дополнен с опорой на корпуса и толковые и переводные словари китайского языка, причем слова, имеющие в «Словаре современного китайского языка» пометы «диалектное», «книжное», а также узкоспециальные (например, с указанием «преимущественно используется для описания кожи») или вовсе не включенные в этот словарь, к рассмотрению не принимались. При формировании итогового списка данные словарей были проверены с информантами¹⁷. В него вошли три основных однослога *huá* ‘скользящий’, *guāng* ‘гладкий’ и *píng* ‘ровный’, и шесть двуслогов, связанных с ними: *huáliu*, *guānghuá*, *guāngliu*, *píngtǎn*, *píngzhèng* и *pínghuá*. Рассмотрим их последовательно.

滑 huá

Основное значение *huá* – это малое сопротивление трения, возникающее при тактильном контакте. С помощью этого прилагательного описываются как предметы, выскальзывающие из рук, так и поверхности, на которых трудно удержать равновесие:

(1) Xiǎoxīn	dì	huá!
остерегаться	пол	скользящий

Осторожно, скользкий пол! (Объявление, которое выставляется при уборке в общественных местах)

Этим же прилагательным могут описываться предметы, гладкие на ощупь, например, гладкие камушки, поверхность стола, кожа человека:

(2) Bǎobǎo	pífū	mōzhe	hěn	huá.
младенец	кожа	щупать.PRG	очень	скользящий

Кожа младенца на ощупь очень гладкая. (Инф.)

¹⁵ Там же. С. 64–75.

¹⁶ Там же. С. 303–307.

¹⁷ Анкетирование и первичная проверка корпусных и словарных данных осуществлялась с участием аспирантов филологического факультета Пекинского университета; всего было опрошено около тридцати студентов разных специальностей, обучающихся в Пекинском университете. Отобранный массив примеров был окончательно проверен с носителями пекинского диалекта. Особую благодарность хотелось бы выразить аспирантам Ван Тинтин, Куан Таоюнь и Хуан Панвэй.

Хотя эти два значения трудно разделить, потому что «гладкость» является необходимой предпосылкой для «скользкости», для артефактов и опорных поверхностей наиболее частотным является значение «скользкого»: при описании предметов, которые можно ухватить, *huá* обычно описывает ситуацию выскользывания из рук. Для описания оценки качества предмета, когда на первый план выходит значение «гладкости», *huá* используется достаточно редко.

Подтверждением того, что *huá* может передавать оба эти значения, служит его употребление в качестве морфемы в составе сложных слов. Значение ‘скользкий’ реализуется в позиции объекта глагольно-объектного сочетания *fánghuá* ‘противоскользкий’, например: *fánghuá dìzhuān*, ‘противоскользкая напольная плитка’, *fánghuátāi* ‘противоскользкие шины’.

Значение ‘гладкий’ выходит на передний план в составе двусложных прилагательных сочинительной структуры, ср. следующие синонимичные прилагательные, использующиеся, например, для описания красивой кожи: *huáni* ‘гладкий и нежный’¹⁸, *rìnhuá* ‘нежный и гладкий’. Также это значение реализуется в двуслоге *píng huá* ‘ровный’.

平滑 *píng huá*

Двуслог *píng huá* (букв. ‘ровный-гладкий’) преимущественно описывает плоские предметы с гладкой поверхностью:

(3) Zài	dì sān	jiēduàn	cāozuò rényuán	xū	jiārè		
в	третий	этап	оператор	должен	нагреть		
jiāngtǐ,	shǐ	qí	xíngchéng	biǎomiàn	píng huá	de	shíbǎn.
кристалл	CAUS	его	формировать	поверхность	гладкий	ATR	плитка

На третьем этапе операторы нагревают кристаллы, чтобы сформировать из них гладкие плиточки. (CCL)

С идеей скользкости он не связан: среди типичных предметов, проявляющих свойство *píng huá*, встречаются только гладкие. Наиболее употребительным примером является «зеркало», которое никак нельзя назвать прототипом скользкости.

В корпусе CCL в сочетании «XX *rú jìng*» ‘XX, как зеркало’ *píng huá* оказывается наиболее частотным (13 вхождений). На втором месте следует слово *guāng huá* (12 вхождений), которое мы считаем основным для зоны ‘гладкого’ (о нем см. ниже):

Наиболее часто это сравнение используется для описания водной глади:

¹⁸ Толкования приводятся по «Словарю современного китайского языка».

(4) Húmìàn xiàng jìngzi yíyàng píng huá.
озеро.поверхность походить зеркало одинаковый гладкий

Поверхность озера гладкая, как зеркало. (Инф.)

При этом интересно отметить, что хотя *píng huá* может характеризовать поверхность воды через сравнение с зеркалом (гладкая, как зеркало), самостоятельно ее описывать он не может. Единственное прилагательное из зоны «гладкого», употребляющееся в этом фрейме – *guāng huá* ‘гладкий’, но это употребление многие информанты воспринимают как метафорическое. Все это подтверждает особый статус фрейма «гладкая поверхность воды».

滑溜 **huáliu**

Практически во всех случаях, кроме употребления в составе сложных слов и устойчивых сочетаний, и в зоне «скользкого», и в зоне «гладкого» возможна замена *huá* на *huáliu*. Сосуществование этих двух лексем с очень близким значением, но с разным количеством слогов может быть связано с ритмическими и стилистическими ограничениями.

Согласно словарным данным, *huáliu* имеет дополнительный оттенок положительной оценки, но это верно не всегда, ср.:

(5) Mùzhì dibǎn jiǎrú quēfǎ bǎoyǎng, nà mùbǎn
деревянный пол если неоставать уход тот доска

jīhū jiù xiàng liūbīngchǎng yíyàng **huáliu**.
почти сразу походить каток одинаковый скользкий

Если за деревянным полом не ухаживать, то доски становятся скользкими, почти как каток... (baidu) (текст о причинах травм стопы у спортсменов-баскетболистов).

Интересной особенностью *huáliu* является то, что он может описывать приятное тактильное ощущение, которое возникает во рту во время жевания и глотания:

(6) Tā de ròuzhì cuì nèn huáliu, wèidào
он ATR мясо.субстанция хрустящий нежный скользкий вкус

xiānměi, hányòu hěn gāo de yíngyǎng jiàzhí.
свежий.прекрасный содержать очень высокий ATR питание ценность

Мякоть (гриба “дождевик игольчатый”) хрустящая, нежная и скользит на зубах, вкус свежий, он обладает высокой питательной ценностью. (Leeds)

Среди блюд, вызывающих такое ощущение, обычно называют грибы, лапшу, мясо в густом соусе из клейкой муки (*ròu gōu le qiàn*),

батат (*shānyào*), скользкие мясные пластинки (*huáliu ròupiàn*), скользкие грибные пластинки (*huáliu gūpiàn*). Замена в этих контекстах на другие двуслоги, в состав которых входит *huá*, но которые не имеют значения ‘скользящий’ (*guānghuá* и *píng huá* ‘гладкий’), невозможна. Это свидетельствует о том, что хотя употребление *huáliu* в значении ‘гладкий’ возможно, основным его значением, как и у *huá*, следует признать ‘скользящий’.

光 *guāng*

Этот однослог мы считаем центральным для зоны совмещенного тактильного и зрительного восприятия (‘гладкий и блестящий’). В интересующем нас значении в «Словаре современного китайского языка» он толкуется как *guānghuá* и *guāngliu*. В качестве односложного слова *guāng* в значении ‘гладкий и блестящий’ используется достаточно редко: даже в примере, предлагаемом в словаре, многие информанты предлагают заменить *guāng* на двуслог с соответствующим значением *guānghuá*. На синхронном уровне можно с уверенностью говорить об употреблении однослога *guāng* только для описания гладких или блестящих артефактов, хотя исторически сфера его употребления была шире.

Представляется, что такие ограничения на употребление односложной лексемы связаны с ее богатой полисемичностью: ее наиболее частотным значением, согласно «Словарю современного китайского языка», является ‘свет’. Это значение более раннее и с исторической точки зрения: в словаре «Шовэнь»¹⁹ иероглиф *guāng* располагается под смысловым детерминативом «огонь». Таким образом, важная с типологической точки зрения идея связи гладкости с блеском прослеживается здесь уже на уровне полисемии слова. Необходимо отметить, что происходит именно совмещение значений – в некоторых случаях бывает трудно сказать, какое из них оказывается основным. Например, при полировке камня идеи гладкости и блеска оказываются совмещенными: на значение ‘гладкий’ в словаре приводится пример: *móguāng* ‘отполировать до гладкости (блеска)’.

Кроме того, ни однослог *guāng*, ни связанные с ним двуслоги *guānghuá* и *guāngliu* не могут описывать блестящие, но не гладкие поверхности вроде сугроба. Некоторые информанты отмечали, что такое сочетание было бы возможным, если бы сугроб уже подтаял и его поверхность превратилась в лед.

光滑 *guānghuá*

На уровне двуслогов область «гладкого» обслуживается в современном китайском двумя прилагательными, *guānghuá* и *guāngliu*. Согласно статистике корпуса CCL, слово *guānghuá* примерно в

¹⁹ Этимологический словарь иероглифов «Шовэнь Цзецзы» II в.

двадцать пять раз более частотно (1243 употребления против 46²⁰). Хотя необходимо учитывать, что разговорное слово *guāngliu* слабее представлено в корпусе, ориентированном, в первую очередь, на письменные источники, тем не менее на основании этих данных можно утверждать, что *guānghuá* – основное слово, передающее значение ‘гладкий’ в современном литературном китайском.

Guānghuá обладает широкой сочетаемостью и может использоваться для описания опорных поверхностей (например, гладкий участок пола без ковра) и плоскостей, воспринимаемых тактильно (мраморная поверхность стола, обложка еженедельника):

(7) Wǒ fūmōzhe jìshìbù guānghuá de kāfēisè fēngmiàn.
я гладить.PRG еженедельник гладкий ATR кофе.цвет обложка

Я поглаживаю гладкую обложку еженедельника кофейного цвета. (CCL)

Однако плоская форма предмета и тактильный характер ее восприятия не являются обязательными требованиями: *guānghuá* свободно сочетается и с названиями артефактов и объектов, которые могут восприниматься как тактильно, так и визуально, например, кожи и волос человека. В этом случае часто сохраняется дополнительный признак блеска:

(8) Dàndàn de xiéyáng zhàozhe tā sīchóu bān
бледный.RDP ATR косой.солнце освещать.PRG она шелк подобный

róuruǎn guānghuá de tóufa.
мягкий гладкий ATR волосы

Слабые косые лучи освещали ее волосы, гладкие и мягкие, как шелк. (CCL)

光溜 *guāngliu*

В «Словаре современного китайского языка» *guāngliu* толкуется так же, как и *huá*, однако, по материалам нашего исследования, их значения не совпадают. Основным значением *huá* мы считаем скользкость (поверхности, на которых трудно удержаться, или предметы, которые трудно удержать в руках), а для *guāngliu* на первый план выходит гладкость.

Для различения значений *guānghuá* и *guāngliu* мы использовали анкеты, в которых требовалось заполнить одним из этих слов пропуски в предложениях. Результаты показали, что в употреблении этих двух слов, несмотря на близость их значений, прослеживаются

²⁰ Это число получено после удаления примеров с словом-состоянием *guāngliuliu*, которые тоже попадают в выборку при запросе *guāngliu*, так как в корпусе CCL отсутствует разбивка на слова.

четкие тенденции. При том, что в целом предпочтение отдавалось *guānghuá* как более частотному, в таких контекстах, как «гладко причесанные волосы», «лысая голова» или «гладко выбритый подбородок» выбор падал на *guāngliu*:

(9) Tóufa	hái	méi yǒu	duōshǎo gēn	bái de,	érqiě
волосы	еще	NEG иметь	сколько CL	белый ATR	к тому же
shū	de	hěn	guāngliu.		
причесывать	EV	очень	гладкий		

Ей уже около сорока с лишним лет, а на вид еще очень молодая, седых волос еще почти совсем нет, и к тому же они причесаны очень гладко. (CCL)

По замечаниям носителей, при употреблении *guāngliu* акцент делается на отсутствие ворсинок, шерстинок или отдельных выступающих частей на поверхности. Так, например, кафельную плитку с рельефным узором или гладкую блестящую шерсть лохматой собаки можно описать как *guānghuá*, но не *guāngliu*. Это же значение выходит на передний план в метафорических сравнениях типа «вершина горы лысая, нет ни деревца», где выбор также однозначно падает на *guāngliu*.

Таким образом, разницу в употреблении этих двух слов можно описать с помощью параметра «отсутствие отдельных выступающих ворсинок»²¹. Этот новый фрейм можно считать вкладом китайского языка в типологию прилагательных, описывающих фактуру поверхности.

平 píng

Píng в «Словаре современного китайского языка» толкуется как «не имеющий на поверхности повышений и понижений, впадин и выступов и не наклонный». Это основное слово для описания зрительного восприятия ровности, причем его употребления в качестве однослога достаточно частотны.

(10) Wǒmen	jiāxiāng	dìshì	hěn	píng,	yī wàng wú jì.
мы	родина	рельеф	очень	ровный	один.взгляд.без.граница

Рельеф в моих родных краях очень ровный, далеко видно. (Инф.)

²¹ В качестве дополнительного параметра, влияющего на выбор лексемы, информанты указывали также на предпочтительно округлую форму предмета, описываемого как *guāngliu*, но *guāngliu* может использоваться и для плоских предметов.

Как прототип объекта, обладающего свойством *píng*, в словарях приводится гладкая поверхность воды, которая совмещает в себе идею отсутствия выступов и ненаклонного расположения:

(11) ...xiàng   shuǐmiàn   yíyàng   píng
походить   вода.поверхность   одинаковый   ровный

...ровный, как поверхность воды

При этом, хотя и возможно сказать «ровный, как поверхность воды», сама поверхность воды обычно не описывается как *píng*²², вероятно, потому что свойство ненаклонности ей присуще неотъемлемо (так же, как нельзя сказать, например, «горячий кипяток»)²³. Впрочем, такое употребление оказывается возможно при введении в предложение обстоятельств со значением времени (типа «сегодня») или в контекстах противопоставления.

В составе сложных слов может реализовываться как идея ненаклонности (например, *dípíngxiàn* ‘линия горизонта’, *shuǐpíngxiàn* ‘горизонтальная линия; горизонт’), так и идея отсутствия неровностей (*píngmiàn* ‘плоскость’, *píngdì* ‘равнина’ (букв. ‘ровная земля’). Интересно, что при этом *píng* может свободно употребляться для описания вертикально ориентированных объектов:

(12)   Zhuāngxiū wán,   zhè miàn qiáng hěn   píng²⁴
ремонттировать закончить   этот CL   стена   очень   ровный

После ремонта эта стена очень ровная. (Инф.)

К группе ‘ровного’ относятся также двуслоги *píngtǎn* и *píngzhěng*.

平坦 *píngtǎn*

Двуслог *píngtǎn*²⁵ со значением «не имеющий на поверхности повышений и понижений, впадин и выступов» используется пре-

²² Поверхность воды часто описывается двуслагом *píngjǐmíng* (букв. ‘ровный-неподвижный’).

²³ Рахилина Е.В. Указ. соч.

²⁴ В этом примере возможна замена на двусложную лексику *píngzhěng*, но не *píngtǎn*, о которых см. ниже.

²⁵ Однослог *tǎn* в современном китайском языке самостоятельно не употребляется, о его значении (‘широкий и ровный’) можно судить по употреблениям в составе устойчивых словосочетаний и сложных слов, например: *tǎn tǔ* ‘широкий и ровный путь’. В древнекитайском языке *píng* и *tǎn*, по-видимому, являлись близкими синонимами. Они могут встречаться в одном и том же памятнике:

Lǚ dao tǎn tǎn ‘Пешая дорога широкая-ровная, широкая-ровная (*tǎn*)’

Wú píng bù bēi wú wǎng bù fù ‘Если нет ровного (*píng*), то не будет и склона, если нет ухода, то не будет и возвращения’. («Книга перемен»)

Píng и *tǎn* могли употребляться вместе для описания некоторого объекта:

Qū dì tǎn ù píng ‘Его земли широкие-ровные (*tǎn*) и ровные (*píng*)’ («Шишо синьшю»).

имущественно для описания рельефа и употребляется чаще всего с названиями таких объектов как равнины, отмели, пастбища, луга, но может употребляться и с рукотворными объектами типа дорог и т. п. Он не требует строго горизонтальной ориентации описываемой плоскости (так можно сказать про пологий склон (13)), но для описания вертикально ориентированных поверхностей не используется (12).

(13) shān shàng yǒu yī mǒ **píngtǎn** de huāngpō, yǒu
 гора.ЛОС иметь один CL ровный ATR склон иметь

xiǎn fēng tū wù, bì dǒu yá jué de gōuhè...
 опасный.пик.резкий.лысый стена.крутой.обрыв.резкий ATR ущелье

В горах есть ровный склон, есть неприступные горные вершины и пики, ущелья среди отвесных скал... (CCL)

Как правило, *píngtǎn* описывает обширные участки местности²⁶, но при этом практически не употребляется для описания водных поверхностей.

平整 **píngzhěng**

В качестве прилагательного слово *píngzhěng* (букв. ‘ровный-цельный’) описывает поверхность, которая стала ровной после приложения некоторых усилий. В «Словаре современного китайского языка» приводится также его глагольное употребление – заполнять ямы или неровности, чтобы поверхность земли стала ровной (*píngtǎn*) и аккуратной.

Наиболее естественными являются сочетания *píngzhěng* с названиями различных артефактов, имеющих плоскую поверхность, которая может быть ориентирована как горизонтально (пол, дорога), так и вертикально (стена, забор):

(14) Zhǐyào lùmiàn **píngzhěng**, chēzi jiù bú huì shàng xià diǎnbō.
 только.если дорога ровный телега сразу NEG.мочь вверх.вниз
 трястись

Если дорога ровная, телегу трясти не будет... (CCL)

С естественными природными объектами типа лугов *píngzhěng* употребляется, как правило, только в тех случаях, когда речь идет об их специальной обработке.

В «Словаре древнекитайского языка Ван Ли» оба толкуются через двуслог *píngtǎn*.

²⁶ Хотя в корпусе есть несколько примеров, в которых так описываются артефакты, информанты оценили их как неестественные, описание же сравнительно небольших участков местности при помощи *píngtǎn* возможно. Существует также близкая по значению узкоспециальная лексема *píngzhǎn* (букв. ‘ровный-развертываться’), которая употребляется исключительно для форм рельефа и содержит обязательный компонент значения ‘обширный’.

При нанесении описанных прилагательных из семантического поля ‘гладкий’ на семантическую карту²⁷, мы получаем следующую картину (см. рис.1). Тонкие линии, соединяющие смежные фреймы, которые могут описываться одной лексемой, присутствовали на карте изначально. С помощью толстых сплошных и пунктирных линий мы отметили на ней, какие из фреймов покрывают восемь китайских лексем, рассмотренных в статье. Можно видеть, что при всем богатстве семантического поля ‘гладкий’ в китайском языке лексемы удается нанести на карту без нарушения принципа смежности²⁸.

Поскольку, по нашим данным, область «применения» *huá* и *huáliu* совпадает, они обведены общими рамками. Как отмечалось выше, разница в их употреблении связана с ритмическими и стилистическими ограничениями. Во всех остальных случаях на карте можно увидеть, как различаются ситуации применения соответствующих лексем.

На карте четко прослеживается противопоставление между **зрительным** и **тактильным** типом восприятия: лексемы *huá* и *huáliu* используются только в контекстах тактильного восприятия поверхности (в основном в ситуации «скользкий»), а *ping*, *pingtǎn* и *pingzhěng* – зрительного. Между ними располагается зона совмещенного тактильного и зрительного восприятия, связанная со словами *guānghuá* и *guāngliu*. Интересно, что сюда же попадает лексема *pinghuá*, которая включает один компонент из зрительной (*ping*) и одной из тактильной зоны (*huá*).

Также можно отметить, что три противопоставленные базовые зоны **скользящего**, **гладкого** и **ровного** обслуживаются в китайском языке тремя разными однослогами (*huá*, *guāng* и *ping*), а противопоставления по дополнительным параметрам задаются с помощью двуслогов. Выделение базовых противопоставлений на уровне однослогов и более тонких противопоставлений за счет двусложных единиц соответствует основным принципам семантической организации лексики китайского языка²⁹.

С типологической точки зрения интерес представляет фрейм «отсутствие отдельных выступающих ворсинок», который мы выделили в зоне гладкого на основании сравнения лексем *guāngliu* и *guānghuá*.

²⁷ Кашкин Е.В. Указ. соч. С. 75.

²⁸ «Любые два значения на семантической карте кодируются одним и тем же средством тогда и только тогда, когда это же средство кодирует все значения, расположенные между ними». Татевосов С.Г. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М., 2002. С. 33.

²⁹ Ср., например: «В китайском языке двуслоги очень редко используются для выражения категорий базового уровня». Е Вэньси. Базовые уровни сочетания семантических категорий и семантические функции однослогов китайского языка. Пекин, 2009.

Подводя итог, опыт описания материала китайского языка с позиций лексической типологии можно признать удачным. С одной стороны, привлечение типологического фона позволило уточнить словарные описания соответствующих китайских лексем, а с другой – китайские данные обогатили типологическую картину за счет выявления новых противопоставлений. Хочется надеяться, что это взаимовыгодное сотрудничество будет продолжено в дальнейшем и приведет к интересным результатам.

Список литературы

- Архангельский Т.А., Тагабилева М.Г., Холкина Л.С.* Качественные признаки ‘чистый’, ‘грязный’, ‘прозрачный’, ‘мутный’: к построению семантической типологии // *Материалы Восьмой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей.* СПб., 2011 (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Д.В. Герасимов. Т. VII. Ч. 3).
- Кашкин Е.В.* Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013. 329 с.
- Кюсева М.В., Рыжова Д.А.* Признаковая лексика: прилагательные ‘острый’ и ‘тупой’ в типологической перспективе // *Материалы Седьмой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей.* СПб., 2010 (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. VI. Ч. 3).
- Кюсева М.В., Рыжова Д.А., Холкина Л.С.* Прилагательные ‘легкий’ и ‘тяжелый’ в типологической перспективе // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции Диалог 2012 (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012).* Вып. 11 (18): В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М., 2012. С. 247–255.
- Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2008 (1-е изд. – 2000). 416 с.
- Рахилина Е.В., Резникова Т.И.* Фреймовый подход к лексической типологии // *Вопросы языкознания.* 2013. № 2. С. 3–31.
- Специвцева А.А.* Семантика прилагательных, описывающих качества поверхности, и прилагательных со значением «пустой» и «полный» (на материале испанского языка). Дипломная работа. М., 2012. 93 с.
- Спиридонова Н.Ф.* Плоский, прямой и ровный, или как трудно описать форму предмета // *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян.* М., 2004. С. 235–241.
- Тагабилева М.Г., Холкина Л.С.* Качественные признаки ‘пустой’ и ‘полный’ в типологическом освещении // *Материалы Седьмой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей.* СПб., 2010 (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. VI. Ч. 3).
- Tatevosov C. G.* Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М., 2002. 236 с.
- Evans C.N.* Semantic typology // *Song J.J. The Oxford handbook of linguistic typology.* Oxford; N.Y., 2011. P. 504–533.
- Koptjevskaja-Tamm M.* New directions in lexical typology // *Linguistics* 50 – 3 (2012). P. 373–394.

Koptjevskaja-Tamm M., Rakhilina E. "Some like it hot": on semantics of temperature adjectives in Russian and Swedish // STUF (Sprachtypologie und Universalienforschung), a special issue on Lexicon in a Typological and Contrastive Perspective / Ed. by Giannouloupoulou, G. & T. Leuschner. 59–2. 2006. P. 253–269.

Lehrer A. A theory of vocabulary structure: Retrospectives and prospectives // Puetz, Manfred (ed.), Thirty years of linguistic evolution. Studies in honour of Rene Dirven on the occasion of his sixtieth birthday, Amsterdam: Benjamins, 1992. P. 243–256.

Е Вэньси. Юйи фаньчоу цзупэй дэ цзибэнь цэнцы хэ ханьюй даньцзы дэ юйи гуннэн (Базовые уровни сочетания семантических категорий и семантические функции однословов китайского языка). Бэйда чжунвэнь сюэкань. Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2009.

Словарь иероглифов древнекитайского языка Ван Ли. Пекин: Чжунхуа Шуцзюй, 2000.

Словарь современного китайского языка. Пекин, 2012.

Этимологический словарь иероглифов «Шовэнь Цзецзы». Чанша: Юэлу, 2005.

Корпуса

Корпус Лидс (leeds). URL:

<http://corpus.leeds.ac.uk>

Корпус Пекинского Университета (ccl). URL:

http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp?dir=xandai

Поисковая система Байду (baidu). URL:

<http://www.baidu.com>

Глоссы

ATR – маркер определения к существительному или глаголу; EV – показатель оценки действия или возможности его совершить; LOC – пространственные предлоги и послелого; PRG – показатель прогрессива; CL – счетное слово – классификатор; NEG – показатель отрицания; CAUS – показатель каузатива.

References

Arkhangel'skii T.A., Tagabileva M.G., Kholkina L.S. *Kachestvennye priznaki 'chisty', 'gryaznyi', 'prozrachnyi', 'mutnyi': k postroeniyu semanticheskoi tipologii*. (The Concepts 'Clean', 'Dirty', 'Transparent' and 'Opaque' in Typological Perspective) // *Materialy Vos'moi konferentsii po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei*. St. Petersburg: Nauka, 2011. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN / Otv. red. D. V. Gerasimov. T. VII. Ch. 3).

Evans C.N. *Semantic typology* // Song J.J. *The Oxford handbook of linguistic typology*. Oxford; N. Y., 2011. P. 504–533.

Kashkin E.V. *Yazykovaya kategorizatsiya faktury poverkhnosti (tipologicheskoe issledovanie naimenovaniy kachestvennykh priznakov v ural'skikh yazykakh)* (Cross-linguistic categorization of surface texture (a typological study of qualitative concepts in Uralic)): Diss. ... PhD. Moscow: MSU, 2013.

Koptjevskaja-Tamm M. *New directions in lexical typology* // *Linguistics* 50 – 3 (2012). P. 373–394.

Koptjevskaja-Tamm M., Rakhilina E. "Some like it hot": on semantics of temperature adjectives in Russian and Swedish // STUF (Sprachtypologie und Universalienforschung), a special issue on Lexicon in a Typological and Contrastive Perspective / Ed. by Giannouloupoulou, G. & T. Leuschner, 59–2. 2006. P. 253–269.

Kyuseva M.V., Ryzhova D.A. *Priznakovaya leksika: prilagatel'nye 'ostryi' i 'tupoj' v tipologicheskoi perspektive* (Qualitative Lexicon: Adjectives 'sharp' and 'blunt' in a Typological Perspective) // *Materialy Sed'moi Konferentsii po tipologii i grammatike*

- dlya molodykh issledovatelei. St. Petersburg: Nauka, 2010 (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniï RAN / Otv. red. N.N. Kazanskii. T. VI. Ch. 3).
- Kyuseva M.V., Ryzhova D.A., Kholkina L.S. *Prilagatel'nye legkii i tyazhelyi v tipologicheskoi perspektive* (Adjectives 'light' and 'heavy' in a Typological Perspective) // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoi konferentsii Dialog 2012. Moscow: RGGU, 2012. P. 247–255.
- Lehrer A. *A theory of vocabulary structure: Retrospectives and prospectives* // Puetz Manfred (ed.). Thirty years of linguistic evolution. Studies in honour of Rene Dirven on the occasion of his sixtieth birthday. Amsterdam: Benjamins 1992. P. 243–256.
- Rakhilina E.V. *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetanost'* (Cognitive analysis of concrete nouns: semantics and combinability). Moscow, Russkie slovari, 2008 (1-st edition 2000).
- Rakhilina E.V., Reznikova T.I. *Freimovyi podkhod k leksicheskoi tipologii* (Frame Approach to the Lexical Typology) // Voprosy yazykoznaniiya. 2013. № 2. P. 3–31.
- Shuo wen jie zi. Etymological dictionary of Chinese Characters. Changsha: Yuelu, 2005.
- Spesivtseva A.A. *Semantika prilagatel'nykh, opisyyvayushchikh kachestva poverkhnosti, i prilagatel'nykh so znacheniem «pustoi» i «polnyi» (na materiale ispanskogo yazyka)* (The semantics of adjectives denoting surface properties and adjectives 'full' – 'empty' (evidence from Spanish)). MA thesis – Moscow, RSUH, 2012.
- Spiridonova N.F. *Ploskii, pryamoi i rovnyi, ili kak trudno opisat' formu predmeta* (Flat, straight and even, or how hard it is to describe the shape of an object) // Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura. Sbornik statei v chest' N.D. Arutyunovoi / Ed. Yu.D. Apresyan. Moscow, 2004. P. 235–241.
- Tagabileva M.G., Kholkina L.S. *Kachestvennye priznaki 'pustoi' i 'polnyi' v tipologicheskoi osveshchenii* (The Concepts 'Full' and 'Empty' in Typological Perspective) // Materialy Sed'moi Konferentsii po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei. St. Petersburg: Nauka, 2010 (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniï RAN / Otv. red. N.N. Kazanskii. T. VI. Ch. 3).
- Tatevosov S.G. *Semantika sostavlyayushchikh imennoi gruppy: kvantornye slova* (The Semantics of NP Components: Quantifiers). Moscow: IMLI RAN, 2002.
- Wang Li Gu Hanyu Zidian. *Dictionary of Old Chinese Characters by Wang Li*. Beijing: Zhinghua Shuju, 2000.
- Xiandai Hanyu Cidian. *Dictionary of Contemporary Chinese*. Beijing: Commercial Press, 2012.
- Yè Wénxī. *Yǐyì fānchóu zǔpèi de jīběn céngcì hé Hànyǔ dānzì de yǔyì gōngnéng*. (The Basic Level of Semantic Category Collocation and Semantic Functions of Chinese Single Character). Běidà zhōngwén xuékān (Peking University Journal for Chinese Language). Beijing: Běijīng dàxué chūbānshè, 2009.

Corpora

Beijing University Corpus (CCL). URL:

http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp?dir=xiandai

Chinese Internet Corpus from University of Leeds (leeds). URL: <http://corpus.leeds.ac.uk>

Baidu (baidu). URL: <http://www.baidu.com>

Сведения об авторе: Холкина Лилия Сергеевна, аспирант, Пекинский Университет, ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: kholkina@gmail.com

About the author: *Kholkina Liliya Sergeevna*, PhD student, Peking University, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: kholkina@gmail.com

ИСТОРИЯ

Т. Абак

КУРДСКАЯ ШКОЛА В ХОЕ (к истории курдско-русских связей в начале XX в.)

T. Abak

KURDISH SCHOOL IN HOY (On the history of Kurdish-Russian relations at the begining of the XXth century)

Настоящая статья посвящена малоизученной культурно-просветительской деятельности одного из наиболее влиятельных общекурдских политических деятелей конца XIX – начала XX в. Абдуррезака Бедирхана, горячего приверженца развития курдско-русских связей.

Ключевые слова: Курдистан, просвещение, младотурки, исламская идентичность, христианские меньшинства.

This article dedicated to insufficiently studied cultural and educational activities of Abdurrezak Bedirhan, the one of the most influential Kurdish political figures at the end of XIX – begining of the XX centuries, a fervent suppoter of strengthening of the Russian-Kurdish relations.

Key words: Kurdistan, enlightenment, the Young Turks, İslamic identity, Christian minority.

Тема курдско-русских контактов относится к числу сюжетов, которые только с 2000-х годов нашли своих исследователей. В их работах раскрывается еще одна сторона внешних сношений России начала XX в., связанная с повышенным интересом российской общественности к жизни курдов, их языку, культуре и традициям и определившая усилия царских дипломатов по укреплению позитивного имиджа России среди курдского населения Османской империи и каджарского Ирана. Не менее важно и то, что названное направление изысканий позволяет иначе осмыслить те перемены в общественном сознании самих курдов, что были вызваны серьезными сдвигами в жизни народов, соседствовавших с ними – турок, персов, армян, греков, русских. В статье данная тема раскрывается на примере деятельности одного из наиболее известных общекурдских политических деятелей Абдуррезака Бедирхана (1864–1918).

Знатное курдское семейство Бедирханов было переселено Османским Султаном Абдулхамидом II в Стамбул, чтобы склонить его членов на сторону правительства, поскольку оно считалось одним из самых «политизированных» в конце XIX в. Дяди Абдуррезака Бедирхана – Микдат и Абдурахман Сами в 1898 г. издавали в Каире газету «Курдистан», другие члены семьи вместе с младотурками выступали против правления «красного» султана¹. Несомненно такая атмосфера семейной жизни определила формирование политических взглядов Абдуррезака. Он разделял оппозиционные настроения своих родичей против управления Абдулхамида II и по некоторым сведениям был связан с тайными младотурецкими организациями еще в начале 1900-х годов, тем не менее свою карьеру начал в министерстве иностранных дел. Спустя год его направили в качестве третьего секретаря для работы в османском посольстве в Санкт-Петербурге, где он изучал русский язык и имел возможность познакомиться с культурой и общественной жизнью россиян. Именно в это время у него зародилась симпатия к России, усиленная дружественными связями с русскими дипломатами и общественными деятелями². Образованный по-европейски и одевавшийся в западном стиле Абдуррезак-бей резко выделялся среди других курдских лидеров того времени. В надежде на привлечение Абдуррезака на сторону власти Абдулхамид II предложил ему пост церемониймейстера в султанском дворце «Йылдыз»³, однако затем карьера молодого придворного резко оборвалась. Весь семейный клан Бедирханов (174 человека) в 1906 г. был выслан в Ливию по обвинению в убийстве мэра Стамбула в результате конфликта, возникшего между албанцами и курдами из-за подряда на строительство дорог в Стамбуле⁴. После младотурецкой революции все политические ссыльные были освобождены по амнистии. В 1910 г. вернулся в столицу и Абдуррезак, сразу включившийся в деятельность курдских общественных организаций, выступавших за культурное и социальное развитие курдского населения империи.

Среди них можно выделить созданный в 1912 г. «Курдский комитет “Хеви” (Надежда)», поставивший своей целью объединить курдов, обучавшихся в Стамбуле с целью способствовать культурному и социальному развитию своего народа путем публикации журналов на курдском и турецком языках, посвященных социальным

¹ Reynolds M.A. Abdulrezzak Bedirhan: Ottoman Kurds and Russophile in the Twilight of Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 12. № 2. Spring 2011. P. 421.

² Abdulrezzak Bedirhan. *Otobiyografya*. Ceviren: Hasan Cuni. Istanbul, Peri Yayinlan, 2000. S. 15.

³ Минорский В.Ф. Заметки о курдах // *Курды Западной Азии (XX – нач. XXI вв.)*. М., 2012. С. 10.

⁴ Reynolds M.A. Op. cit. P. 423.

проблемам курдского общества, издания книг и учебной литературы, открытия в провинции начальных школ⁵. Положив начало изданию таких журналов, как «Рожи Курд»⁶ «Екбун»⁷ и «Хитави»⁸, комитет способствовал развитию исследований по курдскому языку и литературе, направленных на пробуждение национального самосознания курдов.

В феврале 1913 г. под председательством Абдуррезака была создана организация «Гехандини» (Просвещение), которая продолжала традицию других курдских культурно-просветительских объединений⁹. Подобно им оно предполагало основать курдскую газету, типографии, школы. В отличие от них она явно имела и определенные политические цели, о чем свидетельствовал тот факт, что в число учредителей были включены лица, ранее участвовавшие в организации общества «Иршад» (Правильный путь), созданного с целью подготовки общего восстания курдов в Восточной Анатолии в 1912 г.¹⁰ Впрочем, политические замыслы Абдуррезака и его усилия по их реализации – тема отдельного исследования. Здесь же хотелось бы отметить другое обстоятельство. После своего возвращения в Стамбул Абдуррезак установил тесные связи с российским посольством в Стамбуле с целью обеспечения помощи и покровительства курдам со стороны России. Не без содействия российских дипломатов он решил обосноваться в иранском городке Хой, важном центре курдского этноареала, недалеко от турецко-иранской границы. Этот район с 1910 г. находился в зоне российского контроля и здесь же был дислоцирован небольшой российский военный контингент (8 пехотных батальонов и казачий эскадрон)¹¹. Сразу же после основания своего общества Абдуррезак обратился через российского вице-консула в Хое Чиркова к российскому правительству с просьбой принять «Гехандини» под покровительство России. В докладной записке, представленной им, была намечена серия мероприятий по развитию русско-курдских связей. Абдуррезак советовал командировать в Курдистан известного российского ученого И.А. Орбели для составления курдской грамматики и словаря. По его мнению, Орбели должен «сделать перевод с русского на курдский интерес-

⁵ Подробнее см.: Malmisanij. Kurt Talebe – Hevi Cemiyeti. Istanbul, Avesta, 2002; Ozoglu H. Kurdish Notable and the Ottoman State. N.Y.: State University of New York Press, 2004. P. 78–81.

⁶ Солнце курдов.

⁷ Объединение.

⁸ День курдов.

⁹ Malmisanij. Op cit. S. 42.

¹⁰ Akgiil S. Rusya'nin Dogu Anadolu Politikasi (1918'e kadar). Yayinlanmamis Doktora Tezi. Hacettepe Universitesi. Ankara, 1996. S. 80–81.

¹¹ Allen W.E., Muratov P. Caucasian Battlefields. Cambridge University Press, 1953. P. 230–231.

ных произведений русской литературы и перевести с курдского известные сочинения курдских поэтов, которые еще никогда не были переведены ни на один европейский язык»¹². В беседе с консулом он сообщил, что оно было создано, чтобы содействовать ознакомлению курдов с достижениями европейской цивилизации, поскольку ни иранские, ни турецкие власти не заботятся о том, что курды остаются в жалком и примитивном состоянии, в темноте невежества. Однако сближение этого народа с Россией поможет убрать вековую преграду, отделяющего его от цивилизации и даст возможность воспринять ее достижения с севера¹³. Кроме того он говорил о том, что курды имеют, по его убеждению, индоевропейское происхождение и их язык происходит от санскрита, а потому арабский алфавит не подходит для курдов. В этих условиях курдам лучше бы ориентироваться на использование русского алфавита. Знание русского языка облегчило бы отправление курдской молодежи в Россию с целью получения тем образования. В другой докладной записке Абдуррезак, ссылаясь на свои беседы с профессором Н.Я. Марром, отмечал желательность открытия в Петербурге центра по изучению курдского языка и литературы, первоочередной задачей которого было бы создание курдского алфавита на русской основе. «Образованные курды – писал он, – желали бы, чтобы главную роль в изучении Курдистана, его истории и курдского языка и литературы принадлежала бы России, тем более, что значительное количество курдов живет в России и что симпатии курдов все более склоняются в сторону русских. К тому же учреждение курдской кафедры при императорском Санкт-Петербургском университете, сделавшись известным в Курдистане, еще более укрепило бы в курдах стремление приобщиться к русской культуре»¹⁴.

В документе, написанном в Тбилиси в 1915 г. и направленном в Петербург, курдский просветитель указывал, что он планировал подготовить курдский словарь, чтобы осуществлять перевод произведений российских классиков на курдский язык и произведений курдских поэтов на русский. Но наиболее важным он считал открытие курдских школ в этом пограничном регионе, поскольку был сторонником объединения османских и иранских курдов во имя создания единого Курдистана. Первым таким учебным заведением должна была стать школа в Хое. Именно этим проектом он занимался с начала 1913 г. В реализации замысла ему оказал поддержку известный курдский деятель Симко, глава племени Абдеви в Запад-

¹² Лазарев М.С. Курдский вопрос (1891–1917). М., 1972. С. 225.

¹³ Celil Celile. Kurt Halk Tarihinden 13 Ilginc Yaprak. Ceviren Hasan Kaya. Istanbul, Dogu Basın Yayın. S. 101.

¹⁴ Лазарев М.С. Указ. соч. С. 225–226.

ном Иране, им было куплено для школы большое здание с садом¹⁵. Французский портной из Тбилиси Кират предоставил Абдуррезаку необходимое школьное оборудование¹⁶ и к октябрю 1913 г. школа была готова к открытию с классами европейского уровня, столовой и общей спальней на 30 мест, учительской комнатой и лазаретом¹⁷.

Несомненно, что без поддержки российского консула Чиркова замысел об организации такой школы вряд ли была бы осуществлена. В своем донесении, направленном в российское посольство в Стамбуле 30 октября 1913 г., русский дипломат с воодушевлением писал: «Требуется установление более прочной, привитой курду с детства связи с нашим отечеством и делом. Такую связь может дать только школа. Применяясь к быту курда, мы не должны в нашей работе идти далее общего развития ребенка, сообщением ему необходимейших сведений из области мироведения, истории и прикладной, начальной математики, стараясь заинтересовать ученика возможно полными сообщениями о нашем отечестве, об его границах, естественных богатствах, государственном устройстве, правосудии и широкой веротерпимости в отношении мусульман, при непрременном условии основательного изучения русского языка. Это последнее обстоятельство облегчило бы наиболее способным из учеников продолжение образования в России»¹⁸.

Через свою агентуру в Хое и Салмасы младотурецкое правительство попыталось воспрепятствовать осуществлению школьного проекта Абуррезака путем враждебной пропаганды среди курдов-суннитов в Иране. Против Симко, собиравшего пожертвования для организации школы, были распущены слухи о том, что Симко был подкуплен русскими и он хочет стать христианином вместе со своими подчиненными и что курды, сотрудничающие с русскими чиновниками, наносят вред исламу¹⁹. Преследованиям подвергались мастера, работавшие на постройке школы. В какой-то момент никто из местных курдов не хотел содействовать учреждению школы, и все работы остановились. Тем не менее 21 октября 1913 г. 29 детей в возрасте от 8 до 10 лет, в основном из племени Абдеви, пришли в школу²⁰. По словам курдского исследователя Джалиле, в церемонии, начавшейся молитвой муллы, присутствовали командующий российским военным контингентом генерал Веселовский, хойский губернатор, многие купцы и другие влиятельные лица. Выступивший в церемонии Симко в своей речи поблагодарил Россию за

¹⁵ *Celil Celile*. Op. cit. S. 87.

¹⁶ *Ibid.* S. 88.

¹⁷ *Ibidem*.

¹⁸ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Посольство в Константинополе, 1907–1913, д. 3572, л. 207 об.

¹⁹ *Celil Celile*. Op. cit. S. 87.

²⁰ *Ibid.* S. 88.

поддержку, и после этого было написано благодарственное письмо российскому царю от имени курдов²¹.

Воодушевленные удачным началом Абдулрезак и Чирков задумали создание еще четырех школ в других местах (Чиарикале, Соме, Брадосте и Маку). Был даже организован семинар в Ереване с целью подготовки учителей для новых школ²².

В ответ младотурки выдвинули инициативу по открытию своих курдских школ в восточных провинциях империи. Для этого был немедленно увеличен бюджет, выделенный на образование, и запланировано основание трех начальных школ-интернатов в Махмади, Хакьяри и Геваре. Предполагалось собрать в этих школах курдских детей с тем, чтобы дать им образование в тюркистской и исламской манере²³. Усилия младотурок поддержала Германия, главный противник России в то время. Чтобы освободить курдов из-под влияния России, было решено отправить ограниченное число курдов на обучение в немецких школах.

В начале 1914 г. герой нашего рассказа на короткое время оказался в России, о чем мы узнаем из отчета магистранта И.А. Орбели, поданного им на факультет восточных языков Петербургского университета. В нем сообщается, что «воспользовавшись пребыванием в Петрограде известного курдского политического деятеля Бодырхана Йезданшира (Абдулрезака), читал с ним и пользовался его объяснениями (в отношении языка) к некоторым суфийским стихотворениям прославленного курдского поэта Ахмеда Хани из Джебзире, автора стихотворного романа «Мам и Зин»²⁴.

Совместные усилия курдского патриота и российского молодого ученого принесли в том же году и важный результат: в Петербургский университет поступило письмо управляющего Петербургским учебным округом от 6 (19) июля 1914 г., в котором сообщалось, что «согласно соображениям, сообщенным Министерству Народного Просвещения Министерством иностранных дел, представляется желательным ввести в факультет Восточных языков И.С.П. университета преподавание курдского языка и курдской этнографии. В целях подготовки соответствующего специалиста Министерство Народного Просвещения признало возможным продлить срок оставления при Университете магистранта Орбели по 1 января 1915 г. с назначением ему содержания как оставленному при Университете»²⁵.

²¹ *Ibidem.*

²² Саркисян Е.К. Политика Османского правительства в западной Армении. Ереван, 1972. С. 250.

²³ ВOA. DH. SYS (Политический отдел при МВД). Dosya № 23. Vesika 1 (Из Ванской провинции в МВД 3.03.1330 / 16.03.1914); ВOA.DH.SYS (Из Министерства просвещения в МВД 26.03.1330/8.04. 1914).

²⁴ Лазарев М.С. Указ. соч. С. 228.

²⁵ Там же.

В то же время Н.Я. Марр составляет для И.А. Орбели «Программу занятий по курдской этнографии», в которой обобщены материалы о курдских племенах, почерпнутые из литературы или основанные на его личных наблюдениях²⁶.

Усилия Абдуррезака Бедирхана по развитию школьного образования для османских и персидских курдов были оборваны началом первой мировой войны в 1914 г. Курдскую школу в Хое пришлось закрыть. В начавшихся военных действиях на Кавказском фронте большинство османских курдов выступили на стороне султана. Как представляется, курдский просветитель недооценил значимость мусульманской идентичности в сознании курдов того времени. Как справедливо отмечал М.С. Лазарев, сам Абдуррезак все же недостаточно глубоко разбирался в международной политике, полагая что возможно установление безраздельного влияния России в курдской среде²⁷. Реальность состояла в том, что далеко не все курды симпатизировали России, и не все курды в то время были готовы вступить в борьбу за образование независимого Курдистана. Не менее важным было и то обстоятельство, что сама правящие круги России полагали, что главной опорой российской политики в восточных областях Османской империи будут не курды, но христианские меньшинства (армяне, ассирийцы). Таким образом, констатируя неудачу политических замыслов Абдуррезака, мы вместе с тем полагаем, что его патриотические усилия в деле распространения образования и просвещения среди курдов, равно как и в пробуждении интереса к языку и культуре курдского народа в среде ученых-востоковедов России заслуживают глубокого уважения.

Документы

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Посольство в Константинополе, 1907–1913, д. 3572.
ВОА. ДН. SYS (Османский архив при Премьер-Министерстве, Политический отдел при МВД). Dosya № 23. Vesika 1.

Список литературы

Лазарев М.С. Курдский вопрос (1891–1917). М., 1972.
Лазарев М.С. Курдистан и курдская проблема. М., 1964.
Минорский В.Ф. Заметки о курдах // Курды Западной Азии (XX – нач. XXI вв.). М., 2012.
Саркисян Е.К. Политика Османского правительства в западной Армении. Ереван, 1972.
Юзбашиян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. М., 1964.

²⁶ Юзбашиян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. М., 1964. С. 42.

²⁷ Лазарев М.С. Курдистан и курдская проблема. М., 1964. С. 277.

- Abdulrezzak Bedirhan. Otobiyografiya* (Ceviren: Hasan Cuni. Istanbul, Peri Yayinlan, 2000.
- Akgül S. Rusya'nin Dogu Anadolu Politikasi (1918'e kadar)*. Yayinlanmamis Doktora Tezi. Hacettepe Universitesi. Ankara, 1996.
- Allen W.E., Muratov P. Caucasian Battlefields*. Cambridge University Press, 1953.
- Celil Celile. Kurt Halk Tarihinden 13 Ilginc Yaprak*. Ceviren Hasan Kaya. Istanbul, Dogu Basin Yayin.
- Malmisanij. Kurt Talebe – Hevi Cemiyeti*. Istanbul, Avesta, 2002.
- Ozoglu H. Kurdish Notable and the Ottoman State*. N.Y.: State University of New York Press, 2004.
- Reynolds M.A. Abdulrezzak Bedirhan: Ottoman Kurds and Russophile in the Twilight of Empire // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 12. № 2. Spring 2011.

Archival Sources

- Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI), fond Posol'stvo v Konstantinopole, 1907–1913 (Mission to Constantinople, 1907–1913), file 3572.
- BOA. DH. SYS (The *Ottoman Archives* of the *Prime Minister's Office*). Dosya № 23. Vesika 1.

References

- Abdulrezzak Bedirhan. Otobiyografiya*. Ceviren: Hasan Cuni. Istanbul: Peri Yayinlan, 2000.
- Akgül S. Rusya'nin Dogu Anadolu Politikasi (1918'e kadar)*. Yayinlanmamis Doktora Tezi. Hacettepe Universitesi. Ankara, 1996.
- Allen W.E., Muratov P. Caucasian Battlefields*. Cambridge University Press, 1953.
- Celil Celile. Kurt Halk Tarihinden 13 Ilginc Yaprak*. Ceviren Hasan Kaya. Istanbul, Dogu Basin Yayin.
- Lazarev M.S. Kurdskaa vopros (1891–1917)*. M., 1972.
- Lazarev M.S. Kurdistan i kurdskaa problema*. M., 1964.
- Malmisanij. Kurt Talebe – Hevi Cemiyeti*. Istanbul, Avesta, 2002.
- Minorskaa V.F. Zametki o kurдах // Kurdy Zapadnoi Azii (XX – nach. XXI vv.)*. M., IV RAN, 2012.
- Ozoglu H. Kurdish Notable and the Ottoman State*. N.Y.: State University of New York Press, 2004.
- Reynolds M.A. Abdulrezzak Bedirhan: Ottoman Kurds and Russophile in the Twilight of Empire // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 12. № 2. Spring 2011.
- Sarkisyan E.K. Politika Osmanskogo pravitel'stva v zapadnoi Armenii*. Erevan, 1972.
- Yuzbashyan K.N. Akademik Iosif Abgarovich Orbeli*. M., 1964.

Сведения об авторе: *Абак Тибет*, аспирант, Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. E-mail: tibet.abak@gmail.com

About the author: *Abak Tibet*, PhD student, Center for the Study of the Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies RAS. E-mail: tibet.abak@gmail.com

А. А. Леонтьева

**«НОВЫЕ МУСУЛЬМАНЕ» В БОЛГАРСКИХ
ПРОВИНЦИЯХ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
(по данным кадийских регистров г. Софии
конца XVII в. – XVIII в.)**

A.A. Leontyeva

**“NEW MUSLIMS” IN THE BULGARIAN
PROVINCES OF OTTOMAN EMPIRE
(according to sharia courts registers of Sofya
the end of XVII–XVIII cent.)**

Статья посвящена процессам «добровольной исламизации» в болгарских провинциях Османской империи в конце XVII в. – XVIII в. В статье предпринимается попытка на основании анализа документов шариатского суда (сиджиллов) Софии выявить возможные мотивы добровольного перехода в ислам славянского населения и определить степень интеграции новообращенных мусульман в османское общество в конце XVII в. – XVIII в.

Ключевые слова: Османская империя, болгарские земли, исламизация, шариатский суд.

The article concerns the processes of voluntary islamisation in the Bulgarian provinces of Ottoman Empire in XVII–XVIII cent. Using materials of the sharia courts registers (sicills) of Sofya the article tells us about probable motives and reasons of conversion to islam, their life like a “new Muslims” and integration to Ottoman society.

Key words: Ottoman Empire, Bulgarian lands, Islamisation, qadis courts.

В конце XVII в. – XVIII в. в болгарских землях в составе Османской империи отмечается всплеск так называемой добровольной исламизации¹, который был обусловлен рядом факторов, в том числе социально-экономической ситуацией, сложившейся в Османском

¹ Данное определение этого процесса было сформулировано болгарскими исследователями и активно применяется в современной болгарской историографии. В статье при рассмотрении аспектов добровольного перехода в ислам христианского населения автором было принято решение использовать этот же термин. Подробнее см.: *Радушев Е.* Некоторые черты структуры османского общества в XVIII в. (к оценке «века Паисия») // От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора А.Ф. Миллера. М., 2003. С. 145–160. С. 152; *Мутафова К.* Добровольные помюсюлманчивания в Османската империя през последната четвѐрт на XVII – 30-те години на XVIII век // Етнически и културни пространства на Балканите. Сборник в

государстве. В болгарской историографии последних десятилетий это явление принято оценивать как результат «косвенного принуждения – ежедневной экономической, национальной и религиозной дискриминации немусульманского населения»². В болгарском языке для перешедших в ислам традиционно употреблялось слово «потурченец»^{*}, этимология этого слова отражает восприятие сменивших религию людей как переставших быть болгарами и «отурченных».

Источниками для данного исследования послужили документы шариатского суда Софии³ нескольких видов: протоколы купли-продажи, описи наследств. Анализ этих документов позволяет проследить, что представляло собой явление добровольной исламизации в болгарских землях в рассматриваемый период, выявить основные направления и причины этого процесса.

Еще один вид документов, позволяющих рассмотреть ход исламизационных процессов – массовые прошения к центральной власти о принятии в число мусульман. Такие письма на имя султана направлялись в центральную канцелярию в Стамбул и являлись официальным подтверждением перехода в ислам. Прощения сохранили имена просителей и резолюции чиновников, ремарки о предоставленных новообращенным льготах и пособиях. Этот вид источников дает возможность судить о размерах выплат, получаемых при смене религии, и, соответственно, о том, могли ли подобные выплаты послужить мотивом для смены религии.

Обязательным в судебных документах являлось указание полного имени, иногда прозвища человека, вместе с именем его отца. Среди людей, фигурирующих в кадийских регистрах, выделяются имеющие в составе своего имени слово «Абдуллах»^{*}, что в переводе с арабского означает «раб Божий». Такой антропоним означал, что его носитель стал мусульманином недавно, и, перейдя в «истинную веру», порвал все прежние связи, как того требовала традиция. С этого момента Аллах становится для него «верховным повелителем и

чест на проф. Цветана Георгиева. Част. 1. Миналото – исторически ракурси. София, 2008. С. 340–381. Детальный обзор историографии вопроса см.: Там же. С. 340–342.

² Мутафова К. Указ. соч. С. 340.

^{*} Потурченец (болг.) – традиционное для Болгарии и других бывших провинций Османской империи на Балканах обозначение перешедших в ислам славян. В болгарском языке существуют также варианты: потурнак (потурначка, потуркия), и глагол «потурчвам», который переводится как «заставить принять ислам».

³ Турски извори за българската история (далее – ТИБИ). Т. 6. София, 1977; Османски извори за исламизационните процеси на Балканите XVI–XIX. София, 1990; в качестве дополнительного источника была привлечена также публикация сиджиллов Добруджи: Османски извори за историята на Добруджа и Северо-Източна България. София, 1981. Также для сравнения с данными г. Софии и в качестве ярких иллюстраций приводятся некоторые документы, относящиеся к г. Видину.

^{*} Абдуллах – осм. عبد الله. Abd ul-Allah – «раб Божий».

отцом»⁴, и дабы не «осквернить» мусульманина упоминанием имени его отца из числа неверных⁵, вместо имени его отца-немусульманина появляется имя Абдуллах.

В кадийских документах болгарских земель существовало два варианта употребления такого имени и его дальнейшего восприятия и использования. В первом случае определение «раб Божий» становится частью личного имени – например, Мустафа Абдуллах. Тогда его сын, мусульманин во втором поколении, еще будет упоминаться как «сын Абдуллаха» (например, Али, сын Абдуллаха). Соответственно в третьем мусульманском поколении этой семьи упоминание Абдуллаха теряется (т. е. внук будет фигурировать уже как, например, Хасан, сын Али), что делает невозможным установить немусульманское происхождение их рода. Нередок также вариант, при котором перешедший в ислам человек в документах сам записывается как «сын Абдуллаха». В таком случае уже первое поколение потомков перешедшего в ислам человека теряет имя Абдуллах⁶. Таким образом, предоставляемые источниками сведения не позволяют оценить в полной мере масштаб интеграционных процессов в болгарских землях. Однако возможно проследить и проанализировать степень интеграции в османское общество и возможные мотивы смены религии представителей первых двух поколений семей «новых мусульман».

В документах купли-продажи и в протоколах о распределении наследств «потомки Абдуллаха» фигурируют в числе продавцов и покупателей имущества и среди свидетелей сделки, соседей, кредиторов, полномочных представителей одной из сторон-участниц. Всего из 350 документов купли-продажи и протоколов о распределении наследств, находящихся в нашем распоряжении, в 119, т. е. почти в трети, в том или ином качестве упомянуты «потомки Абдуллаха», что уже говорит о значительной степени исламизации в данный период.

По османским законам при добровольном переходе в ислам человек имел права на единовременную денежную выплату и на комплект одежды. Получение подобной помощи как возможность выхода из сложной жизненной ситуации, безусловно, могло послужить одним из мотивов перехода в ислам представителей беднейших слоев общества. Ярким примером тому является документ о переходе в ислам

⁴ Стоянов В. Личните имена и прозвището «Абдуллах» в османотурските документи // Исторически преглед. 1986. № 1. С. 51–57; 53; Историю появления и распространения имени Абдуллах см. также: Венедиктова К. Синовете на Абдулах // Български фолклор. 1996. Кн. 3–4. С. 4–20.

⁵ Димитров Стр. Скритото християнството и ислямизационните процеси в Османската държава // Исторически преглед. 1987. № 3. С. 18–33; 23.

⁶ Там же.

отца и семерых его детей в 1678 г.⁷, где человек от своего имени и от имени своих детей обращается к султану с просьбой удостоить его, бывшего христианина, чести принять ислам. В этом случае человеку и его детям было предоставлено ежедневное содержание в 14 акче⁸. Однако это особый случай, как правило, подобные выплаты при переходе в ислам были единовременными. Их размеры зафиксированы в «Описи сумм, затраченных на исламизацию 379 человек» 1679–1680 гг.⁹ Из описи следует, что каждому перешедшему в ислам мужчине в эти годы было выплачено по 1200 акче, женщинам – 2170 акче, мальчикам по 700 и девочкам по 1000 акче¹⁰.

Чтобы понять размер выплат «новым мусульманам», можно обратиться к описям наследуемого имущества: например, в 1698 г. дом одного из умерших жителей Видина был оценен в 3600 акче¹¹. Таким образом, при переходе в ислам семья из трех человек – муж (1200 акче), жена (2170 акче) и дочь (1000 акче) – получала выплату, вполне сопоставимую со стоимостью дома – 3370 акче.

Кроме того, людям, перешедшим в ислам из других религий, предоставлялась специальная одежда, затраты на которую также зафиксированы в этой описи. Во многих обращениях о добровольном переходе в ислам, составленных в соответствии со строгими правилами делопроизводства, в качестве особого пункта протокола фиксируется просьба выдать причитающуюся в этом случае одежду¹². В качестве примера можно привести перевод фрагмента обращения 1720 г. о принятии ислама от имени троих мужчин: «некоторое время назад мы, трое Ваших покорных слуг, были удостоены чести принять ислам, однако все еще не получили выплаты стоимости одежды, причитающейся нам в таком случае по закону. Просим Вас соблагovolить выдать нам стоимость одежды, причитающейся нам по закону»¹³.

В уже упомянутой в «Описи сумм, затраченных на исламизацию 379 человек» 1679–1680 гг.¹⁴ указывается, что всего на шальвары для перешедших в ислам мужчин и женщин было израсходовано 404 локтя* «красного лондонского сукна из имеющегося в наличии

⁷ Османски извори за исламизационните процеси на Балканите XVI–XIX. София, 1990. С. 101.

⁸ Там же. К сожалению, в документе не указано, полагалась эта сумма каждому члену семьи, или 14 акче выплачивалось всей семье, также не упомянут срок этих выплат.

⁹ Османски извори за исламизационните процеси... С. 103–112.

¹⁰ Причины подобного распределения сумм в документе не указаны.

¹¹ Там же. С. 287.

¹² Османски извори за исламизационните процеси... С. 101, 103, 106, 126, 127, 128, 129 и др.

¹³ Там же. С. 172.

¹⁴ Османски извори за исламизационните процеси... С. 103–112.

* 1 локоть – около 50–60 см., т. е. 404 локтя – примерно 240 м.

на складе»¹⁵ в общей сложности на 583 020 акче. Примечателен также тот факт, что ткань на пошив одежды для новообращенных мусульман была именно красного цвета – немусульманам носить красную одежду запрещалось¹⁶. Таким образом, получение ими красных шальваров приобретает в некотором роде символическое значение.

В связи с этим необходимо заметить, что в 1757 г. был издан султанский ферман, где вновь были сформулированы запреты на ношение немусульманами меха рыси, ласки, выдры, степной лисички и других животных, одежды цветного сукна, высоких головных уборов, а также на «езду на коне без разрешения и на лодках с тремя парами весел»¹⁷. Во вступительной части документа указывается, что, вопреки издавна устоявшимся правилам, оговаривающим как подобает выглядеть немусульманам империи, поскольку «евреи и христиане – не кто иные, как обыкновенная раба, и совершенно естественно, что их внешний вид и походка, по закону шариата и логически, должны в большой степени отражать их немощь и низость» участились случаи несоблюдения этих запретов и ношения немусульманами неподобающей одежды¹⁸.

Указания на формальный во многом подход к смене религии со стороны немусульман можно встретить при обращении к материалам протоколов о распределении наследств. К 1698 году относится дело о распределении в Видине наследства покойного мусульманина Ахмеда¹⁹, наследниками которого стали трое его малолетних детей, а также плод в утробе его вдовы, «очевидно беременной от покойного Ахмеда»²⁰ христианки Иваны. Изначально, поскольку вдова покойного не являлась мусульманкой и не имела права наследовать супругу-мусульманину, в качестве наставника над малолетними и не родившимся еще ребенком Иваны и держателя наследства был приглашен мусульманин Хусейн, охарактеризованный «заслуживающими доверие мусульманами» как «человек, которому можно доверять, достаточно авторитетен и способен быть наставником», который принял на себя данные обязанности и пообещал исполнять

¹⁵ Османски извори за ислямизационните процеси... С. 105.

¹⁶ *Goodwin J. Lords of the horizons: a history of the Ottoman Empire.* N. Y., 1999. P. 131. Автор также подробно описывает цвета одежды, разрешенные представителям различных этносов и конфессий. Так, например, грекам полагалось носить черные штаны и туфли, армянам – лиловые туфли и фиолетовые штаны, евреям – голубые штаны и туфли и т. д.

¹⁷ Этот документ неоднократно публиковался в Болгарии в различных сборниках в качестве иллюстрации тяжелого положения покоренных народов Османской империи. См: Положението на българския народ под турско робство. Документи и материали. София, 1953. С. 97–98; *Тодорова М.* Подбрани извори за историята на балканските народи XV–XIX век. София, 1977. С. 56.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Османски извори за ислямизационните процеси... С. 287.

²⁰ Там же.

их по мере возможностей. Однако потом в протоколе следует пояснение, что в ходе процесса распределения наследства (которое было осложнено также смертью одного из детей, что повлекло за собой перераспределение его доли между оставшимися наследниками), Ивана, вдова Ахмеда, перешла в ислам, приняв при этом мусульманское имя Фатима. Таким образом, она оказалась полноправной наследницей умершего супруга, наставницей своих малолетних детей, и получила право распоряжаться в том числе долей не рожденного еще ребенка. Это говорит также о необязательности смены религии при заключении брака между мусульманином и христианкой, т. е. христианка Ивана была супругой мусульманина Ахмеда, родила от него троих детей, Мехмеда, Хусейна и Ханифе, и лишь для вступления в наследство после смерти мужа у нее возникла необходимость перехода в ислам.

Еще одно косвенное указание на поддержание внутрисемейных связей после перехода в ислам одного из членов семьи содержится в документе о продаже дома в г. Видине двумя женщинами – христианкой Цоной, дочерью Велко, и Фатимой-ханым, дочерью Абдуллаха, которые во вступительной части протокола названы родными сестрами²¹. Интересы Фатимы в суде представляет ее супруг, Мустафа. Дом, который продают сестры, получен в наследство от их общего отца, христианина Велко. Наследование ему Фатимой в данном случае противоречит нормам мусульманского наследственного права, по которому иноверцы не могут наследовать друг другу²². Можно предположить, что в данном случае дочь приняла ислам после вступления в наследство. Однако в любом случае мы видим поддержание ею отношений с родной сестрой, пусть и продиктованное наличием общей собственности.

В кадийских документах встречаются также косвенные указания на переход в ислам представителей одного поколения разных ветвей одной семьи. К 1684 г. относится протокол о разрешении спора о наследстве умершего Мехмеда, сына Абдуллаха²³. При разделе оставленного имущества в качестве наследников были определены его вдова Исмихан, малолетняя дочь и родной брат умершего мусульманин Ибрагим. Вскоре после этого в суд явился Мустафа, сын Абдуллаха и заявил, что покойный был его кузеном – сыном его дяди по отцу, а его брат Ибрагим ввел суд в заблуждение, указав, что Мустафа не является родственником покойного и завладел его долей наследства. Его слова Ибрагим опроверг при свидетельстве

²¹ Османски извори за исламизационните процеси... С. 290–291.

²² Нофаль И. Курс мусульманского права, читанный в 1884–85 гг. в учебном отделении восточных языков при азиатском департаменте. Вып. 1: О собственности. СПб., 1886. С. 215.

²³ Османски извори за исламизационните процеси на Балканите... С. 247.

трех человек (мусульман), указав, что был родным братом умершего Мехмеда, сына Абдуллаха, а родители их – жители Софии христиане Стоян и Марча, т. е. Ибрагим имеет полное право на долю наследства, а претензии двоюродного брата безосновательны. Таким образом, из документа следует, что в ислам перешли двое родных братьев и их кузен – представители младшего поколения одной семьи. Родители братьев остались верны христианству, а при необходимости доказательств родства были упомянуты в документе, что также свидетельствует о неполном отказе от родственников-христиан.

Особое внимание хотелось бы уделить социальному положению «новых мусульман». Анализ документов показывает, что недавно перешедшие в ислам – в основном небедные люди. Например, в 1739 г. имущество умершего брадобрея Али челеби, сына Абдуллаха, было оценено в 45 455 акче. Это можно сравнить, например, с наследством мыловара мусульманина Мурада Беше, общая стоимость имущества которого в том же году составила всего 9613 акче²⁴. В то же время в делах, где речь идет о разделе имущества представителей городской элиты и продаже дорогой недвижимости, «потомки Абдуллаха» не упоминаются. Таким образом, оказывается, что «новые мусульмане» принадлежали к людям среднего достатка, вполне преуспевающим в своем деле.

В 1721 г. в качестве свидетеля сделки о покупке портным Митре дома был приглашен дерзибаши* Ахмед, сын Абдуллаха²⁵. Приглашение в качестве свидетеля человека с высоким статусом – глава эснафа портных – логично при заверении столь важной сделки, как покупка дома. Необходимо отметить, что особенностью развития эснафов на Балканах была открытость для христиан и евреев и функционирование большинства из них без учета конфессиональных и этнических различий²⁶. В то же время можно предположить, что именно смена религии позволила Ахмеду добиться подобного роста.

На сохранение связей после смены религии указывает значительное число сделок купли-продажи между немусульманами и «потомками Абдуллаха», а также приглашение «новых мусульман» в качестве представителей интересов немусульман в суде. Например, в протоколе 1617 г.²⁷ о продаже дома христианину Стирляни двумя

²⁴ ТИБИ. Т. 6. С. 43.

*Дерзи баши – (terzi başı – от перс. Derzi (derzî), terzi – درزی – портной и тур. baş – باش здесь – Глава) – «глава портных».

²⁵ ТИБИ. Т. 6. С. 287.

²⁶ *Тодоров Н.* Балканският град XV–XIX век. Социално-икономическо и демографско развитие. София, 1971. С. 132–136; *Макарова И.Ф.* Кризис османской военно-ленной системы (социально-экономическое развитие болгарских земель в XVIII веке) // *История Балкан. Век Восемнадцатый.* М., 2004. С. 230–248; 243–244.

²⁷ ТИБИ. Т. 6. С. 228.

христианками в качестве представителя интересов одной из них при свидетельстве двух христиан (что также редкость, как правило, в качестве свидетелей приглашаются мусульмане) был определен Мустафа, сын Абдуллаха. Помимо свидетелей сделки в суде, он является единственным мусульманином из числа зафиксированных в протоколе участников процесса. Этот случай позволяет предположить, что представительство в суде мусульманина виделось более авторитетным, при этом приглашение для этого именно «потомка Абдуллаха» указывает на высокий уровень доверия христиан в этой ситуации «новому мусульманину» и, вероятно, сохранение связей, сложившихся до перехода этого человека в ислам.

Исламизация нередко являлась результатом длительных процессов межкультурной интеграции. Поскольку мусульманская культура была культурой завоевателей, она воспринималась как элитарная, а христианская культура, в первую очередь бытовая, при контактировании находилась в неравных условиях с мусульманской. Это повлекло за собой в том числе переориентацию ремесленного производства на вкусы мусульман²⁸. Уже в первые века османского завоевания путешественники упоминали существенные заимствования местным, особенно городским, населением, особенно мужчинами, элементов турецкого костюма, в том числе особой популярностью пользовались чалмы²⁹. Необходимо отметить, что ношение чалмы немусульманам запрещалось законами шариата³⁰. Этот запрет, как уже говорилось выше, был повторно утверждён в султанском фермане 1757 г.³¹

В кадийских документах Софии XVIII в. встретился интересный случай, подтверждающий тезис о взаимопроникновении христианской и мусульманской бытовых культур. Православный священник Хранчо (1756)³² был жителем софийского квартала Алишер. Судя по протоколу о распределении его наследства, Хранчо занимался производством головных уборов. Значительную часть описанного имущества составляют различные виды головных уборов, судя по их числу, явно предназначенных на продажу. В том числе перечислено несколько вариантов келлепушей – круглых легких шапочек, поддеваемых под кавук (старинный головной убор, на который наматывается чалма). Подобное занятие православного священника кажется

²⁸ Макарова И.Ф. Болгары и турки в Османской империи: идеологические стереотипы... С. 162–164.

²⁹ Макарова И.Ф. Болгарски народ в XV–XVIII вв. М., 2005. С. 63.

³⁰ Гиргас В. Права христиан на Востоке по мусульманским законам. СПб., 1865. С. 35.

³¹ Положението на българския народ под турско робство. Документи и материали. София, 1953. С. 97–98; Тодорова М. Подбрани извори за историята на балканските народи XV–XIX век. София, 1977. С. 56.

³² ТИБИ. Т. 6. С. 66–68.

странным: согласно шестому правилу «Правил святых апостол, святых соборов и святых отец» и толкованиям к нему, «священник, принимающий на себя мирские попечения, лишается священства»³³. Сумма долгов священника превышала его наследство, и после описи оно было распределено между десятью кредиторами. В числе кредиторов упомянуты поставщики готовой продукции и сырья, среди которых много мусульман. Например, суконщику Исраилу Хранчо был должен 2280 акче. Также после описи имущества были выплачены долг немусульманину Христо за аренду лавки и жалование подмастерью Стояну. Состав кредиторов еще раз подтверждает, что православный священник занимался ремеслом и торговлей. Кроме того, продукция его ремесла явно ориентирована на мусульманскую культуру, и упоминание мусульман в списке кредиторов доказывает тесное взаимодействие его как ремесленника с иноверцами.

Символическое завершение процесса культурной интеграции христиан в османское общество и заимствования ими повседневной мусульманской культуры, можно обнаружить уже в XIX столетии. Один из русских офицеров, находившихся в ходе русско-турецкой войны 1828–1829 гг., писал, что в церкви во время литургии местные жители стояли в чалмах и шапках: при этом, как отмечает автор воспоминаний, поняв, что русским это неприятно, «они снимают их, если в церкви заметят хотя одного русского»³⁴.

Подводя итог, можно сделать ряд выводов об особенностях этноконфессиональных процессов в болгарских землях в рассматриваемый период. Значительное число упоминаний в кадийских регистрах «потомков Абдуллаха» говорит о высокой степени исламизации местного населения. Переход в ислам христиан Софии выглядит скорее шагом, необходимым для решения житейских, порой сугубо бытовых проблем, нежели результатом религиозного поиска или принуждения со стороны османских властей.

Анализ документов показывает отсутствие антагонизма между христианами и новообращенными мусульманами – после перехода в ислам люди продолжали поддерживать отношения и взаимодействовать с родственниками-христианами, коллегами по эснафу, соседями. Этот вывод кажется особенно важным, если сравнить сложившуюся в болгарских землях ситуацию с положением «потурченцев» в другой балканской провинции – Черногории, где в 1707–1709 г. большинство перешедших в ислам местных жителей

³³ Правила Святых апостол и святых отец. С толкованием. М., 2000 (репринт Правила святых апостол, святых соборов и святых отец с толкованием. М., 1876), правило 6, толкование Аристена. С. 22–23.

³⁴ Фролова М.М. Варна 1828–1829 гг. в воспоминаниях русских офицеров // В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010. С. 214–144, 235.

были либо вновь обращены в православие, либо убиты или вынуждены были покинуть черногорские земли³⁵. Черногорская политика по отношению к перешедшим в ислам обусловлена множеством факторов, также отличающих ее от болгарских земель – природными условиями, географическим положением – отдаленностью от центра империи, спецификой статуса православной религии в этих землях и многим другим. Однако сравнение черногорской антиисламской политики с положением «новых мусульман» в болгарских землях наглядно доказывает высокую степень интеграции болгарского населения в государственную систему Османской империи.

В то же время необходимо отметить, что в силу специфики употребления антропонима «Абдуллах» письменные источники предоставляют возможность выявить лишь мусульман в первом и втором поколении. Далее различие между перешедшими в ислам местными жителями и мусульманами-потомками переселенцев из Малой Азии на Балканах на страницах официальных документов сглаживается, что делает невозможным в полной мере оценить масштаб и динамику исламизации местного славянского населения.

Источники

- Османски извори за исламизационните процеси на Балканите XVI–XIX. София, 1990.
- Положението на българския народ под турско робство. Документи и материали. София, 1953.
- Турски извори за българската история (ТИБИ). Т. 6. София, 1977.

Список литературы

- Анишаков Ю.П.* Черногория – славянская твердыня. Жизнь общества, становление государства // История Балкан. Век Восемнадцатый. М., 2004. С. 331–339.
- Бернштейн С.Б.* Болгарско-русский словарь. М., 1986.
- Бычков Ю.Е.* Черногория: от прошлого к настоящему. Страницы истории Черногории и Российско-черногорских отношений. М., 2008. 368 с.
- Венедиктова К.* Синовеце на Абдулах // Български фолклор. 1996. Кн. 3–4. С. 4–20.
- Димитров Стр.* Скритото християнството и исламизационните процеси в Османската държава // Исторически преглед. 1987. № 3. С. 18–33.
- Гиргас В.* Права христиан на Востоке по мусульманским законам. СПб., 1865.
- Макарова И.Ф.* Болгары и турки в Османской империи: идеологические стереотипы и культурное взаимодействие // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. М., 2011. С. 161–171.
- Макарова И.Ф.* Болгарский народ в XV–XVIII вв. М., 2005. 192 с.

³⁵ *Анишаков Ю.П.* Черногория – славянская твердыня. Жизнь общества, становление государства // История Балкан. Век Восемнадцатый. М., 2004. С. 331–339, 335; *Бычков Ю.Е.* Черногория: от прошлого к настоящему. Страницы истории Черногории и Российско-черногорских отношений. М., 2008. С. 69.

- Макарова И.Ф. Кризис османской военно-ленной системы (социально-экономическое развитие болгарских земель в XVIII веке // История Балкан. Век Восемнадцатый. М., 2004. С. 230–248.
- Мутафова К. Доброволните помюсюлманчивания в Османската империя през последната четврт на XVII – 30-те години на XVIII век // Етнически и културни пространства на Балканите. Сборник в чест на проф. Цветана Георгиева. Част. I. Миналото – исторически ракурси. София, 2008. С. 340–381.
- Нофаль И. Курс мусулманского права, читанный в 1884–85 гг. в учебном отделении восточных языков при азиатском департаменте. Вып. I: О собственности. СПб., 1886.
- Правила Святых апостол и святых отец. С толкованием. М., 2000 (репринт Правила святых апостол, святых соборов и святых отец с толкованием. М., 1876).
- Радушев Е. Некоторые черты структуры османского общества в XVIII в. (к оценке «века Паисия») // От Стамбула до Москвы: Сборник статей в честь 100-летия профессора А.Ф. Миллера. М., 2003. С. 145–160.
- Стоянов В. Личните имена и прозвището «Абдуллах» в османотурските документи // Исторически преглед. 1986. № 1. С. 51–57.
- Тодоров Н. Балканският град XV–XIX век. Социално-икономическо и демографско развитие. София, 1971. 503 с.
- Тодорова М. Подбрани извори за историята на балканските народи XV–XIX век. София, 1977.
- Фролова М.М. Варна 1828–1829 гг. в воспоминаниях русских офицеров // В «интерьер» Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010. С. 214–144.
- Devis F. *The Ottoman Lady. A social history from 1718 to 1918.* N. Y.; L.: Greenwood press, 1986.
- Goodwin J. *Lords of the horizons: a history of the Ottoman Empire.* N. Y., 1999.
- Redhous yeni türkçe-ingnlice sözlük. Istanbul, 1986.

Sources

- Osmanski izvori za islmizacionnite procesi na Balkanite XVI–XIX vv (The ottoman sources about the processes of islamisation in the Balkans).* Sofia, 1990.
- Polozhenieto na Bolgarskija narod pod tursko robstvo. Dokumenti i materiali (The conditions of Bulgarian nation under the Ottoman rule. Documents and materials).* Sofia, 1953.
- Turski izvori za balgrskata istorija (The Turkish sources about Bulgarian history).* Т. 6. Sofia, 1977.

References

- Anshakov J.P. *Chernogorija – slavjanskaja tverdinja. Zhizn' obshestva, stanovlenie gosudarstva // Istorija Balkan. Vek Vosemnadcatij (Montenegro – Slavonic stronghold. Society's life, the formation of statehood // The history of Balkans. XVIII century).* Moscow, 2004. P. 331–339.
- Devis F. *The Ottoman Lady. A social history from 1718 to 1918.* N.Y.; L., 1986.
- Dimitrov Str. *Skritoto hristijanstvo i islamizacionnite processi v Osmanskata Derzhava (The hidden Christianity and processes of islamisation in Ottoman Empire) // Istoricheski pregled.* 1987. № 3. P. 18–33.
- Frolova M.M. *Varna 1818–1829 gg. V vospominanijah russkih officerov (Varna 1818–1829 according to the Russian officers memories.) // V 'interjere Balkan: jubilejnij sbornik v chest' Irini Stepanovni Dostjan ("In interior of Balkans": I. S. Dostyan anniversary edition).* Moscow, 2010. P. 214–244.

- Girgas V. *Prava hristian na Vostoke po musulmanskim zakonom* (*Rights of Christians in the East according to Muslim laws*). S-Petersburg, 1865.
- Goodwin J. *Lords of the horizons: a history of the Ottoman Empire*. N. Y., 1999.
- Makarova I.F. *Bolgari I turki v Osmanskoj imperii: ideologicheskie stereotipi I kulturnoe vzaimodejstvie // Slavjanskij mir v tretjem tisjacheletii. Mezhkulturnij i mezhkonfesionalnij dialog slavjanskih narodov* (*Bulgarians and Turks: ideological stereotypes and cultural interaction // Slavic world in the third millennium: intercultural and interconfessional dialogue of Slavic peoples*). Moscow, 2011. P. 161–171.
- Makarova I.F. *Bolgarskij narod v XV–XVIII vv* (*Bulgarian people in XV–XVIII cent.*) Moscow, 2005. 192 p.
- Makarova I.F. *Krizis osmanskoj voenno-lennoj sistemi (socialno-ekonomicheskoe razvitie bolgarskih zemel v XVIII veke) // Istorija Balkan. Vek Vosemnadcatij* (*Socio-economic development of Bulgarian lands // The history of Balkans. XVIII century*). Moscow, 2004. P. 230–248.
- Mutafova K. *Dobrovolnite pomjusulmanchivanija v Osmanskata imperija prez poslednata chetvert na XVII – 30-te godini na XVIII vek // Etnicheski I kulturni prostranstva na Balkanite. Sbornik v chest na prof. Cvetana Georgieva. Ch. 1. Minaloto – istoricheski rakursi* (*Ethnic and cultural spaces on the Balkans. Cvetana Georgieva anniversary edition. P. 1. Past: historical foreshortenings*). Sofia, 2008. P. 340–381.
- Nofal I. *Kurs musulmanskogo prava, chitannij v 1884–85 gg. V uchebnom otdelenii vostochnih jazikov pri aziatskom departamente. Vip. I. O sobstvennosti* (*Lectures on Muslim law of East department. 1884–1885. Part 1. About a property*). S-Petersburg, 1886.
- Pravila Svjatih apostol i svjatih otec. S tolkovaniem*. Moscow, 2000 (reprint *Pravila Svjatih apostol, svjatih soborov I svjatih otec s tolkovaniem*. Moscow, 1876).
- Radushev E. *Nekotorie cherty strukturi osmanskogo obshestva v XVIII v. (k ocenke “veka Paisija”) // Ot Stambula do Moskvy. Sbornik statej v chest’ 100-letija profesora A. F. Millera* (*From Istanbul to Moscow: Prof. A.F. Miller’s anniversary edition*). Moscow, 2003. P. 145–160.
- Redhous yeni türkçe-ingnlice sözlük (*New Redhous Turkish-English dictionary*). Istanbul, 1986.
- Stojanov V. *Lichnite imena i prozvizheto “Abdullah” v osmanoturskite dokumenti* (*Names and nickname “Abdullah” in Ottoman documents*) // *Istoricheski pregled*. 1986. № 1. S. 51–57.
- Todorov N. *Balkanskija grad XV–XIX vek. Socialno-ikonomichestko I demografsko razvitie* (*Balkan town XV–XIX cent. socio-economic and demographic study*). Sofia, 1971.
- Todorova M. *Podbrani izvori za istorijata na balkanskite narodi XV–XIX vek. Selected sources for the history of Balkan peoples XV–XIX cent. Socio-economic and demographic study*. Sofia, 1977.
- Venediktova K. *Sinovete na Abdullah* (*Abdullah’s sons*) // *Bolgarski folklor*. 1996. Kn. 3–4, P. 4–20.

Сведения об авторе: Леонтьева Анна Андреевна, аспирант кафедры истории южных и западных славян ист. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: leontanna@gmail.com

About the author: Leontyeva Anna Andreevna, PhD student, Department of Southern and Western Slavic History, History Faculty, Moscow State University. E-mail: leontanna@gmail.com

А.М. Пальников

**ПОЛИТИКА КЕМАЛИСТОВ В ОТНОШЕНИИ
РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТУРЦИИ
(1923–1938)**

A.M. Palnikov

**KEMALIST POLICY TOWARDS ISLAMIC
EDUCATION IN TURKEY DURING ATATURK ERA
(1923–1938)**

Данная статья посвящена политике кемалистов в области исламского образования в Турции в период пребывания у власти Мустафы Кемалю Ататюрка. Автор анализирует различные меры правительства по отношению к исламской образовательной системе и показывает создание полностью светской системы. Особое внимание уделено последовательному демонтажу традиционных образовательных институтов.

Ключевые слова: Турция, ислам, образование, кемалисты.

The following article focuses on the state policy towards Islamic education in Turkey during Ataturk era. The author analyses various governmental measures towards Islamic educational system and establishing of secular educational system. Special attention is paid to consistent deconstruction of traditional educational institutes.

Key words: Turkey, Islam, education, Kemalists.

Система образования, доставшаяся новой республиканской Турции в наследство от Османской империи, характеризовалась наличием в стране тысяч религиозных школ, находившихся под контролем шейх-уль-ислама и министерства по делам шариата и вакфов. В то же время с 1857 г. действовало министерство просвещения, ведавшее светскими учебными заведениями. Первые такие учреждения появились в Османской империи еще в конце XVIII в. Это были военные школы, обучавшие офицеров в соответствии с европейскими стандартами. Во время реформ Танзимата (фактически, после 1829 г.) в империи стали создаваться и гражданские учебные заведения. При этом религиозное образование занимало важное место во всех звеньях светской системы образования, где уроки религии составляли примерно половину учебного времени.

Религиозным духом было пропитано преподавание не только гуманитарных, но и естественнонаучных дисциплин¹. Светские элементы были заимствованы у западноевропейских стран (главным образом, у Франции).

Светская система образования сформировалась в 1869 г. с принятием Органического закона об образовании. В стране создавались светские школы, наметилась важная тенденция секуляризации просвещения. Согласно закону школы были поделены на начальные (мектеб-и сыбьян), средние (мектеб-и рюштие), подготовительные классы для поступления в высшие учебные заведения (мектеб-и идади)², провинциальные школы (султани)³ и высшие школы. Большое внимание закон уделял содержанию учебных программ и системе экзаменов. Ни одна из его статей не затрагивала религиозные школы. Старые образовательные институты продолжали существовать параллельно с новыми, и таким образом, сложился дуализм османской системы обучения⁴.

И в ходе Освободительной войны (1918–1922), и в последующий период, главной задачей для кемалистов, и в первую очередь для Мустафы Кемала, являлась выработка новой идентичности и формирование турецкой нации⁵. Необходимо было создать современное национальное турецкое государство. При решении этой задачи школа являлась одним из важнейших инструментов для воспитания молодого поколения турок. Кемалистам было необходимо установление контроля над всеми образовательными учреждениями и подчинение их одному центру⁶. В этом смысле выступление Мустафы Кемала на съезде учителей в июне 1921 г. можно считать программным заявлением:

¹ См.: Желтяков А.Д., Петросян Ю.А. История просвещения в Турции (конец XVIII – начало XX века). М., 1965. С. 151.

² Мектеб-и сыбьян – досл. «школы для детей»; мектеб-и рюштие – досл. «школы для совершеннолетних»; мектеб-и идади – досл. «подготовительные школы».

³ Школы султани должны были создаваться по образу Галатасарайского лицея (Мектеб-и султани), в честь него они и получили свое название. Они задумывались как двухступенчатые шестилетние учебные заведения, дававшие высшее образование в главных городах вилайетов. Поступить в них можно было после окончания средней рюштие. Однако в таком виде существовала лишь одна школа на Кипре. Вместо школ султани были созданы семилетние идади. В 1910 г. около десяти из них были превращены в лицеи.

⁴ История Османского государства, общества и цивилизации / Под ред. Э. Ихсаноглу. Т. 2. М., 2006. С. 327–342.

⁵ О многомерности роли ислама на начальном этапе формирования «Новой Турции» и во время освободительной войны см.: Шлыков В.И. Исламский фактор в национально-освободительной борьбе турецкого народа в 1919–1923 // Исламский фактор в истории и современности. М., 2011. С. 582–593.

⁶ Подробнее см.: Шлыков В.И. Исламский фактор в национально-освободительной борьбе турецкого народа в 1919–1923 // Исламский фактор в истории и современности. М., 2011. С. 582–593.

«Даже в эти годы мы должны разрабатывать тщательно составленную программу национального образования и подготавливать почву, на которой наша образовательная система будет работать эффективно... Я твердо убежден в том, что наши традиционные образовательные методы стали важнейшим фактором прихода нашей нации в упадок. Когда я говорю о национальном образовании, я имею в виду образование, свободное как от всех традиционных предрассудков, так и от иностранного влияния, восточного и западного, которое не соответствует нашему национальному характеру»⁷.

Во время Освободительной войны новой власти было не до практических мер в области образования, в эти годы велась только теоретическая подготовка реформ. На нужды образования выделялось всего около 1 % скудного государственного бюджета, так как его основная доля шла на армию. Из-за недостаточного финансирования и целого ряда других причин в период с 1918 по 1922 г. было закрыто около трети светских школ. Многие учителя и учащиеся были мобилизованы в армию⁸.

В то время как светское образование вынужденно уступало свои позиции, религиозное, финансировавшееся за счет вакуфных фондов, пока неподконтрольных формировавшейся новой власти, стало активно заполнять образовавшийся вакуум. Многие давно не функционировавшие медресе были открыты вновь. Одним из факторов, способствовавших увеличению числа таких заведений, было освобождение учащихся медресе от военной службы: в 1921 г., по словам Мустафы Кемалья, в них скрывался целый армейский корпус – порядка 17 тыс. человек⁹.

Часть мусульманских религиозных деятелей, вставших на сторону стамбульского правительства¹⁰, вовсе требовала полного упразднения светского образования. В 1920 г. шейх-уль-ислам Дурризаде Абдуллах-эфенди и его ближайшее окружение ратовали за ликвидацию султанского министерства просвещения и передачу всего образования в ведение министерства по делам шариата и вакфов¹¹.

Кемалисты воплотили в жизнь реформу образования в ходе разработки первой республиканской конституции. 1 марта 1924 г. Мустафа Кемаль во время своего выступления, открывшего заседа-

⁷ Atatürk'ün maarife ait direktifleri. İstanbul, 1939. S. 6–10.

⁸ Cumhurbaşkanları ve milli eğitim bakanlarının milli eğitimle ilgili söylev ve demeçleri, cilt I. Ankara, 1945. S. 154.

⁹ Аралов С.И. Воспоминания советского дипломата. М., 1960. С. 96.

¹⁰ В годы национально-освободительной борьбы в Турции существовали два центра власти – революционное анкарское правительство Мустафы Кемалья и стамбульское султанское правительство, действовавшее по указке стран Антанты.

¹¹ Cumhurbaşkanları ve milli eğitim bakanlarının milli eğitimle ilgili söylev ve demeçleri, cilt I. S. 271.

ние Великого Национального Собрания Турции, особо подчеркнул необходимость унификации системы образования:

«Ввиду необходимости объединения нации, мы считаем создание единой системы воспитания и образования приоритетной целью. Понимая всю серьезность и глубину последствий такого решения, мы должны тщательно взвесить различные мнения, учесть возможные трудности и опасности на этом пути»¹².

Подобные высказывания Мустафы Кемалю задали тон последующему обсуждению вопроса на заседании Народной фракции¹³. Уже 2 марта законопроект о реформе образования, подписанный будущим министром образования депутатом от вилайета Сарухан Васыф-беем¹⁴ и еще 57 депутатами, был передан в президиум меджлиса. В резолюции о необходимости принятия закона говорилось:

«В образовательной и культурной политике любого государства, для обеспечения национального и идеологического единства, унификация образования видится самым правильным, разумным, современным и во всех смыслах полезным начинанием. В Османской империи, в период реформ Танзимата, начавшихся с оглашения Гюльханейского хатт-и-шерифа 1839 года, предпринимались попытки создать единую систему образования, однако они провалились, и появилась дуалистическая система. Эта двойственность навредила образованию. Именно образование обеспечивает единство нации. Два вида образования производят два типа людей. Это же, в свою очередь, уничтожит духовное и идейное единство, и сведет на нет задачу объединения»¹⁵.

Первоочередной задачей для кемалистов являлось упразднение халифата, создание непреодолимого препятствия для возможности реставрации Османской империи, отстранившись как от пантюркистов, так и от панисламистов¹⁶. 3 марта 1924 г., вместе с законом № 429 об упразднении министерства шариата и вакфов и учреждении генерального управления вакфами¹⁷, законом № 431 об упразднении халифата¹⁸, был принят знаменательный закон № 430

¹² Atatürk'ün maarife ait direktifleri, İstanbul 1939. S. 14–15.

¹³ Народная фракция в меджлисе была основана Мустафой Кемалем 9 сентября 1923 г. На ее базе позднее была сформирована Народно-республиканская партия.

¹⁴ Васыф-бей (Хюсейн Васыф Чинар) 8 марта 1924 г. был назначен министром образования Турции.

¹⁵ Nevzatoglu Zeynep, Basında Din Eğitimi-Öğretimi Laiklik Tartışmaları (1945–1960), Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Yüksek Lisans Tezi. Ankara, 2006. S. 7. URL: <http://acikarsiv.ankara.edu.tr/browse/3229/4083.pdf?show>

¹⁶ См.: Шлыков В. И. Исламский фактор в национально-освободительной борьбе турецкого народа в 1919–1923 // Исламский фактор в истории и современности. М., 2011. С. 582–593.

¹⁷ Düstür, 3-cü tertip, cilt 5, 15. Ankara, 1931. S. 668–669.

¹⁸ Ibid. S. 665–666.

«Об унификации образования»¹⁹. Облик турецкой системы образования, ее светская ориентация и принцип управления из одного центра определяются именно этим законом.

Согласно его первой статье все научные и учебные заведения Турции переходят в подчинение министерства просвещения. Во второй статье отдельно оговорено, что все медресе и школы имамов-хатибов, подчинявшиеся ранее министерству по делам шариата и вакфов, также передаются министерству просвещения. Согласно третьей статье, все бюджетные ассигнования, ранее выделявшиеся министерству шариата и вакфов на содержание школ и медресе, также переводятся в бюджет министерства просвещения²⁰. В четвертой статье закона министерству просвещения предписывается открытие при Стамбульском Дар-уль-фюнуне²¹ теологического факультета для подготовки богословов и создание особых школ для обучения «служащих», осуществляющих «религиозные услуги». В пятой статье утверждается непреложность закона, «армия, генштаб и министерство просвещения обязываются его защищать». Шестая и седьмая статьи посвящены тому, когда закон вступает в силу, и где он подписывается²².

Как видим, закон № 430 сам по себе не ставил своей целью уничтожение религиозного образования, речь шла исключительно об установлении государственного контроля над ним, однако передача медресе в ведение светской образовательной структуры, равно как и предписание о создании Теологического факультета и специальных учебных заведений для подготовки служителей культа предопределили их судьбу. Все медресе были закрыты циркуляром министра просвещения Васыф-бея от 11 марта 1924 г. На момент закрытия, их в стране насчитывалось 479, в них числилось 18 тыс. учащихся. Однако в медресе реально обучалось лишь шесть тысяч человек. Поскольку закон № 430 «О едином образовании» передал бюджет медресе в ведение министерства просвещения, такое неэффективное расходование средств (финансирование выделялось на все 18 тысяч формально числившихся учащихся) послужило весомым аргументом

¹⁹ Ibid. S. 667.

²⁰ О перераспределении средств и имущества вакфов и финансировавшихся ими социальных и просветительских учреждений см.: Шлыков П.В. Вакфы в Турции: трансформация традиционного института. М., 2011. С. 84–105; Он же. Институт вакфа в Турции в 1920-е – 2000-е гг.: сущностные и функциональные трансформации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2010. № 2. С. 41–66.

²¹ İstanbul Darülfünûnu – Стамбульский дом наук. Именован дар-уль-фюнун университетом не совсем верно, поскольку он не имел университетской структуры, а был организован подобно медресе. Впрочем, факультеты в современном понимании были сформированы 7 октября 1925 г., а университетом он стал только после реформы 1933 г.

²² Düstür, 3-cü tertip, cilt 5, 15. Ankara, 1931. S. 667.

в пользу их закрытия. Учащиеся, подходившие по возрасту, были распределены по светским средним школам²³.

Во все учебные заведения были разосланы директивы о необходимости ведения занятий, основываясь исключительно на светских принципах. Местные власти приступили к ликвидации религиозных учебных заведений, и в кратчайшие сроки они были закрыты²⁴. При этом ни одно из зданий бывших медресе, как оказалось, не было пригодно для использования в качестве школы, согласно требованиям организации учебного процесса²⁵. Помимо медресе, в рамках реализации закона об унификации образования, были закрыты и школы национальных меньшинств, а также частные миссионерские школы²⁶. Теологический факультет при Стамбульском Дар-уль-фюнуне был открыт 7 мая 1924 г. Он пришел на смену Медресе-и Сулеймание, дававшему постлицейское двухгодичное образование, которое фактически являлось высшим богословским.

Хотя деятельность кемалистской власти по ограничению роли мусульманского духовенства в общественной жизни и позволяла ее противникам вешать на них ярлык «безбожников», в действительности ее целью никогда не была борьба с религией²⁷. Мустафа Кемаль и его сподвижники были нацелены лишь на отделение ислама от политики, дабы новой Турции было проще адаптироваться к современным условиям. Исламскую религию, учитывая ее глубокую укорененность в турецком обществе, было необходимо поставить на службу республике. К примеру, в официальном правительственном заявлении 1924 г. говорилось, что «необходимо подготовить для нашей страны улемов, образованных в новых исторических условиях»²⁸.

В 1924 году было принято постановление о создании Управления по делам религии. Под контроль управления перешли мечети, а также

²³ Nevzatoğlu Zeynep, *Basında Din Eğitimi-Öğretimi Laiklik Tartışmaları (1945–1960)*, Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Yüksek Lisans Tezi. Ankara, 2006. S. 12–13. URL: <http://acikarsiv.ankara.edu.tr/browse/3229/4083.pdf?show>

²⁴ Lewis Bernard, *The Emergence of Modern Turkey*. L., 1962. P. 408.

²⁵ Özkan, Feriha, *Atatürk'ün Laiklik Anlayışının Eğitim Sistemimizdeki Yansımaları (1919–1938)*, Dumlupınar Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Yüksek Lisans Tezi, Kütahya, 2006. S. 86–87 URL: <http://www.belgeler.com/blg/s5v/ata Turk-un-laiklik-anlayis-inin-egitim-sistemimizdeki-yansimalari-1919-1938-reflections-of-ata Turk-s-secularism-manner-on-our-education-system-1919-1938#>

²⁶ Okur, Mehmet, *Millî Mücadele Ve Cumhuriyetin İlk Yıllarda Millî Ve Modern Bir Eğitim Sistemi Oluşturma Çabaları* s. 210. URL: <http://e-dergi.atauni.edu.tr/index.php/SBED/article/viewFile/173/167>

²⁷ По этой причине уподобление кемалистского движения Великой французской революции или Великой Октябрьской некорректно. *Eren Nuri*. *Turkey today and tomorrow: an experiment in westernization*. Praeger, 1963. P. 90–91.

²⁸ *Cumhurbaşkanları ve millî eğitim bakanlarının millî eğitimle ilgili söylev ve demeçleri*, cilt I. Ankara, 1945. S. 250–251.

текке, завие и тюрбе²⁹ – оплоты «народного ислама». Этому органу было предоставлено право на открытие ограниченного числа духовных школ по подготовке имамов, чтецов Корана и других служителей культа. Управление сразу же приступило к выполнению этой задачи, и к началу 1925 г. в школы имамов было реорганизовано 29 бывших медресе³⁰, в которых обучались 2258 учащихся³¹. Таким образом, число подготавливаемых в стране служителей культа резко сократилось. Программы школ имамов существенно отличались от принятых ранее в медресе. Преподавание богословия стало вестись на турецком языке вместо арабского, были введены некоторые светские предметы, такие как история мусульманского Востока, его философия, искусство, литература. Несмотря на свой профиль, эти учебные заведения были частью светской системы образования³². На протяжении 1920-х годов их число неуклонно сокращалось. Уже в 1925 г. закрылись школы в Эдирне, Одемише, Хопа, Шавшате и Нигде, однако были открыты школы в Артвине и Измире. В 1926 г. же закрылись школы в Эрзуруме, Эскишехире, Урфе, Амасье, Газиантепе, Мараше и Артвине. При этом были открыты новые в Офе и Акшехире – таким образом, общее число таких учебных заведений сократилось до 20. Однако уже в 1927 г. остались всего лишь два, в Стамбуле и Кютахье, где обучалось в общем 278 учащихся. В 1931–1932 гг. эти школы функционировали как обычные средние³³. Вместо школ имамов-хатибов в 1933 г. были учреждены краткосрочные религиозные курсы. Там преподавался переведенный на турецкий язык Коран. К 1934 г. подобных курсов было 19, на протяжении 1930-х годов их число оставалось небольшим, однако уже к 1941 их число увеличилось до 56. При этом учащихся в них было немного – 1689 человек³⁴.

Повсеместная ликвидация медресе вызвала возмущение многих религиозных деятелей. Они стали проводить агитацию среди населения против любых мероприятий правительства. Под лозунгом «Мы требуем восстановления медресе!» многие муллы, шейхи и бывшие софты³⁵ в апреле 1925 г. примкнули к восстанию шейха Саида, перейдя от слов к делу³⁶. Восстание, проходившее под рели-

²⁹ Текке, завие – дервишеские обитатели, тюрбе – гробницы святых, выдающихся мусульманских духовных лидеров.

³⁰ *Yücel, Hasan Ali. Türkiye’de Ortaöğretim. Ankara, 1994. S. 53.*

³¹ *Parmaksızoğlu, İsmet, Türkiye’de Din Eğitimi. Ankara, 1966. S. 25–26.*

³² *Karlık, Halit, “Din Eğitimi”, Cumhuriyet Döneminde Eğitim II. Ankara, 1999. S. 361.*

³³ *Nevzatoglu Zeynep, Basında Din Eğitimi-Öğretimi Laiklik Tartışmaları (1945–1960). Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Yüksek Lisans Tezi. Ankara, 2006. S. 15–16. URL: <http://acikarsiv.ankara.edu.tr/browse/3229/4083.pdf?show>*

³⁴ *Ibid. S. 22.*

³⁵ Софта – учащийся медресе; мулла – в данном контексте, преподаватель медресе; шейх – духовный лидер, в том числе глава тариката.

³⁶ *Behçet Cemal, Şeyh Sait İsyanı. Ankara, 1959. S. 98–99.*

гиозными лозунгами, было безжалостно подавлено. В конце ноября 1925 г. были законодательно закрыты текке и завие, был ограничен доступ к тюрбе. Их служители лишились и своего общественного статуса, и дохода. Прямого отношения к системе образования эти заведения не имели, однако они являлись серьезным конкурентом в борьбе за умы турецких граждан.

Наблюдалась также активизация внутренней оппозиции в меджлисе, представленной мусульманским духовенством. В исламском мире звучали протесты против упразднения халифата. Эти факторы объясняют как резкое сокращение количества собственно религиозных учреждений, так и ускорение кемалистами процесса секуляризации и дальнейшего наступления на культурные и социальные исламские институты. В 1927 г. в программу НРП впервые был включен принцип светскости. В начале 1928 г. из турецкой конституции было изъято положение о том, что “государственной религией Турции является ислам”. Религиозная присяга президента и депутатов меджлиса была заменена гражданской. Официально отделив религию от государства, кемалисты лишили мусульманское духовенство всех традиционных привилегий, которыми оно пользовалось на протяжении столетий.

Религия постепенно и последовательно изымалась кемалистами из учебных программ общеобразовательных учреждений, принятых в 1924 г. Так, программа начальной пятилетней школы предусматривала 26 часов занятий в неделю, в рамках которых полагалось выделять два часа на уроки религии, начиная со второго класса. С 1926 г. религию начали преподавать уже с третьего класса, при этом продолжительность занятий сократилась до одного часа в неделю. С 1930 г. в городских начальных школах на эти занятия отводилось лишь полчаса, и то только в пятом классе и по желанию родителей ученика; в сельских – в обязательном порядке в третьем классе. В средней школе полагался один час уроков религии, а с 1928 г. предмет стал факультативным. В лицеях урокам религии места не нашлось изначально, однако до 1930 г. там преподавались персидский и арабский языки. В пятилетних школах для подготовки учителей были уроки религиозного образования на первом и втором году обучения. Такие уроки включали в себя не только изучение Корана, но и давали представление о намазе, хадже, о жизни и деятельности Пророка. В дальнейшем уроки религии были заменены преподаванием других предметов в следующие годы: в средней школе – в 1930 г., в школах для подготовки учителей – в 1931, в городских начальных школах – в 1933, в сельских начальных школах – в 1939 г.³⁷

³⁷ Nevzatoglu Zeynep, Basinda Din Egitimi-Ogretimi Laiklik Tartismalari (1945–1960), Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Yüksek Lisans Tezi. Ankara, 2006. S. 17–20. URL: <http://acikarsiv.ankara.edu.tr/browse/3229/4083.pdf?show>

На протяжении всех 1920-х годов продолжали сказываться трудности, вызванные многолетними войнами. В начальных общеобразовательных светских школах, прежде всего в сельской местности, не хватало ни учебных пособий, ни учительских кадров. Поэтому, зачастую, «преподавать» там продолжали всё те же сельские ходжи, что и раньше. О качестве и светскости подобного преподавания можно только догадываться. Более того, уже назначенного дипломированного учителя удавалось водворить на его место в сельскую школу только после вмешательства местных властей.

С 1924 г. возрастает число подготавливаемых в специализированных заведениях учителей. Если в 1923 г. существовало 20 учебных заведений готовивших учителей, в которых обучалось 2528 человек, то в 1924 г. таких заведений было уже 26, и в них учился 3771 человек. Всего за год количество учащихся выросло на треть. Тенденция роста сохранялась до 1932 г. По мере же насыщения системы образования квалифицированными кадрами потребность в подготовке такого количества учителей сокращается. К 1938 г. таких учебных заведений осталось всего 16 при 2807 учащихся³⁸.

Повсеместное распространение светского начального образования загнало начальное исламское образование в подполье. Несмотря на аресты и полицейский надзор, ходжи и имамы продолжали на дому читать детям Коран. При этом правительство не проявляло излишней жесткости по отношению к ним, опасаясь усилить и так существовавшее недовольство среди практикующих мусульман. Практика такого домашнего начального исламского образования процветала не только в провинции, но и в столице³⁹. Фактически, начальное исламское образование сохранялось только в форме первичной религиозной социализации.

Крайне важным мероприятием кемалистов стала реформа алфавита, проведенная в 1928 г. С одной стороны, она стала решительным шагом к вестернизации страны. С другой – незнание новыми поколениями османского языка, и в особенности арабской графики, привело к отдалению от османской культурной традиции. Введение латиницы нанесло очередной мощный удар по исламскому образованию, ведь все религиозные тексты были написаны в арабской графике. Более того, Коран, написанный не арабской графикой, в строгом смысле этого понятия не является священной книгой. Следовательно, подобная мера становилась дополнительным серьезным препятствием на пути обучения новых имамов-хатибов и богословов, а также еще одним шагом к «национализации» ислама.

Такая политика нашла свое продолжение в 1930-е годы. В 1932 г. было создано Турецкое языковое общество. Им была развернута

³⁸ DİE, Öğretmenler İstatistiği, 1934–38, Yay. N 185. Ankara, 1942. S. 2–5.

³⁹ Ceylan Hasan Hüseyin, Cumhuriyet dönemi din-devlet ilişkileri, cilt III. S. 70–79.

широкая кампания по изъятию арабских и персидских слов из языка и замене их на «исконно тюркские» аналоги, зачастую абсолютно искусственные. Многие из этих слов так и не прижились в современном турецком языке⁴⁰.

31 мая 1933 г. был принят закон № 2252, согласно которому Стамбульский Дар-уль-фюнун был упразднен, а вместо него создан Стамбульский университет⁴¹. Теологический факультет был расформирован. Формальной причиной стала его непопулярность – на момент ликвидации факультета там обучались всего двадцать студентов⁴². Во многом столь малое число студентов-богословов можно объяснить тем, что существовавшие школы имамов-хатибов не давали подготовки, достаточной для поступления в высшее учебное заведение. Ощутимый удар по факультету нанесло прекращение преподавания персидского и арабского языков в таких школах⁴³. Вместо него был создан специальный институт по изучению ислама. Это было первое в Турции учреждение, которое изучало ислам не с теологических, а с сугубо научных позиций. Одной из первых работ института стал перевод Корана на турецкий язык, вышедший в 1933 г. После ликвидации теологического факультета, в Турции более не осталось учебных заведений, готовивших богословов с высшим образованием.

Итак, в 1923–1938 гг. кемалистам в целом удалось выполнить поставленные задачи в области унификации образования. Был завершен начатый еще в Османской империи процесс создания светской системы образования, полностью подконтрольной государству. Религиозное обучение было вытеснено из учебного процесса. Начальное исламское образование полностью ушло в семейно-домашнюю сферу. Высшее же богословское образование было фактически уничтожено. Донесение новой кемалистской идеологии до сельского населения так и осталось нерешенной задачей, оно продолжало придерживаться исламских бытовых норм, ощущая себя прежде всего мусульманами⁴⁴. Такое положение вещей нашло отражение в турецкой литературе того времени. В качестве примера можно привести роман Халиде Эдип «Убейте блудницу», где народ линчует патриотку-учительницу, пытавшуюся проповедовать идеологию кемализма в деревне⁴⁵, или же роман Якуба Кадри «Чужак», в котором главный герой, отставной

⁴⁰ См. подробнее: *Шлыков В.И.* Кризис кемалистского режима в Турции во второй половине 40-х годов XX века // Труды Института практического востоковедения. Т. 1. М., 2005. С. 244–268.

⁴¹ *Düstür*, 3-cü tertip, cilt 14. Ankara, 1931. S. 1229–1231.

⁴² Lewis Bernard, *The Emergence of Modern Turkey*. L., 1962. P. 408–409.

⁴³ *Nevezatoğlu Zeynep*, *Basında Din Eğitimi-Öğretimi Laiklik Tartışmaları (1945–1960)*, Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Yüksek Lisans Tezi. Ankara, 2006. S. 14–15. URL: <http://acikarsiv.ankara.edu.tr/browse/3229/4083.pdf?show>

⁴⁴ *Новичев А.Д.* Крестьянство Турции в новейшие времена. М., 1959. С. 27.

⁴⁵ *Adivar Halide Edib*, *Vurun Kahpeye*. İst., 2007.

офицер Джамиль, поселившийся в анатолийской деревне, посвящает себя проповеди идей Кемала, и убеждается в отсутствии у анатолийских крестьян каких бы то ни было национальных чувств: «Мы не турки, а мусульмане», – говорят они⁴⁶.

В свою очередь, кемалисты достигли определенных успехов в «национализации» ислама: такие меры, как провозглашение республики и ликвидация халифата, введение алфавита на основе латиницы, перевод Корана на турецкий язык, чтение эзана на турецком языке, помогли новому государству как дистанцироваться от османского прошлого, так и выделиться и из интернациональной мусульманской общности (впрочем, довольно эфемерной).

И смерть Ататюрка, и Вторая мировая война во многом помешали дальнейшему насаждению идеологии кемализма. Загнанное в подполье исламское образование было предоставлено фактически само себе. После перехода к многопартийности в 1945 г. влияние исламских деятелей на общественное сознание в Турции вновь стало быстро расти⁴⁷. С введением процедуры прямых выборов при тайном голосовании и открытом подсчете голосов, религиозный фактор стал важным инструментом в борьбе за электорат.

Список литературы

- Аралов С.И.* Воспоминания советского дипломата. М., 1960.
Гасанова Э.Ю. Лаицизм и ислам в республиканской Турции. Баку, 2002.
Гордлевский В.А. Избр. соч. Т. 3. М., 1962.
Дадашев Т.П. Просвещение в Турции в новейшее время (1923–1960). М., 1972.
Даниелян Р.С. Просвещение в Турции: 1923–1960 гг. Ереван, 1971.
Желтяков А.Д., Петросян Ю.А. История просвещения в Турции (конец XVIII – начало XX века). М., 1965.
История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 2 / Под ред. Э. Ихсаноглу. М., 2006.
Караосманоглу Якуб Кадри, Чужак. Все та же песнь... Л., 1980.
Киреев Н.Г. История Турции XX век. М., 2007.
Новичев А.Д. Крестьянство Турции в новейшие времена. М., 1959.
Шамсутдинов А.М. Национально-освободительная борьба в Турции 1918–1923 гг. М., 1966.
Шлыков В.И. Исламский фактор в национально-освободительной борьбе турецкого народа в 1919–1923 // Исламский фактор в истории и современности. М., 2011. С. 582–593.
Шлыков В.И. Кризис кемалистского режима в Турции во второй половине 40-х годов XX века // Труды Института практического востоковедения. Т. 1. М., 2005. С. 244–268.
Шлыков П.В. Ваффы в Турции: трансформация традиционного института. М., 2011.
Шлыков П.В. Институт ваффа в Турции в 1920-е – 2000-е гг.: сущностные и функциональные трансформации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2010. № 2. С. 41–66.

⁴⁶ Караосманоглу Якуб Кадри, Чужак. Все та же песнь... Л., 1980.

⁴⁷ См.: *Шлыков П.В.* Политический ислам в Турции: поиски новой идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2008. № 4. С. 56–78.

- Шлыков П.В. Политический ислам в Турции: поиски новой идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2008. № 4. С. 56–78.
- Adivar Halide Edib, Vurun Kahpeye. İst., 2007.
- Atatürk'ün Söylev ve Demeçleri, cilt II. Ankara, 1952.
- Behçet Cemal, Şeyh Sait İsyanı. Ankara, 1959.
- Berkes Niyazi. The development of secularism in Turkey. Montreal, 1964.
- Ceylan Hasan Hüseyin, Cumhuriyet dönemi din-devlet ilişkileri, cilt III. İstanbul, 1991.
- Cumhurbaşkanları ve milli eğitim bakanlarının milli eğitimle ilgili söylev ve demeçleri, cilt I. Ankara, 1945.
- Düstür, 3-cü tertip, cilt 5, 15. Ankara, 1931, 1934.
- Eren Nuri. Turkey today and tomorrow: an experiment in westernization. Praeger, 1963.
- Geyikdagi Mehmet Yaşar. Political Parties in Turkey: Role of Islam. Praeger, 1984.
- Kara Mustafa. Tekke ve Zaviyeler. İstanbul, 1980.
- Karlık Halit. "Din Eğitimi", Cumhuriyet Döneminde Eğitim II. Ankara, 1999.
- Kocatürk Utkan. Atatürk ve Türkiye Cumhuriyeti Tarihi Kronolojisi. 1918–1938. Ank., 1983.
- Lewis Bernard. The Emergence of Modern Turkey. L., 1962.
- Nevezatoğlu Zeynep. Basında Din Eğitimi-Öğretimi Laiklik Tartışmaları (1945–1960), Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Yüksek Lisans Tezi. Ankara, 2006. URL: <http://acikarsiv.ankara.edu.tr/browse/3229/4083.pdf?show>
- Özkan, Feriha, Atatürk'ün Laiklik Anlayışının Eğitim Sistemimizdeki Yansımaları (1919–1938), Dumlupınar Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Yüksek Lisans Tezi. Kütahya, 2006. URL: <http://www.belgeler.com/blg/s5v/ataturk-un-laiklik-anlayisinin-egitim-sistemimizdeki-yansimalari-1919-1938-reflections-of-ataturk-s-secularism-manner-on-our-education-system-1919-1938#>
- Parmaksızoğlu İsmet. Türkiye'de Din Eğitimi. Ankara, 1966.
- Yücel Hasan Ali. Türkiye'de Ortaöğretim. Ankara, 1994.

References

- Aralov S.I. *Vospominaniya sovetskogo diplomata* (Rememoirs of the Soviet Diplomat). M., 1960.
- Gasanova. E.Yu. *Laitsizm i islam v respublikanskoi Turtsii* (Secularity and Islam in Republican Turkey). Baku, 2002.
- Gordlevskii V.A. *Izbr. soch.* T. 3 (Selected works, vol. 3). M., 1962.
- Dadashev T.P. *Prosveshchenie v Turtsii v noveishee vremya (1923–1960)* (Enlightenment in Turkey in Modern Times (1923–1960)). M., 1972.
- Danielyan R.S. *Prosveshchenie v Turtsii: 1923–1960 gg.* (Enlightenment in Turkey 1923–1960). Erevan, 1971.
- Zheltyakov A.D., Petrosyan Yu.A. *Istoriya prosveshcheniya v Turtsii (konec XVIII – nachalo XX veka)* (History of Enlightenment in Turkey). M., 1965.
- Istoriya Osmanskogo gosudarstva, obshchestva i tsivilizatsii / Pod red. E. Ikhsanoglu. T. 2* (The History of the Ottoman State, Society & Civilisation). M., 2006.
- Karaosmanoglu Yakub Kadri. *Chuzhak. Vse ta zhe pesn'...* (Strange, Always The Same Song). L., 1980.
- Kireev N.G. *Istoriya Turtsii XX vek (History of Turkey in the XXth century)*. M., 2007.
- Novichev A.D. *Krest'yanstvo Turtsii v noveishie vremena* (Turkish Peasantry in Modern Times). M., 1959.
- Shamsutdinov A.M. *Natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba v Turtsii 1918–1923 gg.* (Turkish War of Independence 1918–1923). M., 1966.
- Shlykov V.I. *Islamskii faktor v natsional'no-osvoboditel'noi bor'be turetskogo naroda v 1919–1923* (Islamic Factor in Turkish War of Independence 1919–1923) // *Islamskii faktor v istorii i sovremennosti*. M., 2011. S. 582–593.

- Shlykov V.I. *Krizis kemalistского rezhima v Turtsii vo vtoroi polovine 40-vikh godov XX veka* (Crisis of the Kemalist regime in Turkey after WWII) // *Trudy Instituta prakticheskogo vostokovedeniya*. T. 1. M., 2005. S. 244–268.
- Shlykov P.V. *Vakfy v Turtsii: transformatsiya traditsionnogo instituta* (Waqfs in Turkey: the Transformation of Traditional Institute). M., 2011.
- Shlykov P.V. *Institut vakfa v Turtsii v 1920-e – 2000-e gg.: sushchnostnye i funktsional'nye transformatsii* (The Institute of Waqf in Turkey in 1920–2000: Essential and Functional Transformation) // *Vestn. Mosk. Un-ta. Ser. 13. Vostokovedenie*. 2010. № 2. S. 41–66.
- Shlykov P.V. *Politicheskii islam v Turtsii: poiski novoi identichnosti* (Political Islam in Turkey: Finding New Identity) // *Vestn. Mosk. Un-ta. Ser. 13. Vostokovedenie*. 2008. № 4. S. 56–78.
- Adivar Halide Edib. *Vurun Kahpeye* (Kill the Whore). İst., 2007.
- Atatürk'ün Söylev ve Demeçleri, cilt II (Atatürk's Speeches and Statements. Vol. 2). Ankara, 1952.
- Behçet Cemal. *Şeyh Said İsyanı* (Sheikh Said Rebellion). Ankara, 1959.
- Berkes Niyazi. *The development of secularism in Turkey*. Montreal, 1964.
- Ceylan Hasan Hüseyin. *Cumhuriyet dönemi din-devlet ilişkileri, cilt III, (Religion-State Relationship in the Republican Era)*. İstanbul, 1991.
- Cumhurbaşkanları ve milli eğitim bakanlarının milli eğitimle ilgili söylev ve demeçleri, cilt I (Speeches and Statements of President and Minister of Education on National Education)*. Ankara, 1945.
- Düştür, 3-cü tertip, cilt 5, 15 (Code of Laws vol. 5, 15). Ankara, 1931, 1934
- Eren Nuri. *Turkey today and tomorrow: an experiment in westernization*. Praeger, 1963.
- Geyikdagi Mehmet Yaşar. *Political Parties in Turkey: Role of Islam*. Praeger, 1984.
- Kara Mustafa. *Tekke ve Zaviyeler* (Dervish Lodges). İstanbul, 1980.
- Karlık Halit. "Din Eğitimi", *Cumhuriyet Döneminde Eğitim II (Religious Education)*. Ankara, 1999.
- Kocatürk Utkan. *Atatürk ve Türkiye Cumhuriyeti Tarihi Kronolojisi (Chronology of Atatürk and Republic of Turkey) 1918–1938*. Ankara, 1983.
- Lewis Bernard. *The Emergence of Modern Turkey*. L., 1962.
- Nevzatoğlu Zeynep. *Basında Din Eğitimi-Öğretimi Laiklik Tartışmaları (1945–1960) (Debates in Press on Religious and Secular Education (1945–1960))*. Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Yüksek Lisans Tezi. Ankara, 2006. URL: <http://acikarsiv.ankara.edu.tr/browse/3229/4083.pdf?show>
- Özkan Feriha. *Atatürk'ün Laiklik Anlayışının Eğitim Sistemimizdeki Yansımaları (1919–1938) (The Embodiment of Atatürk's View on Secularity in Education System (1919–1938))*. Dumlupınar Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Yüksek Lisans Tezi. Kütahya, 2006. URL: <http://www.belgeler.com/blg/s5v/ataturk-un-laiklik-anlayisinin-egitim-sistemimizdeki-yansimalari-1919-1938-reflections-of-ataturk-s-secularism-manner-on-our-education-system-1919-1938#>
- Parmaksızoğlu İsmet. *Türkiye'de Din Eğitimi (Religious Education in Turkey)*. Ankara, 1966.
- Yücel Hasan Ali. *Türkiye'de Ortaöğretim (Secondary Education in Turkey)*. Ankara, 1994.

Сведения об авторе: Пальников Александр Маратович, аспирант кафедры Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: alexander_m_p@yahoo.com

About the author: Palnikov Alexander Maratovich, PhD student, Department of Near and Middle Eastern History Lomonosov Moscow State University, Institute of Asian and African Studies. E-mail: alexander_m_p@yahoo.com

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

К а р а ч к о в а Е. Ю. Диалоги с прошлым: этноистория раджпутского княжества. М.: Совпадение, 2013. 248 с.

K a r a c h k o v a E. Yu. Dialogues with the Past: Ethnohistory of a Rajput Princely State. Moscow: Sovpadenie, 2013. 248 p.

Эта увлекательная книга посвящена этноистории городка Амбер – столицы в XI–XVIII вв. княжества Дхундхар на территории современного индийского штата Раджастан. Работа написана в академических традициях американской культурной антропологии, с использованием ее методологии и терминологии. Начинается она с того, с чего, как представляется, и должно начинаться серьезное исследование, – с определения терминологии. Этому посвящена вся часть I книги, которая и называется «Договоримся о терминах». По справедливому замечанию Е.Ю. Карачковой, прижившееся в России (посредством учебников для высшей школы) понимание культурной антропологии как дисциплины весьма отличается от такового в США и зачем заимствовать названия или термины, если мы вкладываем в них совершенно иные смыслы? Одну из своих задач автор и видела в наполнении заимствованных терминов содержанием, уже принятым в мировой науке, чтобы между российской и западными академическими школами был возможен осмысленный диалог (с. 13). Книга Елены Юрьевны – вполне успешная попытка решить эту задачу. Более того, хочется надеяться, что она подаст пример другим исследователям в том же направлении «исправления смыслов».

Монография написана в результате впечатляющих по масштабу и временной протяженности полевых исследований (они охватили большое количество респондентов и заняли в общей сложности десятилетие). Главным источником автору послужила устная традиция, рассказы индийцев – жителей Амбера, которые принадлежат к разным этническим и конфессиональным сообществам (раджпуты, джайны, мусульмане и племя мина). Изложенная в книге этноистория княжества учитывает методологию влиятельной в современном зарубежном востоковедении академической школы *subaltern studies*, которая (не считая данный подход единственно возможным) рассматривает историю стран и народов с точки зрения коллективной исторической памяти низших социальных групп. Книга Е.Ю. Карачковой – вообще первое в отечественном востоковедении исследование феномена коллективной исторической памяти.

Вместе с тем метод «включенного наблюдения», внедренный еще известным британским этнографом и антропологом Б. Малиновским, автор в соответствии с новейшими требованиями дисциплины дополнила изучением письменных источников, таких как летописи могольского

периода и травелоги европейских путешественников по Индии XIX в., которые проехали и по области Раджпутана (современный Раджастхан). Эти источники привлечены для иллюстрации механизма «обратной связи» между устной и письменной традицией.

Сильной стороной работы с методологической точки зрения является и обращение к идейному наследию знаменитого автора концепции «ориентализма» Э. Саида. При всей критике его востоковедами (многое в которой представляется справедливым) он верно обратил внимание исследователей на феномен ориенталистских репрезентаций как жестких статичных схем восприятия Востока. Е.Ю. Карачкова показала, как британские историки XIX в., прежде всего классик историографии Раджпутаны подполковник Джеймс Тод, препарировали историю этой области, создав некий «канон», который обрел авторитет «исторической правды». Продолжением и углублением этого процесса стало развитие того, что автор назвала туристическим дискурсом (совокупность туристических публикаций разных жанров). Связанные с этим фразы из заглавий параграфов части II – «упаковка товара» (с. 110) и «как создавали упаковку» (с. 116) – переключаются с понятием репрезентаций, о которых писал Э. Саид. Вместе с тем автор сделала вывод о тенденции к постепенной объективизации повествования в травелогах колониального периода (с. 141).

Кроме устных и письменных источников автор детально разобрала и такие исторические источники, как архитектурные памятники Амбера (дома, храмы разных конфессий, дворец, колодцы и другие сооружения). В книге уделено много внимания их роли в формировании устной традиции; при этом важны две их функции, выделенные автором: мнемоническая (памятники как опоры для сохранения и ретранслирования знания) и доказательная (памятники как зримые и осязаемые подтверждения минувших событий) (с. 171).

Среди выводов работы имеющим особое научное значение представляется мнение об ошибочности идеи однонаправленного (от элит к массам) процесса создания и передачи исторических мифов (эту идею разделяют В.А. Шнирельман и М.И. Кушнир). На основе своего исследования Е.Ю. Карачкова убедительно сформировала «представление о более сложной схеме конструирования и транслирования образов прошлого, согласно которой “низы” выглядят вовсе не пассивными “потребителями”, а, скорее, активными соавторами процесса исторического мифотворчества. Сам процесс, по моему мнению, точнее было бы представить в виде не вертикального однонаправленного потока “сверху вниз”, а постоянного круговорота между устными и письменными способами транслирования этих образов» (с. 224).

Книга читается легко и в то же время дает читателю большой пласт фактической информации по этноистории Амбера, обзор историографии истории Раджпутаны и, конечно, демонстрирует сложную эволюцию коллективной исторической памяти жителей изучаемой местности. Актуальность работе придают, помимо прочего, непростые и подчас напряженные межконфессиональные отношения в современной Индии, которые заставляют религиозные общины относиться к истории избирательно и тенденциозно, а власти – манипулировать ею в угоду индуистскому боль-

шинству. Работу украшает приведенная в конце генеалогия правителей княжества Дхундхар, глоссарий и сделанные автором цветные фотографии, прекрасно подобранные для иллюстрации текста.

Как отметила сама автор, ее исследование выполнено на микроуровне (с. 222). Понятно, сколь кропотливый труд понадобился для выхода даже такой книги; изучение реальности по необходимости имеет фундаментом как раз такие конкретные исследования (то, что в англоязычной науке называется *case studies*). Вместе с тем хочется пожелать автору не останавливаться на микроуровне, а применить свою методику к изучению более широкой социальной общности либо географической области (скажем, рассмотреть этноисторию всего Раджастхана или хотя бы всей территории былого княжества Дхундхар), что она, возможно, и сделает.

Монографию Е.Ю. Карачковой с ее соединением изучения конкретного эмпирического материала с достижениями новейших теоретических разработок культурной антропологии можно воспринимать как образец для работы последующих этноисториков-востоковедов, которые будут изучать различные местности и области не только Индии, но и других стран Азии.

К.А. Фурсов

Сведения об авторе: *Фурсов Кирилл Андреевич*, канд. ист. наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Экология культуры Востока» ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: kfursov@iaas.msu.ru

About the author: *Fursov Kirill Andreevich*, PhD, senior researcher at the research laboratory “Ecology of Oriental culture”, Institute of Asian and African Countries, Moscow State University. E-mail: rabhasa79@gmail.com

ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОФЕССОР Х.З. ГАБИДУЛЛИН – ПЕРВЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

PROFESSOR H.Z. GABIDULLIN – THE FIRST HEAD OF THE MOSCOW STATE UNIVERSITY'S HISTORICAL ORIENTAL STUDIES

В статье рассматривается биография первого руководителя кафедры истории колониальных и зависимых стран исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Хаджи Загидуллоевича Габидуллина. В истории востоковедения Х.З. Габидуллин приобрел известность как исламовед и тюрколог. Его совместный с А. Аршаруни труд «Очерки пантюркизма и панисламизма в России» и сейчас представляет немалую познавательную ценность, так как здесь впервые был опубликован ряд интереснейших архивных документов по «мусульманским делам» из фондов Департамента полиции царского МВД. Х.З. Габидуллин подготовил труд по истории младотурецкой революции и курировал российско-турецкие научные связи на уровне АН СССР в середине 1930-х годов. Он был одним из советских «ответработников», руководивших разработкой и внедрением алфавитов для народов РСФСР на основе латинской графики. В мае 1937 г. он был обвинен в участии в контрреволюционной националистической организации и помощи троцкистам и вскоре репрессирован. В 1957 г. Х.З. Габидуллин был реабилитирован. Однако его имя и деятельность были надолго преданы забвению.

Ключевые слова: Габидуллин, кафедра истории колониальных и зависимых стран, тюркология, исламоведение, политические репрессии.

This article considers the biography of Hadzhi Zagidulloevich Gabidullin, the first head of Department of history of the colonial and dependent countries of Historical faculty of the Moscow State University of M.V. Lomonosov. In the history of oriental studies H.Z. Gabidullin has got popularity as researcher of Islam and Turcology. His work in co-authorship with A. Arsharuni “Sketches of Panturkism and Panislamism in Russia” even now represents considerable value because of a large number of the most interesting archival documents on “Muslim affairs” from funds of Department of police of the imperial Ministry of Internal Affairs for the first time has been published in it. H.Z. Gabidullin has prepared work on stories Joung Turks’ revolution and supervised Russian-Turkish scientific communications at level of the Academy of Sciences of the USSR in the mid-thirties. H.Z. Gabidullin was one of Soviet “responsible authorities”, supervising working out and introduction in Russia of alphabets on the basis of a Latin drawing. In May, 1937 he has been accused of participation in the counterrevolutionary nationalist organization and the help to “trozkists” and soon subjected to repression. In 1957 H.Z. Gabidullin

has been rehabilitated. However his name and activity have been for a long time betrayed to oblivion.

Key words: Gabidullin, Department of history of the colonial and dependent countries, Turcology, Islamic Studies, Political repressions.

Вопрос об организации изучения Востока в Московском университете был поставлен в середине XVIII в. самим М.В. Ломоносовым, который неоднократно предлагал создать специальную «кафедру ориентальных языков». Однако эта идея тогда так и не была реализована¹. Прошлое Востока освещалось в общих университетских курсах по всеобщей истории, подобные лекции читались многими выдающимися учеными, среди которых были Т.Н. Грановский и П.Г. Виноградов, но все они специально никогда не занимались ориенталистикой. Научное востоковедение в Московском университете до 1917 г. было связано прежде всего с деятельностью филологов, их трудами по сравнительному языкознанию, в частности – санскритологией². Таким образом, какой-либо специальной востоковедной исторической кафедры в Московском университете не существовало.

После 1917 г. Московский университет неоднократно преобразовывался, историческое образование в нем также постоянно перестраивалось. В 1934 г. высшее политическое руководство пришло к выводу о необходимости «преодоления вульгарно-социологического подхода к конкретным историческим исследованиям». 16 мая 1934 г. было принято известное постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР». В рамках реализации этого решения в Московском университете был создан исторический факультет, на котором в августе 1934 г. появилась кафедра истории колониальных и зависимых стран – первое специальное востоковедное историческое подразделение в главном вузе страны³.

Профессор Хаджи Загидуллоевич Габидуллин был назначен руководителем новой кафедры. Биография Х.З. Габидуллина – это история судьбы человека, сорок лет жизни которого делятся на две равные части, рубежом между которыми стала революция 1917 г. Он родился в семье муллы на Урале и получил неплохое для своей среды образование – мусульманское в медресе и русское в высшем

¹ См.: *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России // Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX. М., 1977. С. 416.

² *Куликова А.М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII – 1917 г.). СПб., 1994. С. 210–216.

³ *Летопись Московского университета.* Исторический факультет. М., 2009. С. 20.

начальном училище⁴. Сравнительно для того времени высокий уровень грамотности позволил Габидуллину устроиться на «чистую работу» – занять должность конторщика на железной дороге. Из монотонной конторской рутины, однако, вскоре его вырывают события Февральской революции, и он сразу же уходит к «крайним левым». С апреля 1917 г. Габидуллин – член большевистской партии, активный участник революционных событий и борьбы за советскую власть в Сибири и Поволжье в 1917–1918 гг. В 1918–1920 гг. он на руководящих политических постах в Красной Армии, являлся комиссаром полка, бригады, кавалерийских командных курсов.

В 1920–1927 гг. Габидуллин – крупный «ответработник» в Татарстане, руководитель Наркомата просвещения и республиканской милиции, с 1924 г. председатель республиканского Совнаркома. В этот период времени он являлся членом многих выборных партийных и советских органов.

В 1927 г. начался московский период жизни Габидуллина. Он был «переброшен в центр» и назначен членом Малого Совнаркома РСФСР⁵. В 1930–1933 гг. Габидуллин – слушатель восточного отделения Института красной профессуры (ИКП), одновременно с 1931 г. преподаватель и заведующий кафедрой Татарии и Башкирии Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ)⁶.

⁴ Медресе – мусульманское духовное училище второй (высшей) ступени, высшее начальное училище – русская городская школа в данном случае с 7-летним циклом обучения. Таким образом, хотя Габидуллин и не получил формально среднего образования, но по меркам революционного времени он был достаточно подготовлен для учебы, вначале в Казанском политехническом институте, а затем в Московском институте красной профессуры.

⁵ Малый Совнарком – специальная структура, существовавшая с конца 1917 г. при Большом Совнарком РСФСР для рассмотрения второстепенных вопросов (так называемая вермишельная комиссия). Назначение в этот столичный орган аппаратчика, ранее занимавшего ответственный пост на периферии, было, судя по всему, своеобразным «повышением вниз» и являлось характерным приемом в российской бюрократической традиции. Причины подобного формата перевода Габидуллина из Казани в Москву нам неизвестны. См.: *Коржихина Т.П.* История государственных учреждений СССР. М., 1986. С. 59.

⁶ а) Институт красной профессуры (ИКП) в Москве – высшее учебное заведение для подготовки преподавателей – марксистов по общественным наукам и партийных работников. Существовал в 1921–1938 гг. Срок обучения – 3 года. Составной частью учебного процесса являлась педагогическая практика по своей специальности. С этим было связано совмещение Габидуллиным учебы в ИКП и преподавательской работы в Коммунистическом университете трудящихся Востока; б) Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) – высшее учебное заведение для подготовки работников советских восточных республик и областей и участников международного национально-освободительного движения. Существовал в 1921–1938 гг. Срок обучения – три года. КУТВ курировался Коминтерном и был тесно связан с органами советской внешней разведки. См., например: Институт красной профессуры // Большая российская энциклопедия. Т. 11. М., 2008. С. 410; Коммунистические университеты // Большая российская энциклопедия. Т. 14. М., 2009. С. 673; *Панин Е.В.* Создание и функционирование советских высших учебных

В 1933–1937 гг. он – член коллегии Наркомпроса, где руководил различными управлениями, с августа 1934 г. (по совместительству) – первый заведующий кафедрой истории колониальных и зависимых стран МГУ (профессор новой истории колониальных стран)⁷. В декабре 1935 г. без защиты ему была присвоена ученая степень кандидата исторических наук.

В научной деятельности Габидуллина можно выделить два заметных направления. Первое из них было связано с освещением истории ислама в России. В 1931 г. была напечатана подготовленная Габидуллиным совместно с А. Аршаруни⁸ книга «Очерки панисламизма и пантюркизма в России»⁹. Эта атеистически-пропагандистская работа была выполнена по социологическим лекалам школы Покровского, рассматривавшей все происходящее с точки зрения примата влияния «торгового капитала». В ракурсе подобной парадигмы Чингисхан и Тимур оценивались как наемники «торгового капитала» Центральной Азии, в русской истории господствовал «торговый капитал в шапке Мономаха» и т. д. В приложении к «мусульманству» этот подход обусловил критику Габидуллиным и Аршаруни социально-политического и духовного облика российской тюркской торговой элиты и применение по отношению к ней формулы «татарский кадетизм в чалме и тубетейке». Вместе с тем, несмотря на весь присущий данной книге «вульгарный социологизм», ее материалы и сейчас представляют немалую познавательную ценность, так как здесь впервые был опубликован ряд интереснейших архивных документов по «мусульманским делам» из фондов Департамента полиции царского МВД¹⁰.

Второе направление научной деятельности Габидуллина – это тюркология. По всей видимости, во время своей учебы в медресе, а затем – в Институте красной профессуры, Габидуллин выучил турецкий язык, который был ему близок и понятен. Вероятно, этническая

заведений для национальных меньшинств. 1920–1930-е гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2012.

⁷ На базе кафедры истории колониальных и зависимых стран (истории Востока) в 1944 г. было создано отделение истории стран Востока. В 1956 г. оно перешло в состав вновь образованного Института восточных языков (позднее Института стран Азии и Африки) при МГУ. См.: *Летопись Московского университета. Исторический факультет*. С. 40, 56.

⁸ Аршаруни Аршалуйс Михайлович (1896–1985) – литературовед. Выпускник историко-филологического факультета Варшавского университета и Института красной профессуры. Основные работы посвящены истории культурных связей России и Армении. См.: *Милюбанд С.Д.* Востоковеды России. XX – начало XXI вв. Кн. 1. М., 2008. С. 73.

⁹ *Аршаруни А., Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931.

¹⁰ Современная публикация ряда подобных документов см.: *Императорская Россия и мусульманский мир: Сб. материалов / Сост. Д.Ю. Арапов.* М., 2006.

близость и тесные российско-турецкие связи конца 1920-х – начала 1930-х годов и обусловили его интерес к тюркологии. Об этом свидетельствует и специальность, полученная им в результате окончания ИКП – «историк Турции». В 1933–1936 гг. Габидуллин приступает к подготовке труда по истории младотурецкой революции¹¹. Часть утверждений и выводов автора были опубликованы в 1934 г. в виде отдельных статей в журнале «Революционный Восток»¹². В марте 1936 г. Габидуллин был назначен заместителем председателя Комиссии содействия научным связям с Турцией АН СССР¹³. Комиссия была создана по предложению известного российского и советского тюрколога А.Н. Самойловича¹⁴, который стал ее председателем. Комиссия существовала с 1932 по 1936 г.¹⁵ Создание комиссии было обусловлено интересом российских тюркологов, прежде всего – лингвистов к тем процессам языкового строительства и языковой политики, которые происходили на рубеже 1920–1930-х годов в Турции. Причиной этого интереса был ускоренный переход Турции с арабского алфавита на латинский, создание «новояза» – замена арабских и персидских заимствований в турецком языке с помощью конструирования новых терминов и понятий с использованием исконно тюркских корней и основ. Кроме того, Комиссия отслеживала ход разработки концепции национальной истории Турции, а также координировала научный и образовательный обмен между двумя странами.

С апреля 1936 г. Габидуллин становится членом ЦК НА (имеется в виду ВЦК НА)¹⁶ – научно-организационного центра по разработке

¹¹ Габидуллин Х.З. Младотурецкая революция: Исторические очерки. М., 1936. 227 с.

¹² Габидуллин Х.З. Проблемы младотурецкой революции // Революционный Восток. 1934. № 3. С. 146–164; № 4. С. 111–131.

¹³ См. о ней: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (СПбФ АРАН), ф. 433 «Комиссия содействия научным связям с Турцией АН СССР». Ученым секретарем Комиссии был известный тюрколог, экономист и историк А.Д. Новичев (1902–1987).

¹⁴ Самойлович А.Н. (1880–1938) – российский и советский тюрколог, лингвист, литературовед, историк, академик АН СССР. О нем см.: Миллибанд С.Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. 2-е изд. Кн. 2. М., 1995. С. 359–361.

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 433.

¹⁶ (Всероссийский) Центральный комитет нового алфавита (В)ЦК НА) – создан в 1930 г. на основе ранее существовавшего Центрального комитета нового тюркского алфавита (ВЦКНТА). Подробнее о нем см.: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 89–90; Яковлев Н. Итоги унификации алфавитов в СССР // Советское строительство. 1931. № 8 (61); *Он же*. Математическая формула построения алфавита // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970; Революция и письменность. 1933. Вып. 1 (16–17); Алфавит Октября. М.; Л., 1934; Боровков А.К. К вопросу об унификации тюркских алфавитов в СССР // Советское востоковедение. 1956. № 4; Дешериев Ю.Д. Развитие младописьменных языков народов СССР. М., 1958; Мусаев К.М. Алфавиты языков народов СССР. М., 1965.

и внедрению алфавитов для народов РСФСР на основе латинской графики.

В августе и сентябре 1936 г. Габидуллин более месяца находится в Турции. Он участвует в III Конгрессе турецкого языка в Стамбуле (24–30 августа 1936 г.) в качестве делегата от СССР вместе с А.Н. Самойловичем и И.И. Мещаниновым¹⁷. В ходе заседаний Х.З. Габидуллина и его коллег в качестве почетных председателей вводят в состав международной лингвистической комиссии¹⁸ по сравнительно-историческим исследованиям турецкого языка и разработке «солнечной языковой теории»¹⁹. Совместный доклад «Основные лингвистические проблемы в СССР и Турции и практика языкового строительства» был зачитан А.Н. Самойловичем²⁰. В то же время Габидуллин посещает и столицу Турции – Анкару. В Анкаре членами делегации были проведены переговоры с руководством Турецкого лингвистического общества о направлениях дальнейшего сотрудничества.

К концу 1936 г. Габидуллин – это успешный столичный «ответработник», ведущий профессор главного университета страны, активный «общественник». Только что подтвердилось доверие к нему «верхов» – он был послан в Турцию, где в августе-сентябре 1936 г. участвовал в работе III конгресса турецкого языка. Но уже вскоре в личном деле Габидуллина появилась запись: «Май 1937 г. Исключен из партии, снят [с работы] за участие в контрреволюц[ионной] национал[истической] организации и активную помощь врагам народа троцкистам проникать в ВУЗы и университеты Наркомпроса. 27.V.1937.» В июне 1937 г. он был арестован и намечен к репрессированию по первой категории (расстрелу). Это предложение Главного управления государственной безопасности НКВД было одобрено И.В. Сталиным (секретарем ЦК ВКП(б)) и В.М. Молотовым (пред-

¹⁷ Мещанинов И.И. (1883–1967) – русский советский лингвист, археолог, этнограф. Академик АН СССР. О нем см.: профиль И.И. Мещанинова на сайте РАН: URL: http://www.ras.ru/win/db/show_per.asp?P=.id-51304.ln-ru.dl-pr-inf.uk-0

¹⁸ Üçüncü Türk Dil Kurultayı. 1936. Tezler. Müzakere zabıtlar. İstanbul (Третий конгресс турецкого языка. Тезисы. Протоколы заседаний). С. 29–31.

¹⁹ «Солнечная языковая теория» – выдвинутая с одобрения Мустафы Кемала Ататюрка теория о происхождении всех мировых языков от турецкого. Вкупе с разработанным турецкими историками «Положении о турецкой истории» (Türk Tarih Tezi) была призвана обосновать утверждение о том, что тюрки были коренным населением Малой Азии и носителями культурных ценностей для окружающих народов. См.: *Актюрк III*. Историческая политика в Турции: ревизионистская историография бросает вызов официальной версии войны Турции за независимость // Историческая политика в XXI в. / Под ред. А. Миллера, М. Липман. М., 2012. С. 511.

²⁰ Türkiye ile Sovyetler Birliğinde başlıca dilcilik meseleleri ve dil kuruluşunun pratiği // Üçüncü Türk Dil Kurultayı. 1936. Tezler. Müzakere zabıtlar. İstanbul // Третий конгресс турецкого языка. Тезисы. Протоколы заседаний. Доклад А.Н. Самойловича (совместно с И.И. Мещаниновым и Х.З. Габидуллиным) «Основные лингвистические проблемы в СССР и Турции и практика языкового строительства») С. 319–327.

седателем Совнаркома СССР). 27 сентября 1937 г. Габидуллин был приговорен к Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу, и в тот же день приговор был приведен в исполнение. Через 20 лет, в 1957 г., невиновность Габидуллина была полностью доказана, и он был реабилитирован²¹.

Документы о Габидуллине были выявлены нами в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГА-СПИ, ф. 17, оп. 100, д. 6597). Из материалов его учетно-партийного дела для публикации были выбраны характеристика (№ 1), личный листок по учету кадров (№ 2) и автобиография (№ 3). К сожалению, в учетно-партийном деле отсутствует последовательная нумерация архивных листов. При издании по возможности сохранены особенности орфографии и синтаксиса текстов, написания дефиниций и терминов. Публикуемые документы снабжены необходимыми примечаниями.

№ 1.

№1. РГАСПИ, Ф.17, оп. 100. Д. 6597. Машинопись. Копия. Л. 3.

Сов. Секретно:

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А²²

Тов. ГАБИДУЛЛИН Хаджи начал свою работу на должности члена Коллегии Наркомвнудела А.Т.С.С.Р.²³ и Начальника Милиции АТССР с Октября 1920 года, пребывая на таковой в настоящее время.

За время своей работы тов. ГАБИДУЛЛИН являлся фактически руководителем вверенного ему Управления и в достаточной мере проявил инициативу и умение ориентироваться в сложной политической ситуации, будучи вполне грамотен политически.

Выполнял возложенные задачи в самых трудных условиях работы, сумел наладить аппарат и подобрать работников, умея использовать таковых, проявлял большую требовательность и ввел твердую дисциплину, следствием чего милицейский аппарат во всех своих частях стал более гибок и подвижен в проведении тех или иных заданий, несмотря на неблагоприятные объективные условия. На

²¹ О Х.З. Габидуллине см.: Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). Изд. подготовили Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб., 2003. С. 107; *Миллибанд С.Д.* Указ. соч. Кн. 1. С. 283.

²² К сожалению, точная дата составления данного документа не указана. Можно предположить, что эта характеристика дана не ранее августа 1922 г. (Х.А. Чанышев возглавлял НКВД Татарии с августа 1922 г. по август 1924 г.) и не позднее апреля 1924 г. (время ухода Габидуллина из органов НКВД). *Скоркин К.В.* На страже завоеваний революции: Справочник. Местные органы НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. М., 2010. С. 118.

²³ АТССР – Автономная Татарская Советская Социалистическая Республика.

ряду с большой требовательностью тов. ГАБИДУЛЛИН проявляет хорошее товарищеское отношение к своим сотрудникам.

К личным качествам тов. ГАБИДУЛЛИНА следует отнести живость, энергию и определенную настойчивость в проведении тех или иных решений.

Тов. ГАБИДУЛЛИН своевременно сознает и исправляет допущенные им шероховатости и ошибки. Имеет склонность к вспыльчивости, но вовремя овладевает собой.

Тов. ГАБИДУЛЛИН имеет солидный опыт в области милицейской службы, хорошие административно-организационные способности, вполне соответствует своему назначению и на занимаемой должности является, безусловно, незаменимым работником.

Народный Комиссар Внутренних Дел ТССР ЧАНЫШЕВ
Зам. Нарком. и Нач. Адморган. Управления ГОРДЕЕВА.

С подлинным верно:

Секретарь Бюро О.К. (Подпись)

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 100. Д. 6597. Л. 13к. Копия. Машинопись.

№ 2.

А В Т О Б И О Г Р А Ф И Я .

Родился в крестьянской семье в Уфимской губ., Белебеевского уезда Тюрюшевской волости, дер. Савади-Башево в 1897 г.²⁴ Отец впоследствии принял сан муллы и переехал на жительство в г. Кунгур. После февральской революции от своей духовной профессии он отказался и переселился в дер. Ахманы, Кашагальской волости, Тобольской губ., где занялся исключительно крестьянским хозяйством. Во время колчаковщины хозяйство отца было разорено карательным отрядом белых и кулаками, сам он арестован, сидел в каторжной тюрьме. С 1919 г. по 1924 г. отец работал в советских органах, с 1924 г. по 1931 г. /до смерти/, будучи уже в преклонном возрасте /73 года/ жил в деревне, имея с моим младшим братом середняцкое хозяйство²⁵.

Я с 1915 г. жил своим трудом и был экономически независим от родителей.

Первоначальное образование получил в 3-х классной русской начальной школе, а затем окончил 4-х классное городское училище и в дальнейшем, будучи вынужден, вследствие поступления на

---

²⁴ По другим сведениям Габидуллин родился в г. Кунгуре Пермской губ. См.: Люди и судьбы. С. 107.

²⁵ Для данного времени показательно то, что видный «ответработник» Габидуллин всячески подчеркивал факты отказа своего отца от поста муллы, его страданий в годы Гражданской войны от рук белых и положения крестьянина-середняка во время коллективизации.

работу, бросить учебу, занялся самообразованием. Я учился также в татарском медресе, которое окончил в 1910 г. В 1923 г. поступил в Казанский Политехнический Институт на Торгово-Промышленный факультет, откуда в 1925 г. выбыл вследствие ликвидации института. В 1930 г. был направлен на учебу на восточное отделение Института Красной профессуры Истории, который окончил в 1933 г.

Февральская революция меня застала на ж.д. дороге, где я впервые начал вести работу среди рабочих и служащих и был делегирован в образовавшийся Кунгурский Совет рабочих и солдатских депутатов, где в апреле 1917 г. активно начал работать в большевистской фракции и был назначен представителем Совета на ст. Кунгур. Все время вел агитацию против войны, Временного правительства, выступал при выборах городской думы среди заводских рабочих в защиту списка большевиков²⁶. По поручению совета я выезжал в уезд для проведения агиткомпании в татарских и русских районах. 2-го октября /ст.стиля/ я выехал в Тюмень, где поступил на работу в товарную контору ст. Тюмень. С февраля 1918 г. я бросил ж.д. дорожную службу и перешел на партийно-советскую работу и был избран товарищем председателя комиссариата по делам мусульман и назначен заведующим земельным отделом. В этот период я был также в рядах красной гвардии. Когда в конце мая 1918 г. в Сибири началось восстание чехословаков, я был введен в состав губернского оперативного штаба членом. После сдачи Омска и приезда в Тюмень Западно-Сибирского Оперативного штаба я вошел в состав штаба членом-секретарем /председателем Западно-Сибирского военно-оперативного штаба был убитый в 1918 г. под Камышловым т. Усиевич²⁷/. После отступления из Тюмени в Камышлов я был откомандирован в Казань в распоряжение председателя центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоен т. Мулла-Нура Вахитова²⁸, куда прибыл

²⁶ Имелся в виду список кандидатов-большевиков на выборы в Кунгурскую городскую думу.

²⁷ Усиевич Григорий Александрович (1890–1918) – деятель революционного движения в России. Член компартии с 1907 г. Активный участник борьбы за установление советской власти в Москве. В марте 1918 г. направлен в Сибирь для организации продовольственного снабжения Москвы. С июня 1918 г. председатель Западно-Сибирского (Тюменского) революционного штаба. Убит в бою с белыми 9 августа 1918 г. // Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1973. С. 881.

²⁸ Вахитов Мулла-Нур (1885–1918) – мусульманский общественный деятель. Приверженец социалистических идей. Депутат Учредительного собрания от Казанской губернии (избран по мусульманскому социалистическому списку). С января 1918 г. сотрудничал с большевиками, возглавлял Центральную комиссию по делам мусульман внутренней России (Муском). С 31 мая 1918 г. председатель Центральной мусульманской коллегии, которая занималась комплектованием воинских частей из мусульман. В августе 1918 г. в боях за Казань с войсками КОМУЧа (Комитета Учредительного Собрания) был арестован и погиб при невыясненных до конца обстоятельствах. См.: Ислам на Европейском Востоке // Энциклопедический словарь. Казань, 2004. С. 52–54.

3/VIII-1918 г. и по его распоряжению был назначен помощником комиссара по формированию татаро-башкирских частей Востфронта. Во время взятия Казани чехо-белыми участвовал в уличных боях до последнего момента, и, не имея возможности вырваться из города, т. к. совершенно не был с ним знаком, был вынужден остаться там. Попытка пройти через фронт в районе Деревышки-Высокая гора не удалось, я вернулся в Казань и в ночь на 10/ VIII-1918 г. совместно с другими коммунистами Резепом Губайдуллиным, Курмантаевым и др. был арестован белой контрразведкой в гостинице “Метрополь” по Московской ул.²⁹ и посажен в Плетеневскую тюрьму, где просидел до взятия Казани красными войсками, т.е. до 10/IX-1918 г. По освобождении из тюрьмы принял активное участие в восстановлении советских и партийных организаций, состоял членом Казанского мусульманского комитета РКП/б/ и был избран членом Казанского совета 1-го созыва. 25/IX-1918 г. распоряжением Мусульманской военной коллегии³⁰ и Казанского губвоенкомата я был назначен командиром Мусульманского социалистического полка, на какой должности пробыл до середины октября, а затем приказом военсовета 4-ой Петроградской дивизии был назначен военкомом 2-го мусульманского пехотного полка и наблюдающим над артдивизионом, отправленным на фронт совместно со 2-м полком. Участвовал вплоть до декабря в боях под Ижевском в составе дивизии Азина³¹ 2-й армии, ведя политическую работу среди населения и красноармейцев. 4/XII-1918 г. получил назначение в качестве комиссара 1-го кавалерийского полка 4-й Петроградской дивизии, с которым отбыл на Южный фронт. Приказом по IX сводной дивизии Южного фронта был назначен (Л.2.) комиссаром 1-ой бригады, с которой затем был переброшен на Западный фронт, где находился непрерывно в боях с апреля по август 1919 г. в районе Мариенбург-Верро-Псков после чего был отозван в распоряжение Мусульманской военкомату в

²⁹ Московская улица – находится в центральной части Казани. В старину главный московский тракт, который подводил к паромной переправе через Волгу. См.: *Амиров К.* Казань. Где эта улица, где этот дом. Казань, 1995. С. 120.

³⁰ О советских мусульманских структурах того времени см.: *Чеботарева В.Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924. М., 2003. С. 268–357.

³¹ Азин Владимир Михайлович (Мартынович) (1895–1920) – советский военачальник, участник гражданской войны 1918–1920 гг. Член компартии с 1918 г. С августа 1918 г. возглавлял Арскую группу советских войск, сыгравшую большую роль при освобождении Казани от частей чехословаков и «народной армии» КОМУЧа 10 сентября 1918 г. Во время боев за Ижевск в ноябре-декабре 1918 г. командовал частями 2-й дивизии Восточного фронта. В боях за Царицын в феврале 1920 г. был захвачен белыми в плен и убит. См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М., 1961. С. 269.

Казань. 6/1X-1919 г. был утвержден ГУВУЗом³² комиссаром Казанских 9 кавалерийских командных курсов народов Востока, в каковой должности пробыл до 10/X-1920 г. За этот период состоял членом и председателем Суконно-Слободского райкома РКП/б/ Казанской организации, в ноябре 1919 г. участвовал в качестве делегата от Казанской губ. на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока в Москве, а также на многочисленных районных и губернских конференциях РКП/б/. Первым учредительным съездом Советов Татарской ТАССР в сентябре 1920 г. был избран членом ЦИКа и постановлением СНК ТАССР от 16/X-1920 г, назначен членом коллегии НКВД-начальником милиции ТАССР, на каковой должности находился с перерывами до апреля 1924 г. В 1921 г. постановлением Президиума ТЦИК был назначен наркомом просвещения Татарской АССР, с каковой должности выбыл вследствие продолжительной болезни. За весь период работы после объявления Татарской республики участвовал на всех областных партконференциях и республиканских съездах советов, избирался членом ОКа³³ ВКП/б/, ЦИК, делегатом на Всероссийские съезды советов, выезжал на места для проведения кантонных³⁴ съездов, как уполномоченный ОКа. Много раз переизбирался в члены Казанского городского совета. На 8-ой областной Конференции ВКП/б/ в марте 1924 г. был вновь переизбран в члены ОКа и введен в состав бюро. Постановлением ОКа и президиума ЦИК в апреле 1924 г., был назначен и.о. предсовнаркома Татреспублики и на II сессии ЦИКа в июне 1924 г. избран председателем Совнаркома Тат. АССР, на каковой должности находился до 10/1X-1927 г. За это время был также членом бюро ОКа ВКП/б/. Был делегатом от Татарской республики на XII и XIII Всероссийских съездах советов, на III-ем и IV Всесоюзных съездах советов. С 1925 по 1929 г. был членом ВЦИК и ЦИК СССР.

Участвовал с решающим голосом на XIII съезде ВКП/б/, на 14 и 15 Всесоюзных партконференциях и с совещательным на XIV съезде ВКП/б/.

31 августа был назначен членом Малого Совнаркома РСФСР. 2-го июня 1928 г. был утвержден членом Подготовительной Комиссии СНК ССР. На указанной работе находился до осени 1930 г. С сентября 1930 г. до июня 1933 г. состоял слушателем Института Красной Профессуры Истории. 15-го апреля 1933 г. был назначен членом Коллегии Наркомпроса КРСФСР и с тех пор в основном работаю в указанном наркомате.

³² ГУВУЗ – в данном случае Главное управление военно-учебных заведений Наркомата по военным и морским делам РСФСР.

³³ ОК – областной комитет компартии.

³⁴ Кантон – административно-территориальная единица, существовавшая в Поволжье и Приуралье вплоть до середины XX в.

За все время состояния в рядах партии никаким партвыска-
ниям не подвергался, а также не привлекался к ответственности по
советской и военной линии.

Ни в каких оппозициях не участвовал.

(Дата: от руки) 15/1-1937 (Подпись) Габидуллин

Там же. Л. 8–9. Машинопись. Подлинник.

Архивные материалы

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 6597.

СПбФ АРАН. Ф. 433. Оп. 1. Д. 1.

Список литературы

Алфавит Октября. М.; Л., 1934.

Амиров К. Казань. Где эта улица, где этот дом. Казань, 1995.

Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931.

Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Бартольд В.В. Со-
чинения. М., 1977.

Большая российская энциклопедия. Т. 11. М., 2008.

Большая российская энциклопедия. Т. 14. М., 2009.

Боровков А.К. К вопросу об унификации тюрк. алфавитов в СССР // Советское
востоковедение. 1956. № 4.

Васьков Я.В., Сорокина М.Ю. Люди и судьбы. Библиографический словарь
востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991).
СПб., 2003.

Габидуллин Х.З. Младотурецкая революция: исторические очерки. М., 1936.

Габидуллин Х.З. Проблемы младотурецкой революции // Революционный Восток.
1934. № 3. С. 146–164; № 4.

Дешериев Ю.Д. Развитие младописьменных языков народов СССР. М., 1958.

Императорская Россия и мусульманский мир: Сб. материалов / Сост. Д.Ю. Арапов.
М., 2006.

Ислам на Европейском Востоке. Энциклопедический словарь. Казань, 2004.

Историческая политика в ХХI в. / Под ред. А. Миллера, М. Липман. М., 2012.

Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР. М., 1986.

Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII –
1917 г.). СПб., 1994.

Летопись Московского университета. Исторический факультет. М., 2009.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Милюбанд С.Д. Востоковеды России. XX – начало ХХI вв. Кн. 1. М., 2008.

Милюбанд С.Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов с
1917 г. 2-е изд. М., 1995. Кн. 2.

Мусаев К.М. Алфавиты языков народов СССР. М., 1965.

Панин Е.В. Создание и функционирование советских высших учебных заведений
для национальных меньшинств. 1920–1930-е гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист.
наук. М., 2012.

Революция и письменность. Вып. 1 (16–17). [Б.м.], 1933.

Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Скоркин К.В. На страже завоеваний революции: Справочник. Местные органы
НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. М., 2010.

- Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М., 1961.
 Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1973.
 Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924. М., 2003.
 Яковлев Н. Итоги унификации алфавитов в СССР // Советское строительство. 1931. № 8.
 Türkiye ile Sovyetler Birliğinde başlıca dilcilik meseleleri ve dil kuruluşunun pratiği // Üçüncü Türk Dil Kurultayı. 1936. Tezler. Müzakere zabıtlar. İstanbul.

Archive Sources

- Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fond 17. Series 100. File 6597.
 The Archive of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg Branch). Fond 433. Series 1. File 1.

References

- Alfavit Oktyabrya* (Alphabet of October). M.; L., 1934.
 Amirov K. *Kazan'. Gde eta ulitsa, gde etot dom* (Kazan. Where is this Street, Where is this House). Kazan', 1995.
 Arsharuni A., Gabidullin Kh. *Ocherki panislamizma i panturkizma v Rossii* (Essays on Panislamism and Panturkism in Russia). M., 1931.
 Bartol'd V.V. *Istoriya izucheniya Vostoka v Evrope i Rossii* (History of Oriental Studies in Europe and Russia) // Bartol'd V.V. *Sochineniya* (Works). V. IX. M., 1977.
Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya (Great Russian Encyclopedia). V. 11. M., 2008.
Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya (Great Russian Encyclopedia). V. 14. M., 2009.
 Borovkov A.K. *K voprosu ob unifikatsii tyurk. alfavitov v SSSR* (On the Issue of the Unification of Turkish Alphabets in USSR) // *Sovetskoe vostokovedenie*. 1956. № 4.
 Vasil'kov Ya.V., Sorokina M.Yu. *Lyudi i sud'by. Biobibliograficheskii slovar' vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetskii period (1917–1991)* (People and Destinies. Bibliographical Dictionary of Orientalists, Who Fell Victim to the Political Terror during the Soviet Period (1917 – 1991)). SPb., 2003.
 Gabidullin Kh.Z. *Mladoturetskaya revolyutsiya: istoricheskie ocherki* (Young Turk Revolution: Historical Essays). M., 1936.
 Gabidullin Kh.Z. *Problemy mladoturetskoi revolyutsii* (On the Young Turk Revolution) // *Revolutsionnyi Vostok*. 1934. № 3. S. 146–164; № 4.
 Desheriev Yu.D. *Razvitie mladopis'mennykh yazykov narodov SSSR* (Development of the Languages with Recently Acquired Writing System in the USSR). M., 1958.
Imperatorskaya Rossiya i musul'manskii mir (Imperial Russia and the World of Islam): Sb. materialov / Sost. D.Yu. Arapov. M., 2006.
Islam na Evropeiskom Vostoke. Entsiklopedicheskii slovar' (Islam in Eastern Europe. An Encyclopedia). Kazan', 2004.
Istoricheskaya politika v XXI v. (Politics of History in XXI Cent.) / Ed. A. Miller, M. Lipman. M., 2012.
 Korzhikhina T.P. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii SSSR* (History of the USSR State Institutions). M., 1986.
 Kulikova A.M. *Vostokovedenie v rossiiskikh zakonodatel'nykh aktakh (konets XVII – 1917 g.)* (Oriental Studies in Russian Legislative Acts). SPb., 1994.
Letopis' Moskovskogo universiteta. Istoricheskii fakul'tet (Chronicle of Moscow State University. History Faculty). M., 2009.
Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' (Linguistic Dictionary). M., 1990.

- Miliband S.D. *Vostokovedy Rossii. XX – nachalo XXI vv.* (Russian Orientalists. XX – beginning of the XXI cent.). V. 1. M., 2008.
- Milliband S.D. *Biobibliograficheski slovar' otechestvennykh vostokovedov s 1917 g.* (Bibliographical Dictionary of Russian Orientalists since 1917). V. 2. M., 1995.
- Musaev K.M. *Alfavity yazykov narodov SSSR* (Alphabets of the People of the USSR). M., 1965.
- Panin E.V. *Sozdanie i funkcionirovanie sovetskikh vysshikh uchebnykh zavedenii dlya natsional'nykh men'shinstv. 1920–1930-e gg.* (Establishing and Functioning of the Soviet Higher Education Institutions for Ethnical Minorities) // PhD Dissertation. M., 2012.
- Revolutsiya i pis'mennost'* (Revolution and Writing Systems). Place of Publishing Unknown. V. 1 (16–17). 1933.
- Reformatskii A.A. *Iz istorii otechestvennoi fonologii* (From the History of Soviet Phonology). M., 1970.
- Skorkin K.V. *Na strazhe zavoevanii revolyutsii. Spravochnik. Mestnye organy NKVD-VChK-GPU RSFSR* (Guarding the Gains of Revolution. Dictionary of the Local NKVD-VChK-GPU Departments of the RSFSR). M., 2010.
- Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* (Soviet Historical Encyclopedia). V. 1. M., 1961.
- Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* (Soviet Historical Encyclopedia). V. 14. M., 1973.
- Chebotareva V.G. *Narkomnats RSFSR: svet i teni natsional'noi politiki 1917–1924* (Narkomnats (People's Commissariat of Nationalities) of the RSFSR: Light and Shadows of the National Policy, 1917–1924). M., 2003.
- Yakovlev N. *Itogi unifikatsii alfavitov v SSSR* (The Outcome of the Alphabet Unification Reform in the USSR) // *Sovetskoe stroitel'stvo*. 1931. № 8.
- Türkiye ile Sovyetler Birliğinde başlıca dilcilik meseleleri ve dil kuruluşunun pratiği* // Üçüncü Türk Dil Kurultayı. 1936. Tezler. Müzakere zabıtlar. İstanbul.

Д.Ю. Арапов, А.Д. Васильев

Сведения об авторах: *Арапов Дмитрий Юрьевич*, докт. ист. наук, профессор кафедры истории России до начала XIX века ист. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: hiztoricbetzy777@yandex.ru; *Васильев Александр Дмитриевич*, канд. ист. наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: advasilyev@mail.ru

About the authors: *Arapov Dmitry Yurievich*, PhD, prof., Department of the Russian History up to the Beginning of the XIX Century, History Faculty, Moscow State University. E-mail: hiztoricbetzy777@yandex.ru; *Vasilyev Aleskandr Dmitrievich*, PhD, *Institute of Oriental Studies* of the *Russian Academy of Sciences*. E-mail: advasilyev@mail.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ СЕМИНАР НА КАФЕДРЕ КИТАЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

SEMINAR ON CHINESE LITERATURE AT THE DEPARTMENT OF CHINESE PHILOLOGY

На кафедре китайской филологии ИСАА МГУ осенью 2012 г. был создан литературоведческий семинар, одной из основных задач которого стало установление диалога между исследователями кафедры, определение круга интересов каждого из них, создание своего рода «дорожной карты» исследований, рассмотрение проблем, с которыми сталкиваются аспиранты и молодые преподаватели в процессе своей работы.

В семинаре активное участие приняли не только аспиранты и преподаватели кафедры китайской филологии, но и коллеги – выпускники прошлых лет исторического отделения ИСАА МГУ, ныне аспиранты ИВ РАН (научный руководитель – М.Ю. Ульянов), а также молодые востоковеды из ИДВ РАН и других научных учреждений.

Темы докладов были организованы в хронологическом порядке – от древности к современности – семинар явился продолжением кафедральной традиции изучения всех периодов литературы Китая. Сама Л.Д. Позднеева, первый заведующий, как и ее учитель академик В.М. Алексеев, прошла непростой путь от изучения современной литературы к анализу ее истоков в древности. Всего в прошедшем учебном году прошло девять заседаний, на которых было сделано 13 докладов. В связи с тем, что тематика докладов была обширной и являлась результатом длительных исследований, проводимых в рамках написания статей, курсовых и дипломных работ, то и на сам доклад и последующее его обсуждение уходило большое количество времени, в течение одного заседания обычно выступал только один или два докладчика.

* * *

Аспирант первого курса *К.Е. Барабошкин* (научный руководитель – доц., канд. филол. наук *И.И. Семенов*) сделал доклад, посвященный рассмотрению **литературной теории Ван Чуна** (ок. 27–100 гг. н. э.), который оставил после себя труд *Лунь хэн* 论衡 («Весы суждений»). На материале переведенных докладчиком шести глав, посвященных рассуждениям о литературе, были охарактеризованы структурные и стилистические особенности памятника, выведена объединенная классификация видов произведений и литераторов. Докладчиком был сделан вывод о том, что художественная функция литературы отодвигается автором на задний план, во главу же угла встают произведения функциональных жанров, так как литература призвана воспитывать подрастающие поколения, а потому и литераторы должны быть беспристрастными и писать правди-

во. Обсуждение теории Ван Чуна вызвало дискуссию среди участников семинара. Было обращено внимание на то, что подход автора трактата в современном понимании этого слова несистемен, что вынуждает исследователя собирать информацию об отношении автора к той или иной проблеме со всего трактата, иногда сталкиваясь с противоречащими друг другу высказываниями.

Аспирант *Ю.А. Кузнецова* (научный руководитель – доц., канд. филол. наук Д.Н. Воскресенский) выступила с докладом, посвященным **китайской «экспериментальной» драме** на примере драматического творчества китайского писателя Гао Синцзяня (1940 г.р.). В докладе был рассмотрен ряд пьес начала 1980-х годов, выступающая уделила внимание аспектам преемственности как китайской, так и западной литературной традиции, а также переосмыслению и последующей трансформации этих традиций драматургом. Было обращено внимание и на значение теоретических работ Гао Синцзяня, открывших новые пути развития сценического искусства в Китае.

Аспирант кафедры китайской филологии *М.В. Семенюк* (научный руководитель – доц., канд. филол. наук Д.Н. Воскресенский) выступила с докладом, посвященным **«шанхайскому стилю» в современной китайской литературе**. В рамках доклада был охарактеризован процесс формирования самостоятельного значения термина вне дихотомии «пекинского стиля» и «шанхайского стиля». М.В. Семенюк полагает, что специфика «шанхайского» направления не исчерпывается его «местной» принадлежностью, т. е. тематическим планом, но также включает ряд значимых особенностей художественного изображения. В рамках доклада были рассмотрены как произведения, стоявшие у истоков направления, такие как роман Хань Банцина «Цветы на море» (1892), так и произведения периода расцвета «хайпай» в 1940-е годы, в частности творчество Чжан Айлин и Су Цин. Был поставлен на обсуждение также вопрос об актуальности этого стиля в новейшей литературе, в частности, в творчестве современной шанхайской писательницы Ван Аньи.

В качестве приглашенного докладчика на семинаре выступила *Т.Б. Баторова*, канд. искусствоведения Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского с докладом о **художественных особенностях Пекинской оперы**. В рамках доклада был подробно рассмотрен генезис этого драматического жанра и процесс его обособления из ряда других направлений китайского театра. Был подробно рассмотрен принцип отбора сюжетного материала, специфика амплуа и подбора голосов исполнителей. Докладчик охарактеризовала мелодику музыки Пекинской оперы и ее интонационную природу, особенности темпа, метра и лада, а также специфику вокального исполнения. Доклад сопровождался аудио- и видеоматериалами, что вызвало особенный интерес у слушателей.

На семинаре с докладами также выступали: студентка четвертого курса *Е.А. Булавинцева* (научный руководитель – доц., канд. филол. наук И.И. Семененко): **образы, сюжет и стиль танских новелл о любви**; студентка четвертого курса *Е.Р. Тихомирова* (научный руководитель – доц., канд. филол. наук И.И. Семененко): **поэтика анекдота (V в. н.э.)**; студентка третьего курса *А.О. Фиалковская* (научный руководитель – доц., канд.

филол. наук И.И. Семененко): **образ Чжуанцзы в «Чжуанцзы»**; студентка третьего курса, *А.А. Шевцова* (научный руководитель – доц., канд. филол. наук И.И. Семененко): **типология сунских новелл «чуаньци» в сравнении с европейской новеллой Ренессанса**; студентка второго курса магистратуры *О.А. Горшкова* (научный руководитель – доц., канд. филол. наук С.В. Никольская): **«Женская тема» в литературе XX века и др.**

* * *

По итогам встреч 2012–2013 гг. можно заключить, что семинар стал эффективной площадкой по обмену исследовательским опытом, а также стал одной из форм разрешения сложных вопросов, которые выявлялись у участников во время докладов. Значимую роль семинар сыграл и в подготовке квалификационных работ, многие замечания и обсуждения нашли отражение в курсовых работах студентов, а эффективность работы семинара была отмечена на защите квалификационных работ в мае 2013 г. Семинар стал важным этапом в процессе интеграции студентов в научную жизнь кафедры, а также помог расширить знания в выбранном предмете, овладеть необходимой методологией и получить опыт публичных научных выступлений.

Семинар также предоставил возможность получить более полную картину развития литературного процесса в Китае, ознакомиться с работами коллег, исследующих литературу этих периодов и расширить свой научный кругозор. Это особенно актуально в связи с тем, что на данный момент можно отметить недостаточную степень изученности китайской литературы отдельных периодов, и одной из важных научных задач кафедры является восполнение этого дисбаланса. Дальнейшее развитие семинара в 2013–2014 гг. предполагает выход обсуждаемой проблематики за рамки кафедры китайской филологии – проведение встреч с литературоведами других кафедр, а также расширение и поддержание связей со специалистами из других институтов.

К.Е. Барабошкин, М.В. Семенюк

Сведения об авторах: *Барабошкин Константин Евгеньевич*, аспирант кафедры китайской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: baraboshkin-kons@yandex.ru; *Семенюк Мария Владимировна*, аспирант кафедры китайской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: novembertune@yandex.ru

About the authors: *Baraboshkin Konstantin Evgenievich*, PhD student, Department of Chinese Philology Institute of Asian and African studies Moscow State University. E-mail: baraboshkin-kons@yandex.ru; *Semenyuk Maria Vladimirovna*, PhD student, Department of Chinese Philology Institute of Asian and African studies Moscow State University. E-mail: novembertune@yandex.ru

ПАМЯТИ...

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ ГРИВНИН (1923–2014)

Отечественное востоковедение постигла тяжелая утрата – 25 марта на 91-м году жизни от нас ушел выдающийся японовед и автор переводов японской художественной литературы Владимир Сергеевич Гривнин. Доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ В.С. Гривнин долгие годы работал в Институте стран Азии и Африки, воспитав многие поколения японистов. Большинство преподавателей кафедры японской филологии были и остаются его учениками.

Родился В.С. Гривнин 27 сентября 1923 г. в Харькове. Окончив в 1944 г. Московский военный институт иностранных языков, Владимир Сергеевич всю последующую жизнь посвятил исследовательской работе в области японоведения, переводческой и преподавательской деятельности. Он опубликовал около 150 научных работ и учебных пособий по проблемам современной литературы, культуре Японии, теории перевода. В 1976 г. Владимир Сергеевич защитил докторскую диссертацию на тему «Творчество Акутагава Рюноске», а в 1980 г. обобщил результаты исследования творчества этого выдающегося японского писателя в монографии «Акутагава Рюноске. Жизнь. Творчество. Идеи». Перу профессора Гривнина принадлежат блестящие переводы Акутагава Рюноске, Абэ Кобо, Оэ Кэндзабуро. В его переводах и под его редакцией изданы собрания сочинений этих авторов на русском языке. Переводы отдельных произведений этих авторов, а также романов Эндо Сюсаку, Ясунари Кавабата и многих других японских литераторов неоднократно переиздавались и до сих пор переиздаются в России. В 1997 г. В.С. Гривнин был удостоен высокой награды – японского ордена Восходящего Солнца. В 1999 г. за изданное в переводе и под редакцией Владимира Сергеевича собрание сочинений Абэ Кобо в четырех томах издательством «Иностранная литература» ему была присуждена премия «Иллюминатор». Эта премия за выдающиеся заслуги в области перевода и исследования зарубежной литературы.

Владимир Сергеевич был не только выдающимся исследователем и переводчиком, но и блестящим педагогом. Он обучал студентов разным аспектам японского языка, но главным стал письменный перевод с японского языка на русский. Плодотворная практическая работа в области перевода привела его в область теории: он не только объяснял сложнейшие языковые нюансы, но и формировал у студентов универсальные навыки, воспитывал в них понимание культуры и литературы страны, менталитета японского народа.

В памяти всех, кто работал и учился у Владимира Сергеевича, он навсегда останется выдающимся ученым и педагогом, мудрым, благожелательным и остроумным человеком.

С.А. Быкова, Е.В. Стругова